

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СЕМАНТИКА И ФОРМА
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАКОВ
ЯЗЫКА**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Всероссийской научной конференции

(Курган, 19-20 мая 2003 года)

КУРГАН 2003

УДК 801

С 30

Семантика и форма фразеологических знаков языка: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Н.Б. Усачева. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2003. – 154 с.

В сборник вошли тезисы докладов, в которых рассматривается взаимодействие внешней и внутренней формы фразеологических единиц, констатируется и доказывается знаковая природа фразеологизмов современного русского языка.

Авторы тезисов предлагают новые методики структурного и семантического анализа фразеологических единиц, основанные на признании их номинативной функции.

Сборник тезисов предназначен для преподавателей, аспирантов, студентов и всех тех, кто интересуется лингвистикой.

Редакционная коллегия:

Усачева Н.Б. (отв. редактор),

Туркина Б.В., Лебединская М.И.

ISBN 5-86328-582-6

© Курганский

государственный университет, 2003

МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНАЯ ВНУТРИФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ — СОЮЗОВ

М.А. Аверина
Челябинск, Челябинский государственный
педагогический университет

Внутрифразеологическая омонимия является актуальной проблемой в современной фразеологии и рассматривается в работах В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, В.П. Жукова, А.М. Чепасовой, Н.А. Павловой, Р.П. Рогожниковой и многих других. Способность фразеологизмов вступать во внутренние омонимические отношения определяются такими свойствами, как цельность значения, тождественность звучания и написания, одинаковое количество компонентов, тождественность синтаксической модели. Межкатегориальные фразеологические омонимы имеют одинаковый компонентный состав, тождественную синтаксическую модель, но различаются типом категориального значения, синтаксической и лексико-семантической сочетаемостью.

По данным нашей картотеки, самая многочисленная по количеству омонимических пар группа – 24 из 39 – фразеологизм - союз – фразеологизм-частица, например: *а вот*¹ (фр. с.) – *а вот*² (фр. ч.); *а то*¹ (фр. с.) – *а то*² (фр. ч.); *будто бы*¹ (фр. с.) – *будто бы*² (фр. ч.); *если бы*¹ (фр. с.) – *если бы*² (фр. ч.); *как будто*¹ (фр. с.) – *как будто*² (фр. ч.); *как бы*¹ (фр. с.) – *как бы*² (фр. ч.); *не только*¹ (часть фр. с.) – *не только*² (фр. ч.).

Фразеологизмы приведённых омонимических цепочек имеют одинаковый компонентный состав, характеризуются тождеством структурной модели, относятся к морфологически неизменяемым фразеологизмам, но различаются типом категориального значения и обнаруживаются в разных синтаксических условиях.

*На вершине её (горы) показался во всей рыцарской сбруе человек на коне с закрытыми очами, и так был виден, как бы*¹ *вблизи (Н.В. Гоголь. Страшная месть). Это он, молодой орёл, как бы*² *прилетел к темнице, он – грустный товарищ узника (В. Чивилихин. Память).*

В первом предложении *как бы*¹ выражает связь между частями сложного предложения (приместоимённое придаточное со значением сравнения), является фразеологизмом-союзом. Во втором предложении фразеологизм *как бы*² связан с глаголом прошедшего времени *приле-*

тел, служит для выражения значения уподобления, принадлежит к классу фразеологизмов-частиц.

По данным нашей картотеки, фразеологизмы-союзы обнаруживают способность вступать в омонимические отношения одновременно с двумя (реже – с тремя) классами фразеологических единиц, образуя сложные цепочки: *во всяком случае*¹ (кач. - обст.), *во всяком случае*² (фр. - с.) – *во всяком случае*³ (фр. - ч.) – *во всяком случае*⁴ (мод.), *только что*¹ (к - о) – *только что*² (фр. - с.) – *только что*³ (фр. - ч.), *всё равно*¹ (призн.), *всё равно*² (кач.-обст.), *всё равно*³ (фр. - с.), *по крайней мере*¹ (фр. - с.) – *по крайней мере*² (фр. - ч.) – *по крайней мере*³ (мод. фр.).

Омонимичные фразеологизмы-союзы, фразеологизмы-частицы, качественно-обстоятельственные и модальные фразеологизмы имеют одинаковый компонентный состав, характеризуются тождеством структурной модели, относятся к морфологически неизменяемым фразеологизмам, но обнаруживаются в разных синтаксических условиях и различаются типом категориального значения.

*Во всяком случае*¹ (кач.-обст.) - *во всяком случае*² (фр.с.) – *во всяком случае*³ (фр. ч.) – *во всяком случае*⁴ (мод.).

*Я твёрдо был уверен, что во всяком случае*¹ *встречу его сегодня у мамы (Ф.М. Достоевский). Его сотрудники-немцы требовали уходить на запад, ехать в Геттинген, во всяком случае*² *не оставаться здесь (Д. Гранин Зубр). Не то чтоб ему уж так очень нравились легкомысленные и во всяком случае*³ *необъяснимые поступки этого ветреного мужика... (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели). Сейчас в мире стоит не то чтобы совсем пасмурная, но, во всяком случае*⁴, *довольно хмурая погода (К. Симонов. Сегодня и давно).*

Фразеологизм *во всяком случае*¹ служит для обозначения признака действия, имеет значение “обязательно”, сочетается с глаголом *встречу*, значит, это качественно-обстоятельственный фразеологизм. Фразеологизм *во всяком случае*² связывает части сложного предложения, подчёркивая отношения противопоставления между ними, следовательно относится к классу фразеологизмов-союзов. Фразеологизм *во всяком случае*³ занимает присловную позицию в предложении, уточняет семантику слова *необъяснимые*, служит для выражения значения уточнения, имеет единое, цельное, слитное интонационное оформление с тем словом, значение которого уточняет, следовательно, относится к классу фразеологизмов-частиц. Фразеологическая единица *во всяком случае*⁴ занимает обособленное

положение внутри предложения, выделена пунктуационно, имеет автономное интонационное оформление, выражает отношение говорящего к действительности, относится к модальным фразеологизмам.

Внутрифразеологическая омонимия возникает как следствие формального совпадения единиц с разными категориальными значениями. Существование таких единиц качественно и количественно обогащает фразеологический состав русского языка.

О ВВЕДЕНИИ ГЕНДЕРНОГО КОМПОНЕНТА В ТОЛКОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СЛОВАРЕ

Ф.М. Белозерова
Курган, Курганский государственный университет

Коммуникативные возможности фразеологических единиц (ФЕ) связаны со спецификой их семантики, которая должна быть тонко интерпретирована во фразеологическом словаре. В толковании значения должен учитываться и прагматический аспект - способность ФЕ воздействовать на участников коммуникации. Введение гендерной парадигмы в структуру словарной статьи словаря способствует более глубокому раскрытию семантики фразеологических единств.

Гендерная парадигма предполагает, в частности, обращение к понятию политической корректности. Политическая корректность – ограничение или запрещение употребления слов, словосочетаний, устойчивых выражений, фразеологизмов, дискредитирующих представителей любых социальных групп, унижающих человеческое достоинство. Сексизм в языке особенно ярко проявляется в пословицах и поговорках, характеризующих человеческую натуру. В русском языке немало пословиц о женщине, создающих крайне негативные образы представительниц человеческого рода. Пословицы и поговорки подобной семантики должны рассматриваться с позиций гендерного подхода и политической корректности как “угнетатели”, и в толкование их значения должна быть введена помета о политической корректности. Приведем два примера, требующих гендерно-маркированного комментария: “бабе дорога - от печи до порога” - политически некорректная поговорка – компонент “баба” в значении “женщина” - просторечное слово с уничижительным оттенком, семантика носит дискриминационный характер, антиженский характер; “где баба, там рынок; где две - там базар” - в контексте пого-

ворки компоненты “баба”, “базар” имеют отрицательную оценочность, в семантике – дискредитирующая женщин характеристика.

В ряде пословиц и поговорок провозглашается мужское доминирование как норма, например, “курице не быть петухом, а бабе мужиком”, “собака умней бабы: на хозяина не лает ”; метафорически акцентируются негативные черты женского характера, например: “кто с бабой свяжется, тот сам баба будет”, “курица гогочет, а петух молчит”, “от нашего ребра не жди добра” и иррационально утверждается, что “кобыла не лошадь, баба - не человек ”.

В словаре феминной фразеологии подобные пословицы и поговорки должны сопровождаться пометой о политической некорректности и гендерно-маркированным комментарием семантики.

Включение пометы о политкорректности языковых единиц с гендерно-маркированным комментарием семантики актуально, во-первых, с позиций гендерного подхода к процессу коммуникации, во-вторых, при обучении русскому языку как иностранному. Как показывает опыт преподавания русского языка американским студентам, они проявляют неизменный интерес к изучению русских фразеологических единиц, в том числе пословиц и поговорок. Знакомство с феминной фразеологией, в частности, без соответствующего гендерно-ориентированного комментария особенностей семантики и политкорректности приводит к неадекватному пониманию или полному непониманию фразеологических единиц, неправильному их употреблению.

Включение дополнительных помет в толкование фразеологических единиц становится очевидным, если принимать во внимание прагматический аспект языковых знаков и реалий XXI века.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЖЕНСКИХ ИМЕН ВО ФРАЗЕОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

*Белозерова Ф.М., Талашова Э.М.
Курган, Курганский государственный университет*

Исследование репрезентации женских имен во фразеологии является одним из аспектов введения гендерного измерения в рассмотрение фразеологических единиц. Фразеологические единицы (ФЕ) с ком-

понентами - женскими именами являются неотъемлемой частью фразеологических фондов английского, немецкого и русского языков. Наибольшую продуктивность на фразеологическом уровне проявляют имена: англ. Mary, Anne, Eve, Sally, Elisa, Molly, нем. Liese, Eve, Marie, русск. Марья, Варвара, Акулина, Маланья. Среди имен, включенных в процесс фразеологизации, отмечаются межъязыковые корреляты, например: Mary-Marie-Марья; Catherine-Катерина; Anne-Аннушка; Elisa-Liese.

Рассматриваемые ФЕ в трех языках демонстрируют черты сходства в 1) типологии имен-компонентов ФЕ, 2) структурной организации, 3) путях переосмысления значения, 4) преобладании отрицательно-окрашенной семантики, 5) наличии межъязыковых коррелятов - женских имен в составе ФЕ, 6) наличии полных фразеологических эквивалентов - интернационализмов. Различия касаются 1) степени десемантизации имени в составе ФЕ, например, в немецком и английском языках, в отличие от русского, процесс десемантизации может проходить гораздо глубже - вплоть до превращения личного имени в нарицательное, 2) архаичности и сниженности стилистической окраски фразеологических единиц в русском языке на фоне более стилистически нейтральных ФЕ английского и немецкого языков.

Фразеологические единицы с компонентами - женскими именами образуют несколько этимолого-семантических групп, среди которых - ФЕ фольклорного происхождения, библеизмы, ФЕ, связанные с национальной историей, греко-римской мифологией, ФЕ, возникшие на основе произведений национальной и мировой литературы. Особую группу составляют ФЕ с компонентами - искусственно образованными именами, с нарицательными именами, функционирующими как личные имена, например, русск. "Царевна Несмеяна".

В лексической системе личные имена лишены какой-либо оценочности, появляющейся в составе ФЕ. Например, негативная характеристика женской натуры репрезентируется в исследуемых ФЕ трех языков: англ. dumb Dora (амер., досл. Немая Дора) - глупая девушка; A miss Dolly - неженка, "баба"; a miss Nancy - чопорная, чрезмерно щепетильная девушка; нем. Eine dumme Liese - глупая, Eine Liederliche Liese - неряха; русск. "У растяпы Дарьи каждый день аварья", "в праздник Груша, а в будни клуша".

Во фразеологии трех рассматриваемых языков преобладают ФЕ с отрицательной оценкой. Женские имена становятся символами каких-либо положительных или отрицательных качеств, например, отрицательную коннотацию приобретают имена Minnie, Liese в немецкой фразеоло-

логии, Mary – в английской, Варвара, Татьяна - в русской.

Актуализация женских личных имен во фразеологии обогащает ФЕ как языковые знаки, создавая женский мир во фразеологической картине мира, с одной стороны; с другой стороны, дополняются представления о данном разряде лексики, о ее семантическом статусе и месте в языковой системе. Гендерная парадигма позволяет по-новому рассмотреть фразеологические единицы как культурные знаки, отражающие стереотипы национального менталитета.

Фразеология больше, чем любая другая часть словарного языка, тесно связана с историей, традициями и литературой народа, говорящего на данном языке. Это ее свойство достаточно ярко проявляется в ФЕ, компонентом которых является женское имя собственное.

Одним из основных вопросов изучения данной группы ФЕ является этимология имени собственного и, следовательно, всех ФЕ, так как этимология ФЕ и семантика непосредственно связаны с этимологией имени собственного и базируются на ней. Нет сомнения в том, что в диахроническом плане ФЕ этимологически мотивированы, так как в момент их возникновения и усвоения в языке носители языка тесно осознавали связь между именем собственным и значением ФЕ. В синхронном плане большинство из них утратило свою мотивацию.

Все ФЕ можно условно разбить на этимологосемантические блоки.

1. Одну группу составляют исконные идиомы, большинство которых существуют в языке многие века – русск. *Как на Маланьину свадьбу*, англ. *Catch Jesse, aunt Sally*. В эту же группу входят пословицы и поговорки, которые отражают повседневную жизнь и традиции народа, его нравы и обычаи, народные обряды, а также

2. ФЕ “народной этимологии” - названия растений, животных, явлений природы – русск. *Анютины глазки, Анютины слезки, Марьян корень, Марьян башимачок*.

3. ФЕ, возникшие на основе произведений национальной литературы – русск. *Ах, Боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна!* (А.С. Грибоедов); *людоедка Эллочка* (И. Ильф и Е. Петров); нем. *Johanna geht und nimmer kehrt sie wieder* (Ф. Шиллер), англ. *Darby and Joan* (Г. Вудфол), *little Mary* (Дж. Барри). Особенно много ФЕ вышло из произведений Шекспира и Диккенса: *What's Hecuba to him or he to Hecuba, Cordelia's gift*. У ряда ФЕ источником является мировая литература – нем. *Hast du zur nacht gebetet, Desdemone?* (Шекспир), англ. *sister Anne* (французская сказка). К этой же группе относятся

4. ФЕ, возникшие на основе народных сказаний и анекдотов, персонажи сказок фольклорные названия животных, ФЕ, образовавшиеся на базе детских песенок, считалок, других произведений устного народного творчества – русск. *Лиса Патрикеевна*, нем. *Frau Holle schüttelt ihre Betten aus* (фольклор).

5. Особенно большое число ФЕ с антропонимами – очень многие из которых являются интернационализмами – связано с греко-римской мифологией, античной литературой и историей – русск. *нить Ариадны, ящик Пандоры*, англ. *Cassandra's warnings*, нем. *etwas mit dem Ei der Leda beginnen*.

6. Библейзмы и ФЕ, связанные с религией – русск. *кающаяся Магдалина*, англ. *Eve's daughter*. ФЕ данной группы часто имеют эквиваленты во всех трех языках.

7. ФЕ, связанные с национальной историей, отражающие особенности общественно-экономической и культурной жизни страны. Здесь можно выделить ФЕ, обязанные своим возникновением реально существовавшим личностям – государственно-политическим деятелям, писателям, артистам, а также другим людям – участникам нашумевших судебных процессов, дуэлей и т.д. – англ. *A Sally Lunn* – “сладкая булочка” по имени женщины – кондитера XVIII века, *mother Bunch* – “гадалка”.

8. ФЕ, заимствованные из слэнга и профессиональных языков – англ. *able Grable, Anne Atomy, aunt Mary*.

9. Особую группу составляют ФЕ, включающие в свой состав а) искусственно образованные имена; б) имена, образованные на основе созвучия антропонима и названия какого-либо предмета; в) нарицательные имена, функционирующие на правах имени собственного – русск. *Царевна Несмеяна*, нем. *die schnelle Katharine haben*.

Сопоставительный анализ показал, что межъязыковые эквиваленты представлены главным образом фразеологическими единицами, имеющими своим источником античную мифологию:

<i>Английские ФЕ</i>	<i>Немецкие ФЕ</i>	<i>Русские ФЕ</i>
Pandora's box	Die Buchse der Pandora	Ящик Пандоры
The thread of Ariadna	Ariadnafaden	Нить Ариадны
Adam and Eve's togs	Im Evakostum	В костюме Евы
Repenting	Repentant	Кающаяся
Magdalina	Magdalene	Магдалина
Between Scilla and Charybdi's	----	Между Сциллой и Харибдой

Многие ФЕ имеют идентичную структуру и семантику, являясь результатом параллельного развития на основе сходства быта, традиций, привычек.

Иногда могут совпадать даже литературные цитаты, ставшие фразеологизмами: *Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна!* (А.С. Грибоедов) и *What will Mrs. Grundy say?* (Т. Мортон), букв. “*что скажет миссис Гранди?*”.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ- ДЕРИВАТОВ УЗУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Блинова Е. В.

Кострома, Костромской государственный университет

Структурно-семантические трансформации фразеологических единиц (ФЕ), широко распространенные в художественной речи, связаны с двумя основными процессами семантического преобразования ФЕ: во-первых, эксплицирование окказиональных и узуальных элементов фразеологического значения, приводящее к расширению компонентного состава или замене компонента (*тратить (деньги) на ветер; сдавать в исторический архив отжившие представления*). Во-вторых, переход эксплицитных семантических элементов в имплицитные, проявляющийся в сокращении компонентного состава вплоть до одного лексического компонента. Сокращение компонентного состава ФЕ в тексте связано чаще всего с деактуализацией смыслового содержания и образного представления эксплицируемой части компонентного состава ФЕ и актуализацией

семантики отдельных компонентов или сочетаний компонентов ФЕ. Этот процесс проявляется, главным образом, в следующих видах трансформации:

1) эллипсис (изъятие одного из компонентов) в пределах тождества ФЕ (*на волоске* (ср.: *висеть на волоске*));

2) выделение одного компонента (или сочетания компонентов), являющегося окказиональным лексическим (фразеологическим) дериватом узуальной ФЕ (*воздушные замки; мед и деготь*);

3) создание лексического деривата на базе морфемного состава двух или более компонентов ФЕ (*пенкоснимательство* (ср.: *снимать пенки*); *бельмесость* (*не смыслить ни бельмеса*)).

Окказиональные дериваты ФЕ получают определенное осмысление только в тексте, вне которого они не могут существовать. Их вычленение связано со спонтанным семантическим анализом ФЕ, из которой они вычленены, производимым употребившим их автором. Текст, в который они включены, рассчитан на «узнавание» читателем фразеологизма в целом и восприятие вычлененного из ФЕ компонента, несущего наиболее актуальный в конкретной ситуации смысл. Такие окказиональные дериваты ФЕ обычно приобретают в тексте обобщающее, абстрактное осмысление, часто становясь словесными символами. Иногда весь состав фразеологизма присутствует в тексте, но расчленен так, что каждое выделенное из ФЕ слово или словосочетание несет свой символический смысл, сопоставляемый или противопоставляемый другому, выделенному из ФЕ, символу (*журавль в небе – синица в руке; бочка меда – ложка дегтя* и т.п.) (См.: Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. 1997).

Автономное употребление выделенных компонентов ФЕ мотивировано контекстом, ситуацией; у слов и сочетаний, образованных на базе фразеологизмов, появляются новые коннотации. В таком употреблении они выполняют текстообразующую и концептообразующую функции. Таким образом, они становятся важнейшими элементами определенной композиционной части текста или целого текста. Термин «текстообразующий» в лингвистике применяется в отношении тех элементов текста, которые 1) имеют повышенную смысловую нагрузку, активно участвуют в выражении содержательной стороны текста и обеспечивают его внутреннюю спаянность (когерентность); 2) имеют большую структурную нагрузку, активно участвуют в формальной организации текста и обеспечивают его

внешнюю спаянность (когезию) (Третьякова И. Ю. О текстообразующей функции фразеологизмов // Семантика языковых единиц разных уровней. 2002. – С. 39).

Окказиональное слово или сочетание, выделенное из ФЕ, может активно воздействовать на контекст в силу своей образности, экспрессивности и оценочности. Актуализированные компоненты ФЕ могут становиться смысловой доминантой текста, концентрировать в себе главную мысль высказывания.

Рассмотрим текстообразующую роль окказиональных слов и сочетаний, образованных на базе ФЕ. В «гариках» Игоря Губермана довольно часто использованы слова, выделенные из фразеологизмов, в качестве ярких текстообразующих и смыслообразующих средств. В одном из текстов происходит актуализация компонента *соль* ФЕ *сыпать соль на рану*, имеющей словарную дефиницию “усилить страдания какими-либо действиями, словами”: *Если рвется глубокая связь, // боль разрыва врачуеться солью. // Хорошо расставаться, смеясь - // над собой, над разлукой, над болью*. Выделенное слово в тексте занимает ключевую позицию с точки зрения смысла и структуры (находится в сильной позиции стихоряда). На базе фразеологического значения оборота слово *соль* приобретает символический смысл: оно осмысливается как символ терзаний и страданий. Но в контексте проявляется амбивалентность содержания этого слова: символизируя страдание, врачующее боль, оно становится смысловой доминантой текста.

Сочетания слов, выделенных на базе ФЕ, могут актуализироваться, становясь семантической доминантой текста. Например, Н. Кожевникова в «Даче» использует компоненты *гром* и *молнии*, вычлененные из ФЕ *метать громы и молнии*: *Совершенно невозможно оказалось предугадать его реакции, что он может выкинуть в ответ. Слушает, все более к доверию располагая, и вдруг как взорвется! Гром и молнии*. Автор вычленяет только эти компоненты, выражающие семантику “гнев, упреки, обвинения”. Окказиональное сочетание становится ключевым, организующим данный фрагмент текста. Подобные словосочетания, вычлененные из состава ФЕ, являются окказиональными фразеологизмами.

При функционировании в произведениях различного объема, разных жанров окказиональные слова и фразеологизмы-дериваты узуальных ФЕ могут стать важным средством межфразовой связи, смысловой и структурной доминантой текста – важнейшим тексто-

образующим элементом, выражающим основное концептуальное содержание фрагмента текста или текста в целом.

ОБ ОМОНИМИИ И ПОЛИСЕМИИ В ЛЕКСЕМИКЕ И ФРАЗЕМИКЕ

Ю.Я. Бурмистрович

Абакан, Хакасский государственный университет

Когда говорят об омонимии и полисемии в лексемике и фраземике, то обычно отмечают следующее: 1) и омонимы, и полисеманты при абсолютно одинаковой звуковой оболочке имеют разное значение, 2) однако при этом у омонимов между значениями нет никакой связи, а у полисемантов определённая связь имеется, и она является связью непосредственной или опосредованной производности, 3) поэтому в омонимичных отношениях находятся **разные** единицы, а в полисемичных отношениях – семантические варианты **одной и той же** единицы (вполне очевидно, что быть семантическими вариантами одной языковой единицы могут лишь такие варианты, которые относятся к одному лексико-грамматическому классу, соотносительно – к одной части речи).

Но факты языка и речи говорят, что указанные три параметра омонимии и полисемии далеко не всегда дают возможность легко отнести пару однозвучных единиц к омонимам или к полисемантам.

Например, слова *течь* как глагол и *течь* как имя существительное, безусловно, имеют в значениях нечто общее, но, будучи отнесёнными к разным частям речи, не могут считаться семантическими вариантами одного слова, иначе, полисемантами. Нам не остаётся ничего, как считать их разными словами-омонимами. Но в таком случае нельзя говорить, что между омонимами не может быть никаких семантических связей, и, следовательно, наличие таких связей между одинаковыми по звуковым оболочкам языковым единицам не позволяет относить эти единицы только к полисемантам. Если они относятся к разным лексико-грамматическим классам, то они безусловные омонимы. Более того, если даже они относятся к одному лексико-грамматическому классу и имеют семантические связи, но относятся к разным грамматическим разрядам, они опять-таки не полисеманты, а безусловные омонимы (вспомним известные стро-

ки из поэмы А. С. Пушкина “Граф Нулин”: “А что же делает *супруга* одна в отсутствие *супруга*?”). Заметим, кстати, что в омонимичных отношениях находятся единицы **речи**, а не языка, т.е. словоформы и фразеоморфы (или аллолексограммы и аллофразограммы), а не лексемы и фраземы: у словоформ *течь* и *теку*, *супруг* и *супруга* совпадения звуковых оболочек нет, так что об их омонимичности говорить не приходится.

Одним из путей образования омонимов считается тот путь, когда между семантическими вариантами одной языковой единицы семантические связи разрываются, и эти варианты, таким образом, начинают восприниматься как разные языковые единицы. Иначе говоря, это путь образования омонимов из полисемантов. Нетрудно понять, что такой путь образования омонимов может быть только очень длительным. Возникает вопрос: “Чем являются семантические варианты в промежутке между началом и концом разрыва семантических связей между ними?” И, более того, пусть и для меньшей части носителей языка, но такой, которая интересуется историей своего народа и своего языка, связи между такими вариантами могут сохраняться и тогда, когда для большей части носителей языка, не интересующейся историей своего народа и своего языка, таких связей уже нет. Всё это ставит под сомнение то положение, что между омонимами и полисемантами существует резкая граница и что единицы, имеющие разное значение, могут представлять варианты одной единицы, а не разные самостоятельные единицы. Заметим к тому же, что семантические варианты, которые относят к одной единице, очень часто имеют **разные** по отношению друг к другу синонимы и антонимы, что также ставит под сомнение отнесение таких вариантов к одной единице.

В ещё большей степени указанное положение становится сомнительным тогда, когда мы, рассматривая процесс образования фразем как процесс ономаσιологический, обращаем внимание на тот, кстати, наиболее частотный, способ образования фразем, когда для объективации идеального содержания, которое в конечном итоге станет значением фраземы, используют звуковую оболочку свободного словосочетания **без какого-либо её изменения** (этот способ логичнее всего называть **метафоризацией** в широком смысле). Несмотря на однозвучность производного фразеологизма и производящего свободного словосочетания, на явные смысловые связи значений этого фразеологизма и этого словосочетания (фразеологизм по от-

ношению к свободному словосочетанию выступает как метафора) и, наконец, на отнесённость и той, и другой единицы к одному лексико-грамматическому классу, никто не считает, что образован новый семантический вариант одного и того же свободного словосочетания. Напротив, все считают, что была образована новая, другая по отношению к однозвучному словосочетанию единица и что между однозвучными фразеологизмом и словосочетанием существуют омонимичные отношения. Но разве не то же самое происходит при образовании слова, когда **без каких-либо изменений** используется звуковая оболочка уже существующего слова (например, при образовании слова *лиса* в значении ‘хитрый человек’ с использованием звуковой оболочки слова *лиса* в значении ‘зверь, которого считают одним из самых хитрых зверей’)? Почему же в этом случае говорят об образовании нового семантического варианта одного и того же слова *лиса*, а не об образовании нового однозвучного слова-омонима?

Есть во всей этой теме и ещё один неразрешимый вопрос. Если во всех явлениях, имеющих внешнюю форму и внутреннее содержание, одна определённая внешняя форма составляет единство с одним определённым внутренним содержанием, то в полисемантах допускается исключение из этого общего правила, а именно допускается такое положение, когда одна определённая внешняя форма составляет единство не с одним, а с несколькими определёнными внутренними содержаниями. Если во всех единствах внешней формы и внутреннего содержания главенство принадлежит внутреннему содержанию, то в полисемантах почему-то наоборот: главенство принадлежит внешней форме. Словом, полисемия в обычном понимании несёт в себе немало противоречий.

Думается, что эти противоречия можно устранить и всю обозначенную тут проблему можно решить более реалистично. Это решение можно представить в следующем виде.

Если две одинаковые по звуковой оболочке двусторонние единицы имеют такие разные значения, различие которых связано с различием ядерных сем их понятийных компонентов (в понятийных компонентах ‘человек’ и ‘зверь’ различны именно ядерные семы, даже если человек и зверь равно хитры, за что человек получил наименование *лисы*), то такие единицы являются разными единицами-омонимами, независимо от того, имеются или не имеются среди периферийных сем понятийных компонентов их значений, а также среди

любых сем образных и эмотивно-оценочных компонентов их значений общие семы.

Взаимоотношения между омонимами внутри каждой омонимической пары могут быть различными. Если принять во внимание такие параметры, как а) уровень языковой структуры, б) лексико-грамматический класс, в) грамматические признаки, г) производность, то могут быть выделены такие типы омонимии среди **словоформ**:

1) омонимия единиц разных языковых уровней, разных лексико-грамматических классов, с разными грамматическими признаками, не связанных отношениями производности: *досада* – *до сада*;

2) омонимия единиц одного языкового уровня, разных лексико-грамматических классов, с разными грамматическими признаками, не связанных отношениями производности: *три* (числительное) – *три* (форма повелительного наклонения глагола *тереть*), *труд* – *трут* (форма 3 лица множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения того же глагола *тереть*);

3) омонимия единиц одного языкового уровня, одного лексико-грамматического класса, с одинаковыми грамматическими признаками, не связанных отношениями производности: *рейд* ‘набег’ – *рейд* ‘место для стоянки кораблей’ (имеется в виду, что падежные формы этих слов одинаковые: у обоих слов или только именительный падеж, или только винительный);

4) омонимия единиц одного языкового уровня, одного лексико-грамматического класса, с разными грамматическими признаками, не связанных отношениями производности: *рейд* ‘набег’ – *рейд* ‘место для стоянки кораблей’ (имеется в виду, что падежные формы этих слов разные: у одного слова именительный падеж, а у другого – винительный);

5) омонимия единиц одного языкового уровня, разных лексико-грамматических классов, с разными грамматическими признаками, связанных отношениями производности: *течь* (глагол) – *течь* (имя существительное);

6) омонимия единиц одного языкового уровня, одного лексико-грамматического класса, с одинаковыми грамматическими признаками, связанных отношениями производности: *стол* ‘вид мебели’ – *стол* ‘питание’ (имеется в виду, что падежные формы этих слов одинаковые: у обоих слов или только именительный падеж, или только винительный);

7) омонимия единиц одного языкового уровня, одного лексико-грамматического класса, с разными грамматическими признаками, связанных отношениями производности: *стол* ‘вид мебели’ – *стол* ‘питание’ (имеется в виду, что падежные формы этих слов разные: у одного слова именительный падеж, а у другого – винительный).

Если принять во внимание те же параметры, то могут быть выделены такие типы омонимии среди **фразеоморф**:

1) омонимия единиц разных языковых уровней, разных лексико-грамматических классов, с разными грамматическими признаками, связанных отношениями производности: *хлебом не корми* (фразеологизм) – *хлебом не корми* (свободное словосочетание);

2) омонимия единиц разных языковых уровней, одного лексико-грамматического класса, с одинаковыми грамматическими признаками, связанных отношениями производности: *тяжёлая артиллерия* (один из фразеологизмов) – *тяжёлая артиллерия* (свободное словосочетание);

3) омонимия единиц одного языкового уровня, разных лексико-грамматических классов, с разными грамматическими признаками, связанных отношениями производности: *себе на уме* ‘скрытный’ – *себе на уме* ‘скрытность’;

4) омонимия единиц одного языкового уровня, одного лексико-грамматического класса, с одинаковыми грамматическими признаками, не связанных отношениями производности: *тяжёлая артиллерия* ‘неповоротливые, медлительные люди’ – *тяжёлая артиллерия* ‘то, что придерживается на самый крайний случай как самое надёжное, действенное средство для достижения каких-то целей’;

5) омонимия единиц одного языкового уровня, одного лексико-грамматического класса, с одинаковыми грамматическими признаками, связанных отношениями производности: *во все лопатки* ‘очень быстро’ – *во все лопатки* ‘очень сильно, очень страстно’ : “*Ну и люби во все лопатки*” (А.П. Чехов).

Если об омонимах говорить как о принадлежности только устной речи (что чаще всего и фигурирует в определениях омонимов), то так называемые омофоны можно использовать в примерах без каких-либо оговорок (что мы и сделали в одном случае). Если же подчеркнуть, что омонимы могут быть не только в устной речи, но и в письменной, и соответственно учитывать характер совпадения материальных оболочек или только лишь в звучании, или только лишь в написании, или и в том и в другом, то можно делить все

омонимы ещё и на **омофоны, омографы, омофонографы**. С другой стороны, если учитывать характер расхождения значений (расходятся или только лексические значения, или лексические и хотя бы одно грамматическое), то можно делить все омонимы на **лексические и лексико-грамматические**. При этом важно иметь в виду, что классификация омонимов по характеру совпадения их материальных оболочек и классификация их по характеру расхождения их значений – это две совершенно разные классификации, а потому разряды, выделенные по одному основанию, и разряды, выделенные по другому основанию, **не могут стоять в одном ряду**. Тут возможно и необходимо другое – чтобы каждая пара омонимов получила **двойную** квалификацию, например: *с гилькин нос* ‘мал’ и *с гилькин нос* ‘мало’ – омофонографы лексико-грамматические, *прохаживался насчёт* (кого-то) ‘отзывался неодобрительно’ и *прохаживался на счёт* (чей-то) ‘подшучивал’ – омофоны лексические, *на ухо* ‘каждому’ и *на ухо* ‘тихонько, по секрету’ – омографы лексико-грамматические, *ключ* ‘отмычка’ и *ключ* ‘родник’ – омофонографы лексические, если перед нами словоформы одного падежа, например, именительного, и омофонографы лексико-грамматические, если перед нами словоформы разных падежей, например, именительного и винительного.

Нетрудно увидеть, что в наших примерах под номером 6 для словоформ и под номером 5 для фразеомформ значится то, что обычно называют полисемией. Нетрудно также увидеть, что у нас полисемия рассматривается как один из типов омонимии, как взаимоотношения представленных вариантов **не внутри** одной единицы, **а между** разными единицами. В связи с этим термин “полисемия” теряет смысл. Но это вовсе не говорит о том, что выдвинутая точка зрения может ослабить изучение соответствующего явления. Напротив, если раньше изучались в основном крайние случаи омонимии, то теперь появляется возможность изучать **все** случаи омонимии, среди которых своё место займёт и то, что раньше относили к полисемии.

О СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕМ

Бурмистровиц Ю.Я.

Абакан, Хакасский государственный университет

Если на фразеологизм смотреть как на единицу языка в узком смысле слова **язык**, т.е. как на фразему, то он выступает как двусто-

ронняя единица с нецелостной фонемной оболочкой, но целостным значением. Целостность значения фраземы заключается в том, что это значение не распределяется между компонентами фонемной оболочки её таким образом, чтобы за каждым фонемным компонентом стояла определённая часть значения. Но таким же целостным является и лексическое значение языкового слова, т.е. лексемы. Поэтому и значение фраземы можно назвать лексическим. Несмотря на то, что по отношению к фраземе этот термин несколько шероховат (*λεχις* по-гречески – это всё-таки только слово), он тем не менее достаточно удобен, особенно в тех случаях, когда мы лексическое значение противопоставляем грамматическому значению, которое обнаруживается в слове и во фразеологизме, если мы смотрим на эти единицы как на единицы речи, т.е. соответственно как на алло-лексограммы и на алло-фразограммы.

Если по отношению к фонемной оболочке фраземы её значение целостно, то безотносительно к этой фонемной оболочке оно выступает как явление составное, складывающееся из целого ряда семантических компонентов, находящихся в определённых отношениях друг к другу, т.е. как явление, представляющее собой определённую структуру.

Эта структура выглядит как объединение нескольких семантических макрокомпонентов, внутри каждого из которых выделяются свои семантические микрокомпоненты.

Макрокомпонентов выделяется три: понятийный, образный, эмотивно-оценочный.

Понятийный макрокомпонент представляет собой результат отражения человеческим сознанием главных, наиболее существенных признаков целого класса тех предметов (в широком смысле слова *предмет*), которые обозначаются фонемной оболочкой данной фраземы; **образный** – результат отражения неглавных, чисто внешних черт предмета, или типичной ситуации, в которой о данном предмете ведётся речь, или того и другого одновременно; **эмотивно-оценочный** – результат отражения оценочных чувств, связанных или с обозначенным фонемной оболочкой фраземы предметом, или с типичной ситуацией, в котором об этом предмете ведётся речь, или с тем и другим одновременно.

Понятийный и образный макрокомпоненты вместе противопоставляются эмотивно-оценочному как результат отражения какого-то предмета результату отражения оценочных чувств, связанных с этим

предметом. В этом плане первые два макрокомпонента составляют **познавательную** часть лексического значения, а третий – его **эмотивную** часть.

С другой стороны, образный и эмотивно-оценочный макрокомпоненты вместе противостоят понятийному компоненту как компоненты необязательные (факультативные), дополнительные в данной фраземе компоненту обязательному, главному. В этом плане первый макрокомпонент составляет **денотативно-сигнификативную** часть лексического значения, а вторые два – его **коннотативную (стилистическую)** часть.

Внутри **понятийного** макрокомпонента выделяются следующие микрокомпоненты: 1) интегральный, 2) дифференциальный.

Интегральный микрокомпонент – это совокупность иерархически соотносящихся классификационных (категориальных) сем, с помощью которых фразема включается в целый ряд различных по объёму семантических разрядов, начиная от фраземо-грамматического класса и кончая фраземо-семантической группой.

Дифференциальный микрокомпонент – это одна сема или совокупность нескольких сем, с помощью которых фразема отделяется от всех других фразем. Если отвлечься от синонимов, то это один из самых индивидуальных компонентов значения.

Внутри **образного** макрокомпонента выделяются следующие микрокомпоненты: 1) предметно-образный, 2) ситуативно-образный.

Предметно-образный микрокомпонент – это представление того предмета, который обозначается фонемной оболочкой фраземы. Этот микрокомпонент включает в себя прежде всего наглядно-образную сему, т.е. самое общее представление целого предмета, о котором идёт речь, но часто и мотивировочную сему, т.е. представление того признака, который лёг в основу наименования этого предмета.

Ситуативно-образный микрокомпонент – это представление той типичной ситуации, или сферы общения, в которой наиболее обычен, наиболее уместен разговор о предмете, обозначенном фонемной оболочкой фраземы. В каждой конкретной фраземе этот микрокомпонент представлен одной из своих разновидностей: обиходной, публицистической, художественной и др.

Внутри **эмотивно-оценочного** макрокомпонента выделяются следующие микрокомпоненты: 1) предметно-эмотивно-оценочный, 2)

ситуативно-эмотивно-оценочный.

Предметно-эмотивно-оценочный микрокомпонент – это результат отражения чувства оценки предмета, обозначенного фонемной оболочкой фраземы. В каждой конкретной фраземе этот микрокомпонент представлен одной из своих разновидностей: положительной, отрицательной, нейтральной.

Ситуативно-эмотивно-оценочный микрокомпонент – это результат отражения чувства оценки ситуации, в которой о предмете, обозначенном фонемной оболочкой фраземы, идёт речь. В каждой конкретной фраземе этот микрокомпонент представлен одной из своих разновидностей: возвышенной (книжной), сниженной (разговорной), нейтральной.

Указанная структура значения присуща знаменательным фраземам. Что же касается междометных и звукоподражательных фразем, то у них особый тип лексического значения: в междометных фраземах оно выступает как представление об определённых чувствах, а в звукоподражательных – как представление об определённых звуках (это совсем не те представления, которые в качестве **сопутствующих** могут быть в лексических значениях знаменательных фразем).

В принципе, структура значения фразем аналогична структуре значения лексем. Но есть и небольшое различие. Оно заключается в большей роли коннотативных (стилистических) компонентов, и особенно образного, в структуре значения фразем по сравнению со структурой значения лексем. Даже там, где понятийный макрокомпонент представляет собой понятие не конкретное, а абстрактное, казалось бы, совершенно не нуждающееся в какой-либо наглядности, во фраземе, в отличие от соответствующей лексемы, этот компонент, как правило, сопровождается одной из сем образного макрокомпонента, а именно мотивировочной, например: **сучок в глазу** ‘помеха’ (“Для этих кругов де Голль с его независимой политикой – **сучок в глазу**”. – Из газет). Тем не менее выделение фразеологического значения как противоположного лексическому значению не представляется необходимым. Не представляется необходимым именно потому, что и природа, и структура значений фразем и лексем в принципе одинакова.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ – ДЕРИВАТОВ С ОТВЛЕЧЁННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Е.В. Великанова
Челябинск, Челябинский государственный
педагогический университет

Самым частотным межкатегориальным взаимодействием является взаимодействие между глаголом и именем существительным. А.А. Потебня, рассматривая межкатегориальные взаимодействия имени и глагола, говорил об оглаголивании имён, имея в виду не формальный аспект этого процесса, а, прежде всего, смысловую (а также функциональную) характеристику имён: он отмечал усиление элементов глагольности в семантике и синтаксическом поведении имён.

В результате межкатегориального перехода в языке появляются семантически параллельные слова, одно из которых производящее, мотивирующее, а другое, соответственно, производное и мотивированное от первого. Значение второго, производного слова объясняется только через значение производящего. Так, лексемы **выкручивать** и **выкручивание** связаны деривационными отношениями. Лексема **выкручивать** обозначает 'крутя, вырывать что-либо, вывёртывать, вывинчивать'; лексема **выкручивание** обозначает 'вырывание, вытаскивание посредством кручения', лексема **закручивать** - 'крутя, свернуть что-либо'; лексема **закручивание** - 'сворачивание чего-либо посредством кручения'; лексема **бросать** - 'взмахом заставлять лететь, падать что-либо, находящееся в руках'; лексема **бросание** - 'выбрасывание, выкидывание вон'.

Сравнивая процессуальные и образованные от них предметные фразеологизмы, следует отметить, что грамматически главные компоненты производных предметных фразеологизмов семантически качественно преобразовались. Главные компоненты, утратив лексические и даже групповые значения, сохранили лишь ядерные смыслы своих значений, которые принимают участие в формировании категориального фразеологического значения.

Так, исходный процессуальный фразеологизм **выкручивать руки** обозначает 'принуждать к какой – либо деятельности, поступкам', а производный предметный фразеологизм **выкручивание рук** обозначает 'принуждение к какой – либо деятельности'; процессуальный

фразеологизм *закручивать гайки* обозначает 'повышать требования к кому-либо, усиливать строгости, притеснения', производный предметный фразеологизм *закручивание гаек* обозначает 'повышение требований к кому-либо, усиление строгости, притеснения'; процессуальный фразеологизм *забрасывать грязью* – 'осуждать, обвинять, чернить, порочить', производный предметный фразеологизм *забрасывание грязью* – 'осуждение, обвинение, очернение'; процессуальный фразеологизм *пробовать перо* – 'делать первый литературный опыт', производный предметный фразеологизм *проба пера* – 'первый литературный опыт'.

Производящие процессуальные и производные от них предметные фразеологизмы находятся в сложных семантических отношениях. Процессуальные фразеологизмы обозначают действие, состояние. Предметные же фразеологизмы, производные от процессуальных, дают имя этому действию, этому процессу. Тождество значения процесса в соотносительных фразеологизмах поддерживается одной ядерной семьей, одним понятийным ядром, которое отражает "в обобщённой форме предметы и явления действительности и существенные связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве и которых выступают свойства предметов и явлений и отношения между ними".

В семантике производных предметных фразеологизмов происходит предсказуемый сдвиг, обусловливаемый прежде всего общекатегориальной семантикой предметных фразеологизмов.

Так, предметные фразеологизмы – дериваты характеризуются высокой степенью отвлечённости и обозначают абстрактные понятия. При этом субстантив, являясь грамматически главным компонентом предметных фразеологизмов, продолжает испытывать на себе семантическое влияние исходного глагола. У отглагольных существительных семантика исчерпывается пятью типами значения: имя действия, предмет действия, место действия, объект действия, результат действия.

Производные предметные фразеологизмы составляют субкатегорию отвлечённости, совпадая в этом значении с категорией отвлечённости собственно предметных фразеологизмов.

Семантика отвлечённого существительного, становящегося грамматически главным компонентом предметного фразеологизма, имеет только самую отвлечённую сему процесса, называет процесс, даёт имя процессу, указывая при этом на протяжённость.

Значение отвлечённого существительного становится категори-

альным значением новой предметной единицы. Это значение создаётся из совокупности значений всех компонентов фразеологизмов. Так, предметные фразеологизмы имеют общее значение протекания действия, характеризуют длительность процесса, но не называют при этом результат процесса.

НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ФЕ “НОВЫЕ РУССКИЕ”)

*Габрик Е.Ф.
Челябинск, Челябинский государственный
педагогический университет*

Последнее десятилетие ушедшего века отмечено разительными переменами в нашей языковой жизни. Новизна реалий находит своё лингвистическое отражение в возникновении соответствующих неологизмов (как лексических, так и фразеологических). Принадлежность языковой единицы к категории неологизмов – временное состояние. Утратив начально свойственную ей коннотацию новизны, лексема и фразеологизм входят в активный номинативный фонд языка, а впоследствии могут стать историзмом или архаизмом, или даже выйти из состава языка.

Обратимся к фразеологизму новые русские, возникшему в конце 80-х годов в России, а в середине 90-х годов активно вошедшему в газетно-публицистическую сферу.

Впервые это выражение употребляет американский журналист Хедрик Смит. Феномен “новых русских” сначала ошеломил Европу и Америку: ведь именно за границей можно было безрассудно и бесконтрольно потратить то, что украдено в России.

“Британский рынок недвижимости стремительно и агрессивно осваивается “новыми русскими” (1994).

Со стороны иностранцев в выражении “новые русские” чувствовалось и удивление, и ирония. В русском языке произошла фразеологизация этого выражения. Подтверждением национального характера данной фразеологической единицы служит отрицательная коннотация значения, подчеркивающая, что русский менталитет не приемлет такого субъекта-лица. Сопоставим значения фразеологизма в разных современных словарях.

Новые русские. Так называют российских бизнесменов, банкиров, разбогатевших в конце 80-х – начале 90-х годов./Солганик Г.Я. Толковый словарь: язык газеты, радио, телевидения. –М.: ООО “Изд-во АСТ”, 2002. –С. 400.

Новый русский (российский предприниматель и коммерсант, занявшийся бизнесом в период перестройки и быстро разбогатевший) /Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г.Н. Складневской. Рос.акад. наук. – 2000. –С. 426. “Вероятно, открытие собственного дела – это уже переход на качественно иной уровень, связанный с большим риском, и он требует не просто авантюриности, но, помимо необходимых связей и предпринимательской жилки, еще и желания приобщиться к классу “новых русских”. РМ, 20.07.96-26.07.96.

Новые русские – представители “новой волны” в России 90-х годов, действующие со своим собственным (незаемным) капиталом, быстро достигшие высокого имущественного уровня и деловых успехов без государственной поддержки и нередко отличающиеся пристрастием к показной роскоши, обладающие плохими манерами, купеческими замашками и пр., в особенности во время пребывания за рубежом. /Краткий словарь современных понятий и терминов. - 3-е изд., дораб. И доп. /Н.Т. Бунимович и др. Под общ. Ред. В.А. Макаренко. –М.: Республика, 2000, -С. 359.

Последнее определение несет в себе большую экспрессию, указывает не только на социальный статус, но и добавляет морально-нравственные штрихи к портрету русского нувориша. Также авторы приводят синонимичные слова и словосочетания, хотя и являющиеся малочастотными: нувориши, русские новобогатеи, скоробогатеи (более употребительна лексема – нувориши).

В 90-е годы слово нувориши было распространено не менее, чем фразеологизм новые русские. Превалировал неодобрительный коннотативный элемент значения (преуспевающие нувориши; грабят, как истые воры и нувориши; любящие показуху русские нувориши; беспредел нуворишей возрастает...).

“Российские нувориши вывозят из страны ежемесячно 1 млрд. долл., открывая счета и покупая недвижимость на Западе”. НВ, 26.08.94.

Толковый словарь русского языка конца XX века приводит в качестве синонима фразеологизму “новые русские” только лексему “нувориши”.

Анализируя структурный состав ФЕ, мы пришли к выводу, что употребление компонентов в основном во множественном числе придает более широкий уровень распространения данного названия на определенные социальные слои общества.

В последние годы языковая единица “новые русские” уже прочно вошла в активный словарный запас, семантическая и коннотативная новизна утратилась. Реже встречается и на страницах газет и журналов данный фразеологизм (из просмотренных (март 2003) десяти наименований газет исследуемая единица встретилась один раз).

“Не случайно на вопросы молодым людям сегодня о том, пойдут ли они защищать свою Родину в случае войны, в ответ слышатся сомнения. Многие не знают, что защищать и стоит ли вообще защищать то, то они видят сегодня, то есть новых русских, заворовавшихся олигархов, заботящихся о своих суперприбылях”. Сов. Рос. 1.03.03. – С.8.

В основе фразеологического значения новые русские - сема наживы, денег. Причем, присутствует дополнительная сема нечистоплотности, нечестности, теневого бизнеса. Этим, вероятно, и объясняется употребление в жаргоне выражения “новые русские” в значении “деньги”. /Максимов Б.Б. Фильтруй базар: Словарь молодежно-го жаргона г. Магнитогорска. – Магнитогорск: МГПУ, 2002. –С. 276.

Изменилось в обществе и отношение к образу новых русских: с агрессивного, неприязненного на ироничное (невозможно избавиться, то хоть воспринимать с юмором!). Появилась целая серия анекдотов, где главное действующее лицо – новый русский.

“Беседуют за баб двое “новых русских”:

- Слышь, Вован, а моя жена очень любит животных, особенно кошек и собак!

- А моя их не жрет, она... Как это?.. Во, вспомнил, вегетарианка!”

“На пляже встречаются двое “новых русских”:

- Привет, Вован! Ты это че среди бела дня купаться ходишь? А работа как?

- Да какое там купаться, Колян... Я здесь по делам. Конкретно.

- ?

- Секретаршу себе новую выбираю.” /Веселые анекдоты для веселых людей. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. –160 с.

Итак, семантические преобразования – одно из проявлений языковых инноваций нашего времени. Расширяя сочетаемость, лексе-

ма “русские” вступает в новые структурные и семантические отношения и преобразуется во фразеологизм.

К ПРОБЛЕМЕ АНГЛИЦИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Гольдберг А.И.

Курган, Курганский государственный университет

Рассматривая проблема очень актуальна в современном немецком языке. Она возникла на стыке общественной жизни и филологии в связи с очень большим наплывом англицизмов в немецкий язык на современном этапе. Они буквально заполнили немецкий язык в последние года и десятилетия, стали модными во многих сферах общественной жизни. Хотя проблема сама по себе и не новая. Проникновение заимствованной лексики из англо-американских языковых территорий в немецкий началось давно. Как отмечается в малой энциклопедии немецкого языка (*Kleine Enzyklopadie. Die Deutsche Sprache, erster Band, Leipzig, 1969*) с 1640 года встречаются отдельные слова и фразеологизмы английского происхождения. С XVIII в на немецкий язык влияли прежде всего английская поэзия, затем экономика и промыслы: Patent, Partner, Flanell, Koks, спорт: Tennis, Rekord, Match, Start, мода и общественная жизнь: Smoking, Toast, Klub, Frack и др.

С начала XX в и особенно после обеих мировых войн на немецкий словарный состав усилилось влияние американского английского из США: Artist, Clown, Manager, Girl, star, Revue, Bulldozer, Jeep, Radar, Kybernetik и др.

Материалом исследования послужили многочисленные публикации в газете на немецком языке “Rundschau” (“Обозрение”). Достаточно назвать статьи: “Gibt es zu viel nglisch im Deutschen?” “Gegen die Störmung, gegen den Wind” (#13, März 2002), “Deutsche Sprache verliert an Bedeutung”, “Was ist eigentlich Denglisch?” (#47, 2003), “Uncoole” Kinder, “coole” Kids?” (#10, 2003), а также большая статья Вернера Шефера “Von Handys und Erbex. Zur Diskussion um Anglizismen im heutigen Deutsch” из немецкого журнала “Deutsch als Fremdsprache” (Немецкий, как иностранный язык) (Heft 2, 2002).

Изучение и анализ данных источников и многих других специальных текстов, с которыми работают на занятиях по немецкому языку

студенты 3-х курсов филологического, естественно-географического и историко-правоведческого факультетов, дает возможность установить, что в настоящее время значительно выросли масштабы английских заимствований в немецком языке. Английская лексика внедряется в немецкий язык прежде всего рекламными агентствами, телекомпаниями и многими другими сферами. Определенная часть современных англицизмов стала неотъемлемой частью немецкого языка, а некоторые, возможно, даже обогатили его.

На стыке смешения английского и немецкого неофициально в народе возник новый термин “denglisch”. Охотно говорят на denglisch в разных отраслях и не только. Например, в конце января консервативная партия оппозиции назвала центральное Берлинское бюро по выборам в Бундестаг Headquarter, а молодежная организация провела в январе же национальный конгресс по образованию “Education Now”. Немецкая телекомпания, крупнейший телеконцерт страны называет свои консультационные пункты “Service Points”, в аэропорту продают теперь не билеты, а “Tickets”, немецкие ученые и менеджеры объясняются часто только на английском языке. Федеральное правительство и Немецкая Академия языка и поэзии относятся к увеличению англицизмов в немецком языке довольно спокойно, отмечая, что данное явление выражает растущую интернационализацию мира и обогащает немецкий язык, который от природы не является чистым языком. Однако, начиная с 1998 г в Германии существует “Клуб по защите языка” и активно борется против смешения немецкого и английского языков, проводятся дискуссии о влиянии англицизмов.

Англицизмы рассматриваются в первую очередь как свидетельство силы экспортируемого языка, при этом не замечается, что они показывают и сильные стороны импортируемого языка. Например, слово “Computer” – чистый англицизм, фактически слово давно приспособлено к немецкому языку. Это начинается с орфографии, хотя написание английское, оно пишется с большой буквы, что не свойственно английскому языку. Кроме того, употребляют von Computern как и von Buchern, von Blättern, т.е. слово подчиняется правилам немецкой морфологии и снабжается окончанием n в Dativ Plural. Затем слово имеет грамматический род, мужской, чего нет в английском языке. И, наконец, произношение его значительно отличается от английского языка прежде всего в отсутствующем редуцировании гласных в 1 и 3 слоге.

Таким образом, слово предположительно чистое заимствование из английского, иностранное слово приспособлено в орфографическом, морфологическом, синтаксическом и фонологическом отношении к правилам немецкого языка. Это говорит о силе ассимиляции немецкого, чем о влиянии английского. Произношение английских гласных по аналогии с немецким говорит также в его пользу. Кроме того, выделение конечного звука (слога) в немецком языке переносится и на англицизмы в отличие от английского языка. Поэтому die Airbags произносятся как Erbex, а dove Parade как duff Parate. Итак, иностранное слово акклиматизируется, автоматически укореняется (приобретает гражданство).

Влиянию английского, однако, подвержены не только простые лексемы, но и лексемы, составленные из нескольких слов. Это особенно касается выражений в виде формы: Ich bin Anna Mein вместо Name ist Anna; Bist du in Ordnung? Вместо Hast du dir wegetan?; nicht wirklich вместо wirklich nicht или eigentlich nicht, die Wahrheit ist, dass..., sagt ein Minister in einer Fernsehsendung, а раньше было es stimmt, dass geheissen hätte.

Вернер Шефер в своей статье считает, что влияние англицизмов действует по-разному в зависимости от типа слова, поля слова и вида текста. Классическим полям слов англицизмов: Sport, Freizeit oder Kleidung противостоят поля слов таких как Familie, Zahlen oder Wetter классическим видам текстов, как реклама – тексты известий, права, религии, в которых влияние английского ощущается меньше. с точки зрения грамматики влиянию подвержены прежде всего существительные в значительно меньшей мере глаголы или прилагательные и функциональные классы слов, т.е. основной состав языка почти не затрагивается.

Подводя итоги спора вокруг англицизмов, Andreas Gardt (2001) различает 4 различных формы при оценке иностранных слов в Германии: с точки зрения структуры языка, идеологии, педагогики и критики. Англицизмы можно, таким образом, оценивать с 4 разных углов зрения:

- психологический: употребление англицизмов является снобизмом, хвастовством, элитным поведением;
- филологический: англицизмы неуместны и вносят ненужные дублеты;
- политический: язык отражает и создает идентичность, избыток англицизмов ставит под угрозу национальную тождественность;

- социальный: англицизмы означают ущербность людей, которые не могут говорить по-английски.

Интересно также отметить, что в немецком языке начала формироваться слова с английскими средствами словообразования. Таких слов в английском нет: Showmaster, Oldtimer, Handy. Это так называемые псевдоанглицизмы. А слово Handy заменило такие сложные слова в немецком, как Mobiltelefon, Handfernsprechgerät.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИР О. МАНДЕЛЬШТАМА

*Гончарова Н.В.
Курган, Курганский государственный университет*

Интерес к вопросам поэтической фразеологии можно объяснить особым положением фразеологических единиц в системе русского языка, их свойствами - образностью, экспрессивностью, которые выделяют их среди других средств в художественной речи. В поэтическом тексте особое значение имеют единицы, способные притягивать внимание и оказывать воздействие на читателя. Поэтический текст - целостная система, несущая в себе осмысленную информацию и предопределенная общим замыслом автора. В поэтическом тексте большая часть фразеологических новообразований созданы по моделям ранее закрепившихся в языке фразеологических единиц.

Благодаря своим особенностям фразеологизмы, как правило, выполняют в стихотворении связующую роль, что проявляется внутри системы поэтического текста. Фразеологические единицы в поэзии порождают дополнительные смыслы, отражают специфику авторского видения мира, являются важным средством в поэтическом тексте на семантическом и структурном уровнях.

Творчество многих поэтов начала XX века отличается стремлением к максимальному использованию выразительных возможностей слова. Обогащение лексической и фразеологической системы языка непривычными словесными образами свидетельствует о росте экспрессивности речи. При этом внимание исследователей чаще всего обращается к проблеме слова в поэтической речи.

Поэзия О. Мандельштама занимает особое место в русской литературе, так как обладает собственной системой образов, отражающих языковое сознание, языковую картину мира отдельной личности. Значи-

тельное место в этой поэтической картине занимает фразеологическое видение мира одного из поэтов-символистов, друга и соратника А. Ахматовой, Н. Гумилева, М. Цветаевой.

Русскую и европейскую культуру поэт воспринимал через учителей и друзей. Творчеству О. Мандельштама свойственна неразрывная связь с культурой, ее эмоциональное переживание. В своем творчестве поэт пытается переосмыслить соотношение человека и окружающего мира.

Картину мира, созданную художником, образует единство образа “я” и образа всего мира. Мандельштам считал себя наследником всех времен и разных народов, воссоздавая в своих произведениях целые культурно-исторические эпохи. При этом он не перевоплощался в прошлое, он помещал прошлое в свое время, чтобы разобраться в этом времени и показать собственную позицию. Образ “я” только соотносим для поэта с некой реальной и живой эпохой.

Изучение поэтических текстов О. Мандельштама показывает, что устойчивые сочетания в поэзии обладают значительным потенциалом, так как они ориентированы на языковую картину; внутренняя форма таких словосочетаний характеризуется яркой образностью. Поэт стремился обогатить словарь новыми средствами выразительности, которые отражали бы видение мира автора. Фразеологизмы используются автором разнопланово, они выступают как средство выражения авторского отношения к героям, происходящим событиям; употребление фразеологических единиц в речи персонажей служит для их речевой характеристики.

Вопрос о своеобразии использования и функционирования фразеологических единиц в творчестве О. Мандельштама актуален в силу того, что языковой стороне творчества поэта не уделялось достаточно внимания. Для определения особенностей индивидуально-авторского стиля поэта необходим анализ всех элементов, составляющих выразительные средства языка, в том числе и фразеологических единиц.

Вслед за В.А. Лебединской, под фразеологизмом мы понимаем “самостоятельную номинативную единицу языка, качественно отличную от слова, обладающую признаками устойчивости, семантической целостности, сверхсловности, раздельнооформленности и воспроизводимости”. [Лебединская 1987 : 3].

Процессуальные фразеологические единицы в творчестве О.

Мандельштама содержат в своем составе глагольный компонент и имеют категориальное значение процессуальности.

Семантическая структура процессуальных фразеологизмов сложна; ее изучение является в современной лингвистике актуальной проблемой, которой посвящены работы А.М. Чепасовой, В.А. Лебединской, Л.П. Гашевой, Н.Б. Усачевой и др.

По характеру использования процессуальных фразеологизмов можно судить о языковой картине мира автора, так как система этих единиц позволяет получить более полное представление о фразеологическом мире в поэзии. Характеристика семантики фразеологизмов позволяет увидеть процессуальную фразеологическую картину мира О. Мандельштама.

Процессуальные фразеологизмы как языковые знаки помогают выявить в языке сферы деятельности, состояния и отношения, которые представляют мир предметов. “Процессуальные фразеологизмы структурируют определенную часть “языковой картины мира”, являясь органичной частью фразеологического фонда языка и дополняя лексическую картину мира, создаваемую глаголами-словами”. [Лебединская, Усачева 1999 : 5].

Процессуальные фразеологизмы привлекают внимание прежде всего потому, что составляют значительную часть всех фразеологизмов. Исследуемые единицы содержат в своем составе глагольный компонент и общую категориальную сему “процессуальность”. Эта сема является абстрактной, она характерна для большого количества фразеологизмов. Процессуальность выражается грамматическими категориями лица, залога, вида, времени и наклонения. Большинство исследуемых фразеологизмов сохраняют эти грамматические категории, ядро их семантической структуры - процессуальность - отделяет их от других фразеологизмов. С утратой этих категорий сема процессуальности утрачивается и фразеологические единицы перестают относиться к семантико-грамматическому классу процессуальных фразеологизмов, переходят в другие.

В.А. Лебединская, специально исследовавшая процессуальные фразеологизмы, разделила их на семантические субкатегории деятельности, состояния, отношения. По ее данным, сема процессуальности может проявляться с различной степенью яркости у процессуальных фразеологизмов, относящихся к разным субкатегориям: она ярче у ФЕ, принадлежащих субкатегориям деятельности и отношения, чем у фразеологизмов, обозначающих состояние. [Лебе-

динская, Усачева 1999 : 115].

Среди процессуальных фразеологизмов в творчестве О. Мандельштама наблюдаются фразеологизмы всех трех субкатегорий. Самой активной субкатегорией процессуальных фразеологизмов в творчестве поэта оказались фразеологизмы состояния. Это не случайно, так как поэзия призвана отражать в художественных образах прежде всего состояние или самого поэта, или других людей, или окружающей их среды. Понятие “состояние” относится к числу недостаточно разработанных в современной науке. Что касается лингвистического осмысления этого понятия, можно сказать, что состояния, существующие в реальной действительности, в языке могут быть выражены различными способами. Один из них – процессуальные фразеологизмы. Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния в поэзии Мандельштама можно разбить на семантические группы:

1. Фразеологизмы, обозначающие состояние предмета: *просится в сердце, времени бремя избыть, достигать слуха, идти ко дну, лечь на стекла вечности;*

2. Фразеологизмы, обозначающие состояние человека: *пойти в ад, видеть наяву, восстать из глубокой печали, вспоминать в туманном бреду, уронить свою главу, заламывать руки.*

Статистические пропорции свидетельствуют о том, что Мандельштам – певец разнообразных состояний человека. В эмоциональной гамме состояний преобладают чувства грусти, тоски, безысходности. Очень важным также является также состояние окружающей действительности, часто лирический герой передает свои переживания через природу. Процессуальные фразеологизмы состояния могут обозначать различные эмоции, диалектическое состояние бытия, восприятие как состояние, состояние неодушевленных предметов.

Процессуальные фразеологизмы, обозначающие деятельность, в количественном отношении менее представлены. Они обозначают разнообразную деятельность субъекта-человека. Мы разделили единицы данной субкатегории на следующие группы:

1. Фразеологизмы, обозначающие движение: *возвести на влажный камень, вставать на дыбы, качнуться в путь, крыльями бить, кружиться ласточкой, описывать круг.*

2. Фразеологизмы, обозначающие профессиональную деятельность: *бросить якорь, созидать храм, взять в штыки, играть в домино;*

3. Фразеологизмы, обозначающие интеллектуальную речемыслительную деятельность: *губами ворожить, петь дерево, прокричать кукушкой, лелеять думы, принимать мир, притягивать прах столетий;*

4. Фразеологизмы, обозначающие поэтическую деятельность: *ласкать слух, неосвященный мир нести на голове, петь ночную песнь, слагать вольные былины;*

5. Фразеологизмы, обозначающие религиозно-ритуальную деятельность: *нести крест, отвеать прах, чтить обряд, молотья богу.*

Процессуальные фразеологизмы деятельности чаще всего обозначают движение и различные акты мыслительно-речевой деятельности человека. Реже такие фразеологизмы обозначают религиозно-ритуальную деятельность, профессиональную деятельность, игровую деятельность. Разнообразна в поэтическом восприятии Мандельштама профессиональная деятельность поэта, которого “ведет Психея” и дыхание которого “поет”.

Самую небольшую по численности группу составляют процессуальные фразеологизмы, обозначающие отношения. Фразеологизмы этой группы выражают общечеловеческие, любовные и ритуальные отношения между субъектами-лицами и субъектами-предметами, например: *вверяться заботе, вернуться в лоно, распинать живую душу, править миром.*

Система процессуальных фразеологизмов в поэзии имеет свою специфику в построении собственных индивидуальных поэтических фразеологизмов. Фразеология Мандельштама еще не была предметом пристального внимания лингвистов. В этом отношении больше “повезло” таким поэтам, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.В. Маяковский.

Осипа Эмильевича Мандельштама мало печатали в России после революции и плохо знали его творчество, его языковую личность. В 90-х годах отношение к его творчеству резко изменилось, к нему появился интерес и у литературоведов, и у лингвистов, интерес, который в значительной мере определяется внимательным лингвистическим анализом его стихов. Каждому поэту должно быть воздано по его достоинствам. Нашей любви заслуживает поэт, которого при-

знавали большой величиной поэты-современники и которого, надемся, будет любить Россия и весь мир третьего тысячелетия.

Литература

1. Лебединская В.А. *Процессуальные фразеологизмы современного русского языка. Учебное пособие по спецкурсу.* - Челябинск: ЧГПИ, 1987. - 80 с.
2. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. *Семантика процессуальных фразеологизмов.* - Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1999. - 186 с.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА КАК ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

*Григорьева Е.А.
Шадринск, Шадринский государственный
педагогический институт*

Фразеологическая единица, являясь наряду со словом знаком номинативного уровня языка, выражает различные семантические категории в языке и речи, в том числе категорию количества.

В семантике фразеологизма количественная семантика может занимать различное положение: она может составлять семантическое ядро фразеологизма или входить в семантику в качестве одного из составных элементов, в том числе периферийного.

Семантическое ядро она составляет, например, во фразеологических единицах количественного семантико-грамматического класса. Как известно, специальный класс количественных фразеологических единиц, объединяющий в своём составе фразеологические единицы, дающие не только положительную, но и отрицательную количественную характеристику предмету или процессу, представлен в современном русском языке фразеологизмами, обозначающими количество как неопределённо большое (*с три короба, за глаза чего, до чёрта* кого, чего, *сорок сороков* чего, *счёту нет* кому, чему, *куры не клюют* чего, *девать некуда* кого, чего), как неопределённо малое (*с гулькин нос* чего, *на один зуб* чего, *кот заплакал*) или как полностью отсутствующее (*ни на один шаг, ни одной живой души, хоть шаром покати*).

По нашим данным, в русском языке значительно больше фразеологических единиц, выражающих значение неопределённо **большого ко-**

личества, чем единиц со значением неопределённо малого количества или полного его отсутствия. Фразеологические единицы со значением неопределённо большого количества составляют около 49% от количества единиц этого класса, на долю фразеологизмов, дающих отрицательную количественную характеристику, приходится около 32%, самым малочисленным оказывается тип фразеологизмов со значением неопределённо малого количества, охватывающий около 19% фразеологизмов рассматриваемого типа.

Содержательная сторона фразеологического языкового знака складывается в результате синтеза семантики его компонентов и значения модели, по которой он построен. Фразеологизмы со значением неопределённо большого количества построены по разнообразным структурным моделям, в числе которых модель простого двусоставного предложения (*куры не клюют; имя им легион; бог знает сколько кого, чего; чёрт знает сколько кого, чего*), односоставного предложения (*сколько угодно, яблоку негде (некуда) упасть, и глазом не окинешь*), придаточной части сложноподчинённого предложения (*как волос на голове, как сельдей в бочке, хоть пруд пруди*), модели словосочетания (*сорок сороков, чёртова пропасть, непочатый край, не зная счёта кому, чему*), а также модели сочетания знаменательного и служебного слов, то есть модели словоформ (*по уши, за глаза, до чёрта, без счёта (счёту), через край*) и модели сочинительного сочетания (*вагон и маленькая тележка*). По семантике и функциям они соотносятся с неопределённо-количественным числительным *много*, наречиями *много* или *намного* или с предикативным наречием *много*, при этом имеют в своих индивидуальных значениях семантические элементы, содержащие оценку высокой степени выраженности количества как значительно превышающего обычную меру. От наречий и числительных фразеологизмы количественного класса отличаются также функционально-стилистическими и эмоционально-оценочными характеристиками. Например, *сорок сороков* – “**очень** большое количество, **бесчисленное** множество”, *с три короба* – “**очень** много”, *куры не клюют* – “**очень** много, **в избытке**”, *до дури* – “**слишком** много”.

Фразеологизмы количественного класса могут иметь и более сложную семантику. Например, единицы *яблоку негде (некуда) упасть, как сельдей в бочке, плюнуть негде, иголку негде (некуда) воткнуть, шагу негде (некуда) ступить*, кроме значения неопределённо большого количества, имеют значение состояния.

Фразеологизмы со значением неопределённо малого количества также могут строиться по модели предложения, например, *кот заплакал, не ахти сколько, не бог весть сколько, по пальцам можно пересчитать*, словосочетания, например, *два слова, с гулькин (воробьиный) нос, малая толика*, сочетания знаменательного слова со служебным, например, *на мизинец, с напёрсток, не густо*.

Фразеологические единицы, обозначающие полное отсутствие какого-либо количества предметов или отсутствие какой-либо степени проявления признака или действия, представлены двумя регулярными моделями: моделью “компонент-частица *ни* + (компонент-числительное *один* в родительном падеже) + компонент-существительное в родительном падеже” (*ни одной минуты, ни грамма, ни грана, ни тени, ни следа, ни капли*), моделью “компонент-частица *ни* + компонент-предлог *на* + (компонент-числительное *один* в винительном падеже) + компонент-существительное в винительном падеже” (*ни на (одну) йоту, ни на (один) шаг, ни на малость, ни на каплю, ни на маковую росинку*) и нерегулярными для этой семантики моделями (*хоть шаром покати, и в помине нет*).

У фразеологизмов других семантико-грамматических классов самым частотным проявлением количественной семантики является значение **степени** (*в три ручья, во все лопатки, доводить/довести до белого каления, в высшей степени, за тридевять земель, краем глаза*). Семантика **высокой степени** проявления процесса, качества, признака присуща фразеологическим знакам русского языка в большей мере, чем семантика низкой степени.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале произведений А.Платонова)

Доронина Е.Г.
Челябинск, Челябинский государственный
педагогический университет

Фразеологическая единица (ФЕ) – это воспроизводимое в готовом виде семантически цельное сочетание, отличающееся устойчивостью структуры и значения. Различные речевые контексты реализуют разные возможности семантики фразеологической единицы, зало-

женные в ней в системе языка. Будучи употребленной в тексте, ФЕ начинает взаимодействовать с художественным целым, и на основе смысловой схемы, заданной языковым потенциалом, появляются новые актуальные смыслы ФЕ. Коммуникативная задача конкретного речевого акта определяет набор сем, подлежащих актуализации, семантические сдвиги в структуре ФЕ.

Узуальные значения многозначной ФЕ **чувствовать себя** – “1. Находиться в каком-либо физическом состоянии; 2. Находиться в каком-либо психическом состоянии”. В семантической структуре данной ФЕ во втором значении выделяются предельно обобщенная категориальная сема процесса, архисема состояния, дифференциальная сема психического состояния, дифференциальная сема “субъект состояния – человек”. В художественном тексте А.Платонова в семантической структуре данной ФЕ под влиянием контекста происходят значительные изменения: сема “субъект состояния – человек” не актуализируется, появляется окказиональная сема “субъект состояния – часть человека”, актуализируется дифференциальная сема первого значения данной ФЕ “физическое состояние”. Процесс актуализации дифференциальных ядерных сем разных значений фраземы поддерживается дефразеологизацией ФЕ **сердце болит** – “кому-либо невыносимо тяжело от душевных страданий, переживаний”: “У коров учился, теперь у воробьев буду учиться, - сообразил старый Ягафар. – У всех надо!.. У себя только забыл учиться – у своего **сердца** забыл, но я помню – оно помаленьку **болит**: это чтоб я не забыл, как надо жить, а как не надо”...Хоть одному было трудиться несподручно и неспоро, но Ягафар решил все равно работать, потому что так легче было для его сердца **чувствовать себя...**” [1; 117 – 118]

М.А.Дмитровской отмечено, что у Платонова целостность человека разрушается, и мы видим ряд достаточно независимых друг от друга сфер тела, чувства и разума.[2; 140] Идея экзистенциальной отчужденности человека от мирового целого и от самого себя находит выражение в художественном тексте А.Платонова в необычном, окказиональном употреблении ФЕ **чувствовать себя** : “Скажите, капитан, в чем смысл вашей склонности к вину? – спросил генерал...- Я тогда **себя не чувствую**, товарищ генерал...- Ребячеством занимаетесь, капитан. Если вы любите **не чувствовать самого себя** и вам нравится, так сказать, **отдохнуть от своей**

личности, то любой гитлеровец скорее вина может доставить вам это удовольствие...” [3; 280] Посредством контекста происходит попытка преодоления фразеологической связанности значений компонентов. В глагольном компоненте актуализируется архисема деятельности, дифференциальная сема “психическая деятельность”, периферийная сема интенсивности процесса. Но контекст не поддерживает полный возврат к прямым значениям: перифраза *отдохнуть от своей личности* поясняет новое цельное значение ФЕ, определяемое на уровне художественного целого. Авторское значение фразеологизма *чувствовать себя* может быть определено как “рефлектировать по поводу своей чужеродности всему существующему, ощущать оторванность от гармонии мира, сиротство”. Подтверждением правомерности такой трактовки значения могут служить взгляды писателя, изложенные в его философском произведении “О любви”. Платонов пишет о том, что наличие сознания, самосознания является источником гнетущей тоски, отчужденности человека от мира и самого себя [4; 22].

Изменение семантики фразеологизмов под влиянием контекста, взаимодействия со всеми элементами художественного целого выявляет диалектику конкретного и абстрактного в языке. Каждая фразеологическая единица как элемент системы языка представляет собой смысловую схему, наполняющуюся в различных контекстах индивидуализированным содержанием.

Литература

1. Платонов А.П. *Крестьянин Ягафар//Платонов А.П. Смерти нет!* – М., 1970.
2. Дмитровская М.А. “Переживание жизни”: о некоторых особенностях языка Платонова//*Логический анализ языка: модели действия.* – М., 1992.
3. Платонов А.П. *Забвение разума// Платонов А.П. Вся жизнь.* – М., 1991.
4. Платонов А.П. *Государственный житель. Проза, ранние сочинения, письма.* – Минск, 1990.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ

ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКТЕГОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ

Жакина Ю.С.

Курган, Курганская государственная
сельскохозяйственная академия

Языковой знак – это “языковая сущность (единица языка или комбинация единиц), заменяющая или указывающая на внеязыковую сущность (предмет, свойство, отношение, событие, положение дел), когда последняя становится предметом мыслительно-речевой деятельности” (Энциклопедия “Русский язык”, с. 138).

Процессуальные фразеологизмы субкатегории деятельности представляют собой номинативные единицы языка, следовательно, являются языковыми знаками (*брать/взять слово, валить валом, горючить огород, делать/сделать дело, забирать/забрать (себе) в голову, играть в игру, класть/положить (всю) (свою) душу, ломиться в открытую дверь, молотить языком, нести ответственность, открывать/открыть Америку, переводить/перевести на рельсы, ставить/поставить во главу угла* и т. п.).

В зависимости от характера связи с реальной действительностью в структуре значения исследуемых фразеологизмов можно выделить макрокомпоненты: денотативный, сигнификативный и коннотативный.

Денотативную сторону содержания исследуемых фразеологических единиц составляют семы, выражающие соотнесенность данного фразеологизма с реальной действительностью. Они объективируют в языке сферу деятельности, которая является одной из основных процессуально-признаковых функций мира предметов. Деятельность является “специфически человеческой формой активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование” (Большая советская энциклопедия, т.8, с. 130).

Вторым компонентом значения процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности является его гносеологическое содержание, выражающее соотнесенность фразеологизма с понятием. Процессуальные фразеологизмы исследуемой субкатегории представляют собой результат познания человеком деятельности и ее видов. Семы, связанные с выражением соотнесенности фразеологиз-

ма с понятием о деятельности, составляют сигнификативную сторону его значения.

У анализируемых фразеологических единиц, объективирующих в языковых формах результаты вторичной номинации, понятийная соотнесенность преобладает над предметной.

Денотативный и сигнификативный компоненты, взаимодействуя, образуют единое предметно-логическое содержание процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности. Оно представляет собой сложное явление, в котором выделяются такие сущностные стороны, как категориальное, субкатегориальное, групповое и индивидуальное значения. В семантической структуре исследуемых фразеологизмов эти значения образуют иерархию подчиненных друг другу сем разного уровня абстракции, которые тесно связаны и взаимозависимы, - категориальной, субкатегориальной, групповой и индивидуальной.

Все исследуемые фразеологизмы содержат в семантической структуре категориальную сему “процессуальность”, которая позволяет относить их к семантико-грамматическому классу процессуальных фразеологизмов. Эта сема выражена совокупностью грамматических категорий лица, числа, времени, наклонения, вида и залога. Во фразеологизмах субкатегории деятельности процессуальность проявляется наиболее ярко по сравнению с процессуальными фразеологизмами состояния и отношения [1, 105].

На второй ступени иерархии семантической структуры исследуемых фразеологических единиц выделяются семы, из которых складывается субкатегориальное значение деятельности: “субъект-лицо (человек), который производит деятельность”, “объект как результат этой деятельности”, “цель деятельности”, “волеизъявление”, “осознанность”. Наличие перечисленных сем в структуре значения процессуального фразеологизма позволяет отнести эту фразеологическую единицу к субкатегории деятельности.

Субъект процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности всегда активен: он целенаправленно, осознанно, прилагая волю, совершает какие-либо действия. Субъект процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения – это член отношения, поэтому характеризуется пассивностью. Субъект процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния – это носитель состояния. Процесс, обозначаемый фразеологизмами этой субкатегории, совершается без участия воли и сознания активного субъекта, поэтому

максимально пассивен.

Субъектом процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности всегда является человек. В роли субъекта процессуальных фразеологизмов с субкатегориальным значением отношения или состояния может выступать как лицо, так и предмет. Во фразеологических единицах, относящихся к субъекту-предмету, пассивность процесса выражена более отчетливо.

Таким образом, процессуальные фразеологизмы субкатегории деятельности обладают наиболее яркой процессуальностью. Это связано с активным характером субъекта.

Третий уровень семантической структуры фразеологизмов анализируемой субкатегории состоит из групповых сем, благодаря которым происходит объединение фразеологизмов в семантические группы: 1) со значением движения (*показывать/показать пятки*); 2) со значением жестово-мимической деятельности (*делать/сделать жест*); 3) со значением социальной деятельности (*вести политику*); 4) со значением рече-мыслительной деятельности (*брать/взять в толк*); 5) со значением поведения как деятельности (*вести себя*). Разделение исследуемых фразеологизмов на семантические группы отражает существующее в реальной действительности многообразие видов деятельности.

Четвертый уровень семантической структуры представлен индивидуальными семами, присущими только данной фразеологической единице.

Наряду с предметно-логическим содержанием, во фразеологическом значении анализируемых единиц выявляется коннотативный компонент, который заключает информацию об отношении говорящего к называемой деятельности. Процессуальные фразеологизмы субкатегории деятельности могут содержать положительную или отрицательную оценку деятельности, эмоциональное отношение к деятельности. Так, отрицательную оценочность содержат фразеологизмы, обозначающие поведение человека, не соответствующее нравственным нормам, принятым в обществе, например: *грести под себя, гонять лодыря, заходить/зайти далеко, заглушать голос совести, загубить (свою) душу, извиваться ужом* и т. п. Положительную оценку содержат фразеологизмы, обозначающие достойное поведение человека: *набираться/набраться ума, держать себя в узде, выдерживать/выдержать роль* и т. п.

Среди исследуемых фразеологизмов преобладают единицы, выражающие отрицательное отношение говорящего к называемой деятельности. Такое явление “связано с известными особенностями человеческого мировосприятия: положительное явление воспринимается как норма и поэтому подробно не анализируется; напротив, негативные отклонения от нормального положения дел вызывают к себе неприятие, отрицание, осуждение, что находит выражение во фразеологизмах с отрицательной коннотацией” [2, 74].

Содержание семантики процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности имеет антропоцентрическую направленность, т. к. субъектом деятельности является человек. В семантической структуре исследуемых фразеологизмов представлены разнообразные виды деятельности, воля, эмоции, коммуникативные потребности и оценки человека.

Литература

1. Лебединская В.А., Усачева Н.Б. *Семантика процессуальных фразеологизмов.* – Курган: Курганский государственный университет, 1999. – 186 с.
2. Ратушная Е.Р. *Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования.* – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2000. – 223 с.

КАЧЕСТВЕННО-ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РОМАНЕ НАБОКОВА “ДАР”

Ильина Л.Н.

Курган, Курганский государственный университет

Объектом нашего исследования являются качественно-обстоятельственные фразеологизмы (фразеологические единицы, или ФЕ) в романе В. Набокова “Дар”. Этот класс является наиболее многочисленным и насчитывает 263 единицы.

Качественно-обстоятельственные ФЕ разнообразны по своему значению и объединяются в две семантические субкатегории. К первой субкатегории относятся фразеологические единицы, обозначающие способ или качество совершения действия и степень проявления действия или признака, а ко второй – фразеологические единицы, обозначающие обстоятельства действия.

Большинство исследуемых фразеологизмов входит в первую

субкатегорию. Например, такие фразеологизмы, как **схожим образом, одним махом, в три медленных приема, по старинке, без шуток** обозначают способ совершения действия:

Ему казалось, что он [Федор – Л. И.] сдерживает шаг до шляния, однако попадавшие по пути часы (боковые исчадия часовых лавок) шли еще медленнее, и когда у самой цели он **одним махом** настиг Любовь Марковну, шедшую туда же, он понял, что во весь путь нетерпение несло его, как на движущихся ступеньках, превращающих и стоячего в скорохода.

Но **без шуток**: было очень красиво, очень тихо. Деревья в саду изображали собственные призраки, и получалось это бесконечно талантливо.

Фразеологические единицы **с достоинством, с увлечением, с замирием сердца, с треском, взлетающим шагом** и многие другие обозначают качество совершения действия:

С замирением сердца упражняя воображение, носком ноги как бы испытывая слюдяной ледок зазоры, я доходил до того, что видел себя переписывающим и приносящим Чернышевской свое произведение....

Затем, все тем же **взлетающим шагом**, он [Федор. – Л. И.] воротился к дому.

Группа фразеологизмов, обозначающих степень признака, представлена небольшим количеством единиц. Например: **в высшей степени, не до конца, более или менее, более чем**.

Иной мыслящий пошляк, беллетрист в роговых очках, – домашний врач Европы и сейсмограф социальных потрясений, – нашел бы в этой истории, я не сомневаюсь, нечто **в высшей степени** характерное для «настроений молодежи в послевоенные годы», – одно это сочетание слов (не говоря про область идей), невыразимо меня бесило...

...или, на стволе дерева, под ржавой кнопкой, бесцельно и навсегда уцелевший уголок отслужившего, но **не до конца** содранного рукописного объявленьца – о расплыве синеватой собаки; или вещь в окне, или запах, отказавшийся в последнюю секунду сообщить воспоминание, о котором был готов, казалось, завопить, да так на углу и оставшийся – самой за себя заскочившею тайной.

Среди фразеологизмов второй семантической субкатегории нами выявлено две группы: первая – ФЕ со значением места действия и вторая – ФЕ со значением времени действия. По количеству

единиц данная субкатегория в три раза уступает предыдущей. Примерами первой группы могут служить следующие ФЕ: **в углу, там и сям, со всех четырех сторон, на заднем плане, сверху донизу, бок о бок** и некоторые другие. Например:

Так развивается **бок о бок** с нами, в зловеще-веселом соответствии с нашим бытием, мир прекрасных демонов; но в прекрасном демоне есть всегда тайный изъян...

...он [Федор – Л. И.] шел по этим темно-блестящим улицам, и погасшие дома уходили, не глядя, кто пятясь, кто боком, в бурое небо берлинской ночи, где все-таки были **там и сям** топкие места, тающие под взглядом, который таким образом вырубал несколько звезд.

Особенностью второй группы является то, что входящие в нее фразеологические единицы малочисленны по количеству, но частотны в своем употреблении. К ним относятся такие ФЕ, как **в один миг, время от времени, до сих пор, долгое время, на мгновение, на минуту, на миг, с недавних пор, со дня на день, тем временем, только что**. Из них наиболее часто встречаются **только что** (27 употреблений), **на мгновение** (12), **на минуту** (8), **на миг**(6).

Мать поехала мне покупать... что - я не знал - одну из тех чудачковатых вещей, на которые **время от времени** я зарился с жадностью брюхатой женщины, - после чего совершенно о них забывал, - но мать записывала эти desiderata.

Ему [Федору – Л. И.] представилась ее радость при чтении статьи о нем, и **на мгновение** он почувствовал по отношению к самому себе материнскую гордость; мало того: материнская слеза обожгла ему края век.

Или тут колоссальная рука пуппенмейстера вдруг появилась **на миг** среди существ, в рост которых успел уверовать глаз (так что первое ощущение зрителя по окончании спектакля: как я ужасно вырос)?

С точки зрения структурных типов качественно-обстоятельственные фразеологизмы могут быть либо сочетаниями слов, либо словосочетаниями. ФЕ, представленные в нашей картотеке, представляют собой разнообразные модели. Так, единицы, относящиеся к I структурному типу, т. е. сочетаниям слов, построены по модели “предлог + существительное (в различных косвенных падежах)”. Например: 1) предлог + имя в родительном падеже: **без конца, без шуток, в особенности, в точности, для порядка, из приличия, со спи-**

ны, со стороны, с виду, про себя, до конца; 2) предлог + имя в дательном падеже: **к лицу, к счастью, к несчастью, по старинке, по мере, по нутру, по углам, по очереди, на углу;** 3) предлог + имя в винительном падеже: **в бытность, в заключение, на вы, на вид, на манер, на мгновение, на минуту, на миг, на угол, под вечер;** 4) предлог + имя в творительном падеже: **с достоинством, с треском, с увлечением, между прочим;** 5) предлог + имя в предложном падеже: **на бегу, на ходу, в чине, в моде, при жизни, при помощи, при свете, на радостях.**

Следует отметить, что самыми распространенными являются сочетания с предлогами **на, в, по**. Из приведенных здесь ФЕ только два случая сочетаний слов с местоимением (**на вы, про себя**), один – с прилагательным (**между прочим**), все остальные – это сочетания слов с именем существительным (**без шуток, на ходу, на радостях** и т.д.)

Качественно-обстоятельстванных фразеологизмов II структурного типа в количественном отношении значительно меньше. Среди исследуемых ФЕ обнаружены словосочетания как с предлогом, так и без него. Например, **со своей стороны, до последней крайности, в малейшей мере, в один миг, на самом деле и ручной работы, того времени, загадочным образом, роковым образом, первым делом.**

Таким образом, нами выявлено, что качественно-обстоятельстванные ФЕ в романе В. Набокова “Дар” разнообразны по своей структуре, однако самая распространенная модель - “предлог + существительное”. Подавляющее большинство исследуемых фразеологизмов имеют значение способа или качества действия.

ВАРЬИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ГЛАГОЛАМИ БРАТЬ/ВЗЯТЬ

Кабыш В.И.

Курган, Курганский государственный университет

В современном русском языке древние по происхождению глаголы **брать/взять** развили многозначность (в толковых словарях отмечено от 7 до 21 значения), имеют высокую частотность (по данным “Частотного словаря русского языка”, 444 и 763 употребления) и широкую свободную синтаксическую сочетаемость (в “Словаре

синтаксической сочетаемости” приведено употребление исследуемых глаголов с именами существительными, местоимениями во всех падежах, наречиями, инфинитивами, количественно-именными сочетаниями). По этим причинам супплетивная пара глаголов обладает высокой фразообразовательной активностью. По данным нашей картотеки, она образует около 450 единиц (сколько душа возьмет, бери не хочу, черт возьми, ни дать ни взять), 428 из которых являются процессуальными (брать/взять наскоком, брать/взять в ежовые рукавицы, брать/взять на бордаж, брать/взять в расчет). Внутри исследуемой фразеологической подсистемы процессуальные единицы с компонентами брать/взять вступают в различные отношения: синонимические (брать/взять в жены – брать/взять в супруги - брать/взять девицу – брать/взять жену), антонимические (брать/взять на веру – брать/взять под сомнение), каузативные (брать/взять слово – давать/дать слово). Компоненты в исследуемых фразеологизмах могут варьироваться (брать/взять в объятия (объятья), брать/взять слово назад (обратно), брать/взять в вилку – в вилку брать/взять, брать/взять заказы – брать/взять хорошие заказы). Проблема вариантности тесно связана с проблемой тождества фразеологических единиц, затрагивает план выражения и план содержания единиц.

Целью нашего доклада является исследование вариантов процессуальных фразеологизмов с глаголами брать/взять .

Под вариантами мы понимаем “множество объектов, у которых выявляется инвариант” (2,59). Учеными-фразеологами выделены следующие критерии вариантности: “1) сохранение внутренней формы у вариантов фразеологизма; 2) одинаковая экспрессивно-оценочная окраска вариантов; 3) закреплённость за одним и тем же стилем; 4) отсутствие оттенков значения вариантов и их взаимозаменяемость; 5) одинаковая синтаксическая структура; 6) охват всех значений многозначного фразеологизма; 7) одинаковые морфологические парадигмы ” (2,60). В докладе исследуется соответствие этим критериям следующих внутрикомпонентных, компонентных и межкомпонентных вариантов процессуальных фразеологизмов с компонентами брать/взять .

К внутрикомпонентным относятся фонематические, акцентологические и словообразовательные варианты.

В нашей картотеке отмечено два орфографических варианта (*брать/взять жребий (жеребий)*, *брать/взять напрокат (на прокат)*).

К фонетическим вариантам в исследуемой подсистеме относятся *брать/взять сравнение (сравненье)*, *брать/взять на воспитание*

(воспитанье), *брать/взять на попечение (попеченье)* и др. под. Употребление вариантов с суффиксом ий более характерно для разговорной речи.

Акцентологическими являются варианты *брать/взять в петлю (петлю)*, *брать/взять за душу (за душу)*, *брать/взять под руку (под руку)*, *брать/взять на руки (на руки)*. Употребление вторых вариантов связано с несоблюдением акцентологических норм в живой речи или с требованиями ритмической организации поэтической речи.

К словообразовательным следует отнести варианты *брать/взять под руку (ручку)*, *брать/взять под крыло (крылышко)*, *брать/взять теплыми (тепленькими)*. Употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов в компонентах-существительных не изменяет внутренней формы фразеологических единиц, экспрессивно-оценочной окраски и отнесенности к разговорному стилю.

Среди компонентных в исследуемой подсистеме отмечен только один вариант: *брать/взять слово назад (обратно)* – “отказываться от сказанного, обещанного”. Компоненты-наречия, являющиеся в свободном употреблении синонимами, имеющие семантику “на прежнее место”, создают одинаковый образ, лежащий в основе метафоры, за счет которой формируется целостное фразеологическое значение.

Самыми многочисленными являются межкомпонентные варианты, касающиеся порядка расположения компонентов фразеологизмов. Расположение компонентов в исследуемых единицах может варьироваться по признаку препозиции/постпозиции и контактности/дистантности.

В большинстве случаев расположение компонентов в описываемых фразеологических единицах характеризуется препозицией компонента-глагола. Это связано с тем, что для русского языка характерен прямой порядок слов, поэтому управляющее слово должно находиться перед управляемым. По отношению к фразеологизмам с компонентами **брать/взять** это положение подкрепляется целостностью фразеологического значения и выражением одного понятия. В художественных произведениях, чаще всего в диалогах, передающих устную речь, возможна препозиция компонента-имени. Это создает дополнительную выразительность и отражает более свободную, чем письменная, устную речь.

В подавляющем большинстве случаев описываемые фразеологизмы употребляются в речи с контактными расположением компо-

нентов, которое является нормой, основным видом употребления единиц. Контактность связана прежде всего с семантической целостностью фразеологизма, которая способствует закреплённости порядка расположения его компонентов.

Одной из главных причин, влияющих на дистантное расположение компонентов фразеологизмов, является “сохранение семантической связи между свободным словосочетанием и омонимичным ему фразеологизмом. Такая связь может быть обусловлена близостью элементов значения одного из компонентов фразеологизма и омонимичного ему слова, взятого в свободном употреблении” (1,34). Например, во фразеологической единице *брать/взять тон* – “вести себя” компонент-существительное сохраняет семантическую связь со словом *тон* – “характер поведения, обращения с людьми, стиль жизни”. Это повышает степень “синтаксической активности” (1) фразеологизма: грамматически подчиненные ему члены предложения создают дистантное расположение: *брать/взять (правильный, свойственный ей, беззаботный, вежливый, такой, этот) тон*.

Дистантное расположение компонентов исследуемых фразеологических единиц образуется за счет слов, этимологически зависящих от глагольного (имени существительного, местоимения в разных падежах, наречия) и именного (местоимения, имени числительного, имени прилагательного) компонентов. Интерпозитивные лексемы не разрушают цельности значений фразеологических единиц.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ МНОГОЗНАЧНЫХ ОБЪЕКТНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Казачук И.Г.
Челябинск, Челябинский государственный
педагогический университет

Процессуальные единицы номинативного строя русского языка – очень сложный по семантике класс слов и фразеологизмов. Грамматические формы и категории процессуальных единиц, составляя систему, взаимодействуют с их богатейшей семантической системой, которая до недавнего времени оставалась неизученной. Только с 60-х годов XX века возрос интерес отечественных лингвистов к исследованию более или менее ограниченных семантических объедине-

ний (функционально-семантических полей, семантических категорий, семантических классов, лексико-семантических групп и т.д.). Появилось большое количество работ, отражающих результаты исследования семантической системы русского глагола. Разработкой проблемы семантической классификации глаголов занимались такие ученые, как Л.М.Васильев, Н.Ю.Шведова, Р.М.Гайсина, Э.В.Кузнецова, Л.Г.Бабенко, Т.А.Кильдибекова, В.В.Прокопов, М.Н.Заметалина и многие другие. Однако эти исследования проводились на лексическом материале, поэтому оказалось, что семантическая структура процессуальных фразеологизмов изучена в гораздо меньшей степени, чем глаголов.

Процессуальные фразеологизмы и глаголы составляют в языке единый класс процессуальных единиц, и семантическая структура этого класса как система представлена совокупностью семантических категорий бытийности, становления, действия и деятельности, состояния, отношения. Деление на семантические категории не является окончательным, оно может стать более дробным и глубоким, точнее и полнее выражающим особенности семантики каждой выделенной категории.

Сложность семантической классификации процессуальных единиц состоит в том, что русские глаголы и процессуальные фразеологизмы в основном полисемантичны. В настоящей статье речь пойдет об особенностях связи многозначных объектных процессуальных фразеологизмов с семантическими категориями. Объектность - семантико-грамматическая категория, связанная со способностью процессуальной единицы обозначать действие, состояние, протяженное во времени свойство, направленное на объект (предмет или лицо) или проявляющееся по отношению к объекту. По данным нашей картотеки, среди объектных фразеологизмов около 20% единиц является многозначными. Это следует учитывать при их семантической классификации.

Многозначный процессуальный фразеологизм своеобразно связан с семантическими категориями. Разные значения одного фразеологизма могут относиться к одной или разным семантическим категориям. Так, например, фразеологизм *ломать шапку* перед кем-либо, имеющий значения 1) кланяться, раскланиваться, сняв головной убор; 2) относиться с подобоострастием, раболепием к кому-либо; унижаться, заискивать перед кем-либо, - в первом значении связан с семантическими категориями действия и отношения, причем доминирующей семой является семема действия : конкретное действие осуществляется, проявляется по отношению к объекту; во втором значении, более абстрактном, - с семантическими категориями отношения и состояния, т.к. определяется отно-

шение к объекту, вызванное, обусловленное внутренним состоянием самого субъекта. В обоих значениях фразеологизм является объектным. Сема объектности (релятивности) эксплицитно выражается в окружении фразеологизма посредством формы творительного падежа существительного с предлогом. *Его братья , однодворцы, только что не молились на него, шапки перед ним издали ломали, гордились им (И.Тургенев). Общее впечатление о чемпионате сложилось быстро и в оптимистическом духе: футбол хорош, борьба нешуточная, никто ни перед кем шапку не ломает (Л.Филатов).* Фразеологизм *висеть на шее* у кого-либо в первом значении “ ласкаться, обниматься с кем-либо” относится к семантической категории отношения (группа внешнего проявления отношения) с дополнительной семой действия, а во втором значении “ жить за счет кого-либо, обременяя кого-либо” - к семантической категории бытийности. *(Мельник): ...вы рады Исполнить даром прихоти его; Готовы целый день висеть на шее У милого дружка...(А.Пушкин). (Сандырева) : Хочешь ты камнем, что ли, повиснуть на шее у матери-то? (А.Островский).*

Семантическую структуру многозначного объектного процессуального фразеологизма могут составлять значения, связанные с одной семантической категорией, а внутри этой категории с одной или разными семантическими субкатегориями, группами, подгруппами. Фразеологизм *вешаться на шею* кому-либо имеет два значения, связанные с одной семантической категорией- категорией отношения, внутри этой категории – с одной семантической субкатегорией межличностных отношений: 1) приставать с ласками, нежностями к кому-либо; ласкаться к кому-либо ; 2) усиленно добиваться контакта с кем-либо, чьего-либо расположения, взаимности; навязываться кому-либо . Различия проявляются на уровне группового значения : в первом значении фразеологизм входит в группу единиц внешнего проявления отношения, во втором – в группу единиц расположения к контакту. *Вспомни, что полтора года ты вешался всем на шею от радости, не знал куда деваться от радости (И.Гончаров). ...Луша вела себя непозволительно и бессовестно вешалась сама на шею Евгению Константинычу (Д.Мамин-Сибиряк).* И в первом , и во втором значениях фразеологизм сочетается с существительным в форме дательного падежа без предлога с объектным значением .

Наряду с объектными единицами выделяются еще два семиологических подкласса – субъектно-объектные и объектно- субъектные. В этих подклассах объединяются многозначные процессуальные

фразеологизмы, в семантической структуре которых разные значения сформированы а) относительно сферы субъекта действия, состояния; б) относительно сферы объекта действия, т.е. в одном(-их) значении(-ях) фразеологизм является субъектным, в другом(-их) – объектным и наоборот. Как правило, значения таких единиц связаны в разными семантическими категориями. Например, фразеологизм *вилять (крутить) хвостом* в первом значении “прибегая к хитрости, уловкам, увиливать, уклоняться от чего-либо” является субъектным, т.к. обозначает поведение субъекта, и относится к семантической категории действия и деятельности, субкатегории социальной деятельности, группе процессуальных фразеологизмов со значением поступка и поведения. Фразеологизм семантически самодостаточен, поэтому не сочетается с формами косвенных падежей с объектным значением. *Принеси с собой письменное объяснение... Не крути хвостом, - это не поможет (С.Бабаевский). (Кукушкина): У меня коли мало-мальски похож на жениха, - милости просим, дом открыт, а как завиллял хвостом, так и поворот у ворот (А.Островский)*. Во втором значении “относиться к кому-либо с подобострастием, раболепием; унижаться, заискивать перед кем-либо” этот же фразеологизм является объектным, употребляется с зависимым существительным или местоимением в форме творительного падежа с объектным значением. Второе значение фразеологизма *вилять (крутить) хвостом* перед кем-либо связано с семантической категорией отношения, осложненной добавочной семой состояния, субкатегорией межличностных отношений, группой единиц внешне-го проявления отношения. *Что же заставляет всех этих людей так униженно вилять хвостом перед человеком, который даже и не взглянет на них никогда внимательно (А. Куприн). (Зорина): Ну народ! Ему только диплом получить да перед профессорами хвостом вилять, а на общественность чихать (Б. Лавренев)*.

В семантической структуре многозначные объектных фразеологизмов каждое последующее значение отличается от предыдущего степенью отвлеченности. Развитие значений происходит от менее обобщенного к более обобщенному с усложнением семантической структуры, в которой могут соединяться семы нескольких категорий. В разных значениях одного и того же фразеологизма доминирующими могут быть семы различных категорий, что приводит к неоднозначной квалификации фразеологической единицы. Многозначные объектные фразеологизмы в первичных, менее обобщенных значениях связаны с семантическими категориями действия\де-

тельности и отношения, в производных – с семантическими категориями отношения, состояния, бытийности.

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Козлова Р.М.

Кострома, Костромской государственный университет

За последние десятилетия написан целый ряд работ, в которых исследуется семантика фразеологизмов, изучаются различные идеографические поля и группы ФЕ на материале разных языков (работы Е.Ф.Арсентьевой, С.И.Кравцовой, В.М.Мокиенко, Т.Г.Никитиной, Л.М.Рязановского и др.). Наше внимание также было сосредоточено на различных фразеосемантических полях макрополя “Человек”: “Отношения между людьми”, “Способности”, “Состояние”, “Внешность” и др.

Любое идеографическое исследование ФЕ приводило нас к выводу о том, что фразеология языка моделируема.

Структурно-семантическое моделирование (ССМ) во фразеологии есть проявление единства содержания и формы ФЕ. Содержание ФЕ организовано формой, выражается и проявляется в ней. В модели, которая учитывает структуру, лексико-грамматические свойства, внутреннюю форму, образ, семантику ФЕ, отражается единство перечисленных формальных и содержательных признаков.

Фразеология стремится к адекватному отражению действительности. В сознании людей находит живой и быстрый отклик все, что происходит вокруг – политическая и общественная жизнь, особенности взаимоотношений людей; а главное, что происходит в них самих – их чувства, эмоции, состояние, внешность, привычки, увлечения и т.д. При помощи ФЕ человек называет и выражает свое отношение, оценивает с разных сторон явления действительности. Эта оценка проявляется во внутренней форме фразеологизма, в его образе.

Наблюдения за образами ФЕ вскрывают их связь с традиционной символикой и культурой народа. Образность фразеологизмов строится чаще всего на переосмыслении реалий повседневной жизни. Конкретные представления людей вызывают определенные ассоциации, которые оказываются толчком для создания фразеологизмов. В образе выделяется определенная черта, которая является основной в отражен-

ной ситуации. Так, например, состояние нервозности, беспокойства ассоциируется в сознании русских людей с ощущением того, что человек как будто бы сидит на чем-то колючем и остром. Это неудобно, больно, поэтому человек не может долго находиться на одном месте. Данный акцентированный семантический признак становится основанием номинации состояния нервозности, беспокойства, тревоги. Значение ФЕ возникает как реакция на образ. Фразеологизмы с этим образом и значением построены по ССМ:

КАК+НА+КАКОМ-ЛИБО ОСТРОМ ПРЕДМЕТЕ=НЕРВНИЧАТЬ

Ядром подобной ССМ является фразеологизм *как на иголках*.

Эта модель оказалась продуктивной, по ней в живой разговорной речи образованы следующие ФЕ: *как на гвоздях, как на колючей проволоке, как на битом стекле, как на ножсах*.

По вариантной модели

КАК+НА+ЖИВОТНОМ, ИМЕЮЩЕМ КОЛЮЧКИ=НЕРВНИЧАТЬ

образованы ФЕ *как на еже, как на дикобразе*

Как мы видим, содержание ФЕ конкретизировалось в соответствии с речевой ситуацией в тех границах, которые определяются смысловой структурой фразеологизма в системе языка.

Рассмотренная модель активна в речи, так как в инвариантном фразеологизме *как на иголках* налицо факторы, влияющие на продуктивность: ясная образная мотивировка, прозрачность внутренней формы, структура сравнительного оборота. Образный характер ФЕ обуславливает актуализацию образной основы и соответствующее появление наименований других колючих предметов, кроме иглки.

В результате исследования мы пришли к выводу о том, что моделируемость стоит за всеми фразеологизмами языка, только степень моделируемости разная. Есть продуктивные ССМ, по которым организован целый фразеологический ряд, постоянно пополняемый прежде всего выражениями из живой разговорной речи, просторечия, жаргона. Есть также непродуктивные или малопродуктивные ССМ, которые отражают индивидуальную ситуацию. Отчего же зависит продуктивность той или иной ССМ?

На наш взгляд, на продуктивность модели могут влиять несколько факторов: степень фразеологической абстракции, прозрачность внутренней формы, изоморфизм формы и содержания ФЕ, наличие в составе фразеологизмов продуктивных компонентов (соматизмов,

анимализмов, названий продуктов питания, предметов быта, с которыми ассоциируются определенные представления людей), структура ФЕ, степень фразеологической слитности, стилевая характеристика ФЕ, активность употребления фразеологизма в речи.

Таким образом, одной из проблем семантики фразеологизмов является выявление их структурно-семантических моделей. Исследование ССМ ФЕ конкретного языка позволит создать теоретические основы фразеологической идеографии, реконструировать важные фрагменты языковой картины мира, определить продуктивные процессы образования ФЕ, прогнозировать особенности функционирования ФЕ в условиях живой разговорной и художественной речи.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА И ОТНОШЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ СТАНОВЛЕНИЯ

*Корнилова А.Н.
Челябинск, Челябинский государственный
педагогический университет*

Процессуальные фразеологизмы субкатегории становления представляют открытую семантическую систему, проявляющуюся в полисемии, в отношении синонимии и антонимии. Многозначностью охвачено 14% всех процессуальных единиц фразеологизмов исследуемой субкатегории.

Количество значений у многозначных единиц колеблется от двух до четырех.

Основную массу многозначных фразеологизмов образуют двузначные единицы – 60 из 74. Следовательно, понятие многозначности во фразеологии – это понятие о двузначности. Можно предположить, что большое количество значений (больше двух) у одной фразеологической единицы способствует разрушению общего смыслового стержня, на который опирается многозначность. Поэтому у единицы не развивается другое значение, а образуется новая единица, то есть речь идет о явлении омонимии.

Отношения между индивидуальными значениями многозначных фразеологизмов иерархические.

Так, фразеологизм уходить/уйти в себя имеет два значения: 1)

“становиться, стать задумчивым”, 2) “становиться/стать замкнутым”.

1. Она заразилась его задумчивостью, сосредоточилась, ушла в себя (И. Гончаров).

2. Настенька все больше уходила в себя, детское сердце замыкалось, и девочка казалась неласковой и даже грубой (Д. Мамин-Сибиряк).

Второе значение является производным. В значении “становиться/стать замкнутым” усиливаются семантические элементы” погружение в собственные мысли” > “отдаление от внешнего мира во внутренний” и образуется новое значение “становиться/стать замкнутым”.

Многозначность присуща только двум центральным семантическим группам, по нашей классификации это:

- 1) группа с семой становления социального бытия,
- 2) группа с семой становления психо-физического состояния.

Процессуальные фразеологизмы семантики становления вступают в отношения внешней и внутренней синонимии. Внешней синонимией охвачено почти 100% единиц. В отношении внутренней синонимии вступают 36% фразеологизмов. Синонимический ряд исследуемых фразеологизмов может быть разным: количество единиц в таком ряду колеблется от 2 до 11.

В отношении синонимии чаще всего вступают две единицы, что подтверждает общеязыковую семантическую закономерность.

Самыми многочисленными по представленности синонимических рядов оказались семантические группы, обозначающих становление социального бытия (20 синонимических рядов): выходить/выйти в люди, выбиваться/выбиться в люди, выходить/выйти из грязи, выбираться/выбраться из грязи, встать/встать на ноги – и семантическая группа, обозначающая становление психо-физического состояния (14 синонимических рядов): воскресать/воскреснуть из мертвых, возвращаться/вернуться в строй, встать/встать на ноги. Этот факт еще раз подтверждает идею антропоморфизма процессуальных фразеологизмов субкатегории становления.

Отношения антонимии характерны для 38,5% фразеологизмов семантики становления: входить/войти в жизнь “родиться, стать живущим” - уходить/уйти из жизни “умереть, стать умершим”, входить/войти в моду “стать модным” - выходить/выйти из моды “стать немодным”.

И однозначные, и многозначные фразеологизмы вступают в анто-

нимические отношения. Многозначные фразеологизмы не во всех значениях имеют антонимическую пару. Эта закономерность является общезыковой.

Отношения антонимии между исследуемыми единицами возникают:

1) на основе антонимии глагольных компонентов или глагольных компонентов и компонентов – предлогов: выходить/выйти из обихода – входить/войти в обиход, уходить/уйти в небытие – выходить/выйти из небытия;

2) на основе антонимии именных компонентов: входить/войти в милость – впадать/впасть в немилость, впадать/впасть в беспамятство – приходить/прийти в память;

3) на основе антонимии и глагольных компонентов, и именных параллельно: выходить/выйти на первый план – уходить/уйти на задний план, подниматься/подняться вверх – катиться/покатиться вниз;

4) на основании антонимии компонентов-предлогов: идти/пойти под гору – идти/пойти в гору;

5) на основании антонимии общего фразеологического значения каждой их единиц, которое образуется из семантических элементов всех компонентов: уходить/уйти в себя – выходить/выйти из задумчивости, приходить/прийти в память – терять/потерять сознание.

Процессуальные фразеологизмы субкатегории становления, обладая свойством полисемии, образуют антонимические пары, параллельно являясь членом синонимического ряда. Это говорит о сложности системных отношений между исследуемыми фразеологизмами.

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ИЗОЛИРОВАННОМ УПОТРЕБЛЕНИИ

Ксенофонтова А.В.

Курган, Курганский государственный университет

Понятие ФЕ включает в свой объем довольно размытые по природе значения единицы: они могут обозначать как явления, свойства, качества и т. п., так и типовые ситуации, “положения дел”. Как отмечают исследователи, ФЕ свойственна нечеткость денотативного пространства и прагматическая нагруженность, поэтому назначение ФЕ не столько обозначить, сколько приписать признак обозначаемому. Соотношение денотативного и прагматического компонентов в значении ФЕ можно проследить на примерах их изолированного употребления в дискурсе, в виде высказываний. Например:

- Садитесь, ребята, - пригласил Прудаков, показывая на мягкие стулья. – **В ногах правды нету.** – В. Авдеев.

Использование изолированных ФЕ как знаков с наибольшей полнотой соответствует разговорной речи. Именно в речевом акте, в его монологической или диалогической формах говорящий использует ФЕ, обладающие иллокутивной силой: с помощью ФЕ говорящий может возражать, не соглашаться, запрещать, обидеть, предостеречь, унижить, выразить реакцию на сказанное или сделанное собеседником.

В изолированном употреблении (от точки до точки, с самостоятельной интонационной окраской) фразеологическая единица может иметь конструкцию словосочетания, предложения и высказывания.

Форму словосочетания имеют парцеллированные конструкции:

- Ребята уговорили его быстро. **В два счета.** Вдели под руки и вывели на улицу. А. Воронин. Надо только понять, что произошло. **Вникнуть в суть.** А. Воронин.

В подобных случаях синтаксическим приемом усиливается эмоциональный компонент в значении фразеологических единиц.

2. Неполные предложения.

- Что я получил? **Шии с маслом!** Вот что я получил! В. Воронин.

... он совершенно неизвестен, он ничто! **Мыльный пузырь!** А. Чехов.

- Еще бы они не скрыли! – подхватил Петр Петрович. – **Одного**

поля ягода! А. Писемский. Да вот и Зуда. **Легок на помине!** И. Лажечников.

В данных ФЕ актуализируется преддицирующий, оценочный компонент, поэтому они сопровождаются восклицательной интонацией, а по синтаксической функции – сказуемые.

3. Полные предложения.

- Будь поосторожней с этим господином. **Держи язык за зубами...** А. Чехов. – Молчи! **Уйди с глаз!** Уйди! – крикнул Василий. М. Горький.

- Ну, ты помнишь все, что я тебе сказала? Смотри же, помни! **На носу себе заруби!** М. Горький.

В данных предложениях побудительная форма усиливает оценочный компонент ФЕ.

К ним близки ФЕ в форме определенно-личных предложений, со сказуемым-глаголом в будущем времени, выражающие акт угрозы: - Пеняйте на себя, если уйдут. **Головы сорву! Шкуру спущу!** – крикнул усатый городовой и выбежал вон. М. Горький.

4. Фразеологизмы – высказывания. Форму побудительного предложения имеют фразеологизмы, которые подобно перформативным глаголам, являются высказываниями, эквивалентными действию:

- **Будь проклята!** – вскричал он так, что на всех ужас навело. И. Лажечников. **Будь проклят!** Рыжий черт! Не видать бы тебе ни часу света божьего! М. Горький.

Близкими по значению “проклятия” являются предложения в инфинитивной форме, усиливающей степень категоричности, и в форме придаточного цели: - **Чтоб вам подохнуть!** – вскричал цыган, плюнув с досады. И. Лажечников. В огонь! В плиту! **Чтобы духу их не было!** В. Катаев. – **Век бы тебя не видать!** Иди, иди! В. Катаев. – Ах, Сашка, Сашка! – побожился от холода отец. – **Не сносить тебе головы!** Л. Андреев.

Фразеологизмы-высказывания представляют собой самую большую группу изолированных употреблений. В научной литературе подчеркивается либо их синтаксический статус – нечленимые предложения, либо коммуникативный статус – коммуникативы, коммуникемы. Безусловно, особенности семантики подобных ФЕ обусловлены их функцией реплики-реакции на контекст или ситуацию. В такой ФЕ не содержится указание на денотативное пространство, ее употребление служит сигналом о включении эмоционально-оценочного отношения говорящего субъекта к высказанному или сделанному ранее. По семантике они могут быть различны: обозначать

уступку, сожаление (Черт с ним!); радость, успокоение (Слава богу!); удивление, отчаяние (Боже мой! Вот те на! Вот тебе раз!); испуг (Боже упаси!); досаду (Черт возьми!); утешение (Велика беда! Не велика беда!); несогласие (Нашли дурака!).

Примыкают к ним фразеологизмы-выражения, в которых содержится элемент языковой игры, создаваемый за счет рифмы и повтора слова из предыдущей реплики:

Что наши дела? – Мрачно отозвался Василий Борисович. – **Мои то дела что сажа бела.** Н. П. Мельников-Печерский.

- Друг ли ты мне или враг?

- Друг, друг, Ардаша! – отвечал Володин.

- **Друг сердечный, таракан запечный,** - сказала Варвара. Ф. Сологуб.

В семантике таких высказываний содержится сложное чувство-отношение, которое скрывается за языковой игрой.

Несомненно, богатая палитра чувств, состояний, испытываемых говорящими в процессе речевого взаимодействия, нашла свое воплощение не только в прагматически закреплённом компоненте значения фразеологических единиц, но и в особых воспроизводимых фразеологических высказываниях, которые и обладают семантикой воздействующей силы на адресата речи.

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ Н. ГЛАЗКОВА

Кузьмина В., Медведева Н.А.

Курган, Курганский государственный университет

Одной из семантических характеристик ФЕ является метафоричность и, следовательно, образность, что присуще большинству фразеологизмов. Такие фразеологизмы не прямо называют предмет, действие, признак, а дают представление о них и их оценку. Коннотативность заложена в семантике ФЕ как основная их функция (в лексеме первична номинативность). Названные качества стали определяющими для включения фразеологии наряду с лексикой в поэтический текст.

Специфика поэтического языка такова, что требует использования наиболее ёмких средств всех уровней языка для выражения мыслей и чувств лирического героя. Фразеологизм зачастую более

ёмок семантически, нежели слово. Н.И. Глазков активно использует фразеологизмы в качестве изобразительно – выразительного средства, что становится неотъемлемым элементом поэтики его произведений.

Фразеологизм – языковая единица, содержащая готовый образ, известный носителю языка. При восприятии стихотворения он легко возникает в сознании читателя, а контекст и авторские преобразования формы ФЕ могут придавать ей дополнительные оттенки смысла.

Использование фразеологизмов, черты разговорной речи, отражается в произведениях поэта, исповедующего краткость (как “единственную сестру таланта”) и доступность для самого широкого читателя. Обладая метафоричностью, фразеологизм отвечает и эстетическим функциям художественного произведения.

Таким образом, широкое употребление фразеологизмов Глазковым тесно связано с особенностями его стиля: простотой формы, прозрачностью языка, разговорностью и непринужденностью поэтической интонации, живостью и динамичностью, эмоциональностью, субъективностью. Субъективность восприятия мира прежде всего выражается через его оценку. На языковом уровне художественного текста фразеологизм как единица, обладающая ярко выраженной коннотацией, оказывается для автора дополнительным средством самовыражения.

Метафора – основное средство выразительности в поэтическом языке. Чтобы раскрыть метафору, требуется длительное толкование, поэтому метафора может рассматриваться как средство концентрации, синтеза оттенков значения, ассоциаций; это свойство передается ФЕ, в основе семантики которых лежит метафора. Так, употребление фразеологизмов является наиболее целесообразным в передаче информации, заложенной в подтексте.

Особое внимание следует обратить на семантику ФЕ, используемых в поэтической речи Н.И. Глазковым. Её выявлению и систематизации способствует классификация фразеологизмов по семантико–грамматическим признакам (на основе методики А.М. Чепасовой). При этом выделяются предметные, процессуальные, качественно – обстоятельственные, призначные, количественные, местоименные, модально – междометные, а также служебные фразеологизмы. Детальное рассмотрение ФЕ каждого класса позволило выявить ряд особенностей индивидуального использования поэтом фразеологизмов.

Отмеченная литературоведами динамичность поэзии Н.И. Глазкова прослеживается на языковом уровне, в том числе, во фразеологии. Процессуальные фразеологизмы получили наибольшее распространение в стихах автора и охватывают более четверти исследованного материала. ФЕ, входящие в категорию, разнообразны по семантике, в основе которой всегда лежит общее понятие процесса. В настоящее время фразеологи выделяют два самых общих значения – деятельности и состояния, которые конкретизируются на основе субъектно–объектных отношений и качества состояния.

В субкатеорию деятельности входят субъектные ФЕ, обозначающие деятельность человека, не направленную на другое лицо, предмет, например,

- мыслительную деятельность: *думать и гадать, делать выводы, сознавать свои ошибки, ничего не мыслить, ставить вопросы:*

Как мудрецы мы волосы ворошим
И всевозможные вопросы ставим.

- собственно деятельность, поведение, поступки: *пускать пыль в глаза, покончить с собой, разделить судьбу, понюхать пороху, сжигать корабли:*

Я годов занимаюсь проводом
И сжигаю свои корабли.

- бесполезную деятельность, безделие: *считать ворон, пропадать пропадом, плевать в потолок, валять дурака:*

Мол, если молодой, то он
Валяет дурака,
И как поэт не завершен,
И не поэт пока.

Группу объектных составляют ФЕ, обозначающие

1) воздействие лица на другое лицо, предмет: *пожать руку, посмотреть косо, открыть двери, поднять на щиты:*

Был не от мира Велимир,
Но он открыл мне двери в мир.

2) мыслительную деятельность в отношении лица/предмета: *знать толк в, взять за основу, довести до абсурда:*

Я нарочно довел до абсурда
Твою подгениальную мысль

3) доведение действия до конца: *предать забвению, пойти на слом, свести на нет:*

Всё сметут, сведут на нет

Годы, бурные, как воды...

Фразеологизмы, входящие в субкатегорию состояния, делятся на семантические группы в соответствии с типом состояния:

- психического (*проявлять волю, сходить с ума*);
- эмоционального (*хвататься за голову*);
- социального (*быть на хорошем счету, не иметь права*);
- физического (*чувствовать себя*);
- перехода из одного состояния в другое (*приходить в ярость, возноситься в рай, потерпеть крах*).

Анализ процессуальных ФЕ показал, что наиболее продуктивны субъектные фразеологизмы, входящие в субкатегорию действия. Субкатегория состояния представлена единицами, выражающими широкую гамму состояний, однако каждая группа малочисленна, вплоть до единичных примеров.

Значительное место в классификации занимает категория предметных фразеологизмов, которая разделяется на три субкатегории: лица (*белая ворона, ненормальный псих, божии странники*), предмета (*мир подлунный, черный час, морская пучина*), отвлеченные понятия; последнюю составляет большинство предметных ФЕ. Ядро данной субкатегории образуют группы фразеологизмов, обозначающих философско – этические и религиозные понятия (*личная жизнь, истина наяга, непреложная истина, земные дары, насыщенный хлеб, жизнь иная, грехов отпущение, ворота рая, ночь Варфоломея, божий глас и др.*):

Пишу, что станет жизнь иная
Поэтоградской наяву...

Заметим, что характер семантики предметных фразеологизмов несомненно связан с концептуальным уровнем произведений поэта.

Частотно употребление Н.И. Глазковым качественно – обстоятельственных ФЕ, большинство из них имеют обстоятельное значение, меньшее количество обозначает качество действия или степень проявления признака. В то же время следует отметить непродуктивность призначных фразеологизмов, что связано, по нашим наблюдениям, с одной из речевых особенностей поэтики глазковских стихотворений, а именно со стремлением не к описательности, а к повествованию и рассуждению. Для поэта характерна не созерцательность, а действенное отношение к миру.

Большое количество модальных и междометных фразеологизмов передают яркость и остроту чувств и ощущений, участвуя в созда-

нии общего эмоционального тона стихотворения; позволяют лаконично и четко сформулировать индивидуальное отношение к изображаемому, например: *не мешает, что надо, нет дела, не прочь*:

Я, впрочем, не прочь,
Да и всякий любит
Водку толочь
Или воду в ступе.

Среди междометных ФЕ особую частотность в авторском употреблении приобретают фразеологизмы с компонентом “черт” и отрицательной эмоционально – экспрессивной окраской: *что за черт, черт его знает, побрал бы черт*.

Как видим, классы исследуемых фразеологизмов разделяются на множество групп и подгрупп, в которых общее категориальное значение конкретизируется в частных и семантика ФЕ выражается более полно. Это дает возможность глубже проникнуть в содержание средств выражения авторской мысли.

Таким образом, именно особенности семантики фразеологизмов играют решающую роль при их функционировании в поэтическом тексте. Выбор тех или иных обусловлен характером поэтики произведений. Стремление Н.И. Глазкова к разговорности, лаконичности и простоте поэтической речи создает необходимость приобщения художника к фразеологической сокровищнице родного языка.

ФРАЗЕОЛОГИЯ В “ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ” АННЫ АХМАТОВОЙ

*Кудрина Н.В.
Курган, Курганский государственный университет*

Фразеологизмы играют особую роль в организации поэтического текста. Они обладают семантической ёмкостью, художественной выразительностью и, как правило, вносят новые смысловые оттенки в содержание произведения. Целью данной статьи является исследование способов употребления фразеологических единиц в “Поэме без героя” Анны Ахматовой.

Ахматова работала над поэмой около четверти века (с конца 1940 по 1965 годы). Это многослойное и многозначное произведение, насыщенное литературными и культурными реминисценциями, которые яв-

ляются отзвуками каких-либо исторических событий или литературных произведений в творчестве Ахматовой. В поэме много иносказаний и символов. Своеобразна и фразеология поэмы.

В “Поэме без героя” в полной мере проявилось фразеотворчество Ахматовой. Поэтесса использует большое количество общеязыковых фразеологизмов, причём большую их часть подвергает разного рода трансформациям либо создаёт окказиональные единицы на основе узуральных.

Без изменений используются в поэме, например, следующие фразеологизмы: “*Бес попутал* в укладке рыться...”; “Где, свидетель *всего на свете*, // На закате и на рассвете// Смотрит в комнату старый клен...”; “Я надеюсь, *нечистого духа*// Вы не смели сюда ввести”.

Большое количество общеязыковых фразеологизмов в поэме Ахматовой подвергается структурно-семантическим преобразованиям, которые приводят как к изменению семантики, так и к усилению экспрессивности единиц.

Например, поэтесса прибегает к изменению компонентного состава фразеологизмов, заменяя один из компонентов: “Проплясать пред *Ковчегом Завета*// Или сгнуть...”. Следует отметить, что нередко этот вид трансформации может сочетаться с другими: “*Господняя сила с нами!*” (ср.: *с нами крестная сила*) – помимо замены компонентов используется синтаксическая инверсия; “За одну минуту покоя// Я *посмертный* отдам покой” (ср.: *вечный покой*) – дистантное расположение компонентов.

Дистантное расположение компонентов способствует их смысловому выделению: “И весь траурный город *плыл*// По неведомому назначению, // По Неве или *против течения*, - //Только прочь от своих могил”; “Да *простит* тебя *Бог*”.

Усилению экспрессии и смысловому выделению компонентов способствует синтаксическая инверсия: “Я сначала сдалась, но *снова* // Выпадало *за словом слово*...” (ср.: *слово за слово*) – в данном случае фразеологизм приобретает новый семантический оттенок.

У ФЕ *белые ночи* в результате трансформации произошло структурно-семантическое развитие фразеологического значения: “Над тобой лишь твоих прелестниц, // *Белых ноченек* хоровод”.

Расширение лексико-семантической и синтаксической сочетаемости наблюдается у фразеологизма *серебряный век*, который подвергается семантической трансформации: “И серебряный месяц ярко// Над *серебряным веком* стыл”.

Полной деформации подвергается фразеологизм *орел или решка*. В заголовке второй части поэмы используется один из его компонентов: *решка* (то есть проигрыш), который выражает элемент фразеологического значения.

В результате структурно-семантических трансформаций могут возникать окказиональные фразеологические единицы. Например: “И ни в чем не повинен – *ни в том, // ни в другом и ни в третьем...*” (ср.: *ни то и ни другое*). В данном случае трансформация основана на расширении компонентного состава исходной единицы.

В поэме встречается большое количество индивидуально-авторских фразеологизмов, которые создаются по существующим в языке моделям. Такие фразеологизмы помогают не только назвать предметы или явления, но и передать связанные с ними чувства автора. Индивидуально-авторские фразеологизмы Ахматовой, как правило, нарицательные. Большую их часть составляют предметные ФЕ: “Та *столетняя чаровница*// Вдруг проснулась и веселиться// Захотела...” (романтическая поэма); “О, *подруга поэтов!*” (О.Глебова-Судейкина, подруга Ахматовой, певица и танцовщица); “...клокотание, стон и клетот, // И *виденье скрещенных рук*” (образ смерти).

К предметным окказиональным фразеологизмам относятся фразеологические топонимы: “Расстояние как от Луги// До *страны атласных баут*” (*страна атласных баут* – Италия; баута – шелковый колпак с маской); “*На Галерной чернела арка*// В Летнем тонко пела флюгарка...” (*арка на Галерной* – место в Петербурге, где влюбленные назначали друг другу свидания).

К процессуальным могут быть отнесены следующие индивидуально-авторские фразеологизмы: “А веселое слово “дома”// Никому теперь не знакомо - // Все в *чужое глядят окно*” (*глядеть в чужое окно* – находиться в эмиграции); “Ты не бойся – *дома не мечу*” (ср. в стихотворении 1919 года: “А здесь уж белая *дома* крестами *метит*, / И кличет воронов, и вороны летят”).

Таким образом, фразеология “Поэмы без героя” Анны Ахматовой разнообразна и носит ярко выраженный индивидуальный характер. Поэт широко использует не только общеязыковые фразеологизмы, но и их трансформации, а также создает окказиональные единицы по существующим в языке моделям. Все это усиливает художественную выразительность поэмы и создает новые комбинации смысловых ассоциаций.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЧАСТИЦЫ: ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЯ

Куныгина О.В.
Челябинск, Челябинский государственный педагогический университет

Несмотря на то, что фразеологизмы уже достаточно изучены, фразеологические единицы в словарях современного русского языка описываются как лексемы. Следовательно, создание частных фразеологических словарей актуально для современной фразеологии. Единицы, входящие в такие словари, вычленены на основании разных критериев: общности семантики, структуры, грамматических признаков, компонентного состава и т.п.

Мы представляем словарь, в котором содержится фрагмент фразеологической системы языка, представленный грамматическими фразеологизмами – классом фразеологизмов-частиц (по классификации А.М.Чепасовой), - по своим семантическим и грамматическим свойствам соотносимыми с лексическими частицами.

Нам представляется целесообразным создание автономного словаря, включающего фразеологические частицы современного русского языка, так как фразеологические частицы не нашли достаточно полного отражения в лексикографии. Не выработан единый принцип их обозначения и толкования высшей и средней школы, нуждающейся в дидактических пособиях по фразеологии современного русского языка.

Данный словарь предназначен для широкого круга читателей: для учащихся школ и учителей русского языка, для студентов-филологов, аспирантов, преподавателей, а также для тех, кто интересуется русским языком и русской фразеологией.

Цель словаря – дать представление читателям о структурных и семантических особенностях класса фразеологических частиц, постоянно развивающегося и пополняющегося в русском языке.

Словарь призван решить следующие *задачи*:

- представить в словаре широкому кругу читателей фразеологические частицы современного русского языка;
- дать толкование каждого фразеологизма, выявив многозначность, омонимию и синонимию;
- показать особенности широкого употребления фразеологических частиц в речи.

Материалом для предполагаемого словаря послужила оригинальная картотека фразеологизмов-частиц, состоящая из 176 единиц в 12000 употреблений, собранных методом сплошной выборки из произведений художественной, научной, научно-популярной литературы русских писателей, публицистики. При составлении картотеки мы также использовали данные фразеологического фонда русского языка при Челябинской фразеологической лаборатории.

Научная новизна данной работы состоит в том, что впервые структурному и семантическому описанию подвергнут класс фразеологических единиц, до настоящего времени не отраженный в лексикографии и фразеографии.

Теоретическое и практическое значение работы состоит в том, что впервые фразеологические частицы подвергаются самостоятельному фразеографическому структурно-семантическому описанию, выявляются и описываются омонимические и синонимические пары и ряды фразеологизмов-частиц.

Результаты и материалы исследования могут быть использованы в речи широким кругом читателей (в том числе, учащимися школ, преподавателями, работниками радио и телевидения, публицистами), а также в системных исследованиях по проблемам фразеологии и фразеографии, в курсах “Фразеология”, “Лексика”, “Морфология” современного русского языка в вузе и школе, при чтении спецкурсов и спецсеминаров по фразеологии.

Структура предполагаемого словаря

1. Предисловие.
2. Словарь.
3. Индекс фразеологизмов-частиц.
4. Омонимические пары и цепочки фразеологических частиц.
5. Синонимические ряды фразеологизмов-частиц.

Словарная статья включает следующие **параметры** :

1. **Заголовок.** Единицы расположены в алфавитном порядке по первому компоненту.

2. **Структура.** Фразеологические частицы представляют собой раздельнооформленные структурные образования, состоящие из двух и более компонентов, например : **что за, чуть ли не, не кто иной как** и др. Расположение компонентов в описываемой единице может быть как контактное , так и дистантное.

3. **Структурная модель.** Фразеологические частицы разнообразны по своей синтаксической организации и представляют собой

модели сочетаний слов (*как бы, а вот, как будто бы*), аналогов словосочетаний (*ровным счетом, по крайней мере*) и предложений (*все равно, взял да и*).

4. *Значение*. Фразеологические частицы по своему категориальному значению соотносительны с лексическими частицами, не выражают понятия о предмете, признаке, процессе, количестве, а являются смысловыми различителями и выразителями отношений, обозначенных знаменательными частями речи.

Многозначные фразеологизмы-частицы обозначены арабскими цифрами.

Каждое значение представленной единицы иллюстрируется цитатами.

5. *Синонимия*. Частицы, образующие синонимический ряд, входят в одну семантическую группу, служат для выражения одного значения, различаются семантическими оттенками, имеют близкую, частично совпадающую лексико-семантическую сочетаемость.

6. *Омонимия*. Фразеологизмы-частицы вступают в омонимические отношения с другими классами фразеологических единиц, имеют одинаковый компонентный состав, характеризуются тождеством структурной модели, относятся к морфологически неизменяемым фразеологическим единицам, но различаются типом категориального значения и обнаруживаются в разных синтаксических условиях.

Пробная статья словаря

ВЗЯЛ (ДА) И

Структура. Три компонента: компонент-глагол **взять**

компонент-частица **да**

компонент-частица **и**.

Расположение компонентов контактное.

Структурная модель аналог предложения.

Присловная, связана с глаголом.

Значение. Служит для указания на неожиданное, непредсказуемое действие.

- Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить... **Взял и** помер зря... (А.П.Чехов. Тоска). И тогда-то Алексей Дмитриевич **взял да и** запузырил на свой страх и риск эти самые незаконные 200-граммовые склянки. (Литературная газета. 22.05.85.).

Синонимия . *взял да и* - ³ *а вот – а вот и* – *без того* - ² *вот и* - ² *да вот – нет-нет да и*.

Не путать. Глагол *взять* и союз *да и*. [Почтмейстер :] ... “Ну, - думаю себе, - верно, нашел беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство”. *Взял да и* распечатал. (Н.Гоголь. Ревизор).

Литература

1. *Словарь русского языка. В 4 т. АН СССР, Ин-т рус.яз. / Под ред. А.П.Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп.- М., Рус.яз., 1981-1984. Т. 1-4.*
2. *Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Под ред. А.И.Молоткова. Изд. 5-е, стер. СПб.: Вариант, 1994.*
3. *Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. / Сост. А.И.Федоров. М.: Цитадель, 1997. Т. 1-2*

КОМПАРАТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ПОЭЗИИ К.БАЛЬМОНТА

Лебединская М.И.

Курган, Курганский государственный университет

В литературоведческих и лингвистических исследованиях описываются самые разные фигуры поэтической речи (анафора, антитеза, градация, риторические вопросы, восклицания, обращения и т.д.), средства художественной выразительности: эпитеты, олицетворения, гиперболы, метафоры, сравнения. Целью нашего доклада является характеристика особенностей сравнительных фразеологизмов поэзии К. Бальмонта. Анализу подвергнуты сравнительные обороты, функционирующие в текстах стихотворений, вошедших в сборники “В безбрежности”, “Тишина” и “Под северным небом”.

Поэтический язык К. Бальмонта, как и любого поэта, характеризуется яркой образностью, символичностью и высокой экспрессивностью, в его произведениях можно увидеть мир настоящий и мир вымышленный. Во фразеологии эти миры отразились более выразительно и ярко благодаря сравнительным оборотам, которые не только называют те или иные явления, признаки и действия, но и дают им определенную оценку.

Сравнительные обороты в поэтической речи имеют свои специфические особенности, связанные с многозначностью символа, с возможностью различных трактовок образной системы поэта.

В современной лингвистике выделяют два вида образных сравнений:

1) сравнения устойчивые (узуальные) и 2) сравнения авторские (оказиональные). Границы между ними подвижны, неабсолютны. Частотны случаи, когда индивидуально-авторские сравнения становятся элементами узуса, входят в активный словарный запас носителей языка; вместе с тем мастера художественного слова часто воспроизводят устойчивые сравнительные обороты, которые являются единицами языковой системы.

Бальмонт в своих произведениях использует и те и другие сравнения, кроме того мы обнаружили еще один, третий вид сравнений – это сравнения, в которых внешняя форма является устойчивой, а семантика – авторской, то есть в уже существовавшее в языке означающее поэт вкладывает свое означаемое.

По материалам нашей картотеки, к устойчивым сравнительным оборотам можно отнести такие: **как видение** в значении ‘возникать, являться, исчезать, проноситься’, **как сон** в значении ‘миновать; исчезнуть, рассеяться, изгладиться в памяти’ и др., например:

Ты промелькнула, **как виденье**,
О, юность быстрая моя,
Одно сплошное заблужденье!
Ты промелькнула, **как виденье**,
И мне осталось сожаленье,
И поздней мудрости змея.
Ты промелькнула, **как виденье**,
О, юность быстрая моя!

К. Бальмонт. Триолеты.

И вдруг открылось мне, что жизнь моя темна,
Что юность быстрая, **как легкий сон**, умчалась,—
И плакала со мной ночная тишина.

К. Бальмонт. Лунная ночь.

К оказиональным относятся сравнительные обороты, являющиеся индивидуально-авторскими новообразованиями и не зафиксированные в словарях, например, **как гробница** – ‘тихий, беззвучный, мертвый’, **как колыбельная песня** – ‘тихий, нежный, приятный’:

Моя любовь воздушна, **как весеннее облачко**,
Моя любовь нежна, **как колыбельная песня**.

К. Бальмонт. Эльзи.

Как в небесах, объятых тяжким сном,
Порой сверкает беглая зарница,
Но ей не отвечает дальний гром,—
Так точно иногда в уме моем
Мелькают сны, и образы, и лица,
Погибшие во тьме далеких лет,—
Но мимолетен их непрочный свет,
Моя душа безмолвна, **как гробница**,
В ней отзыва на их призывы нет.

К. Бальмонт. Зарница.

Третий тип единиц представляет собой сравнения, зафиксированные в современных словарях, но имеющие в тексте стихотворений К. Бальмонта другие значения. Например, фразеологическая единица **как тень** в “Словаре устойчивых сравнений русского языка” В.М. Огольцева имеет 5 значений: 1) худой(ая). О человеке, 2) бледный(ая), 3) ходить, следовать за кем-л. — неотступно, неотвязно, 4) ходить, пробираться, красться — тихо, бесшумно, неслышно; проскользнуть, промелькнуть, 5) бродить, ходить — бесцельно, будучи поглощенным какой-л. мыслью, чувством или переживанием. В стихотворении “Из-за дальних морей” этот фразеологизм употреблен в значении ‘дрожать, просыпаться — трепетно, нежно, неосознанно’:

Из-за дальних морей, из-за синих громад,
Из-за гор, где шумит и гремит водопад,
В твой альков я цветов принесу для тебя,
Зацелую, любя, заласкаю тебя.
А когда, отгорев, побледнеет луна,
И от жгучего сна заалет Весна,
Задрожишь ты, **как тень**, пробужденье гоня,
И, краснея весь день, не забудешь меня.

К. Бальмонт. Из-за дальних морей.

Понятность, соответствие общепринятым сравнениям достигается в поэтической речи К. Бальмонта путем использования типичных структурных особенностей сравнительных оборотов. Большинство из них имеют двухкомпонентную структуру: *как воздух, как виденье, как изваянье, как лебедь, как феникс, как лед, как друга, как*

привиденья, как цветок, как призрак, как сон, как саламандра, как свет, как тень, как гробница, как нектар, как звезда, как серебро, как саранча, как червь, как ангел, как ландыш, как жернов, как песня, как светило, как твердь и др. под. Такой тип сравнений наилучшим образом соответствует высокой степени экспрессивности, присущей стихотворениям Бальмонта. Немногочисленны трехкомпонентные сравнения (*как ангел неземной, как злой вампир, как черный грех, как вещий сон, как вольные птицы, как легкий сон, как мертвая сталь, как пена морская, как шелест камышей, как факел похоронный, как сон таинственный* и т.п.) и единичны четырехкомпонентные (*как ключ в пустыне, как враг обычной красоты* и др.). Трехкомпонентная структура создается за счет введения в сравнительный оборот имен прилагательных, большей частью качественных, характеризующих сущностные внутренние и внешние признаки предметов. Прилагательные, ставшие компонентом сравнений, несут большую символическую нагрузку.

Сравнения характеризуют образы живой и неживой природы. Живая природа у Бальмонта – это представители фауны (*как вольные птицы, как лебедь, как феникс, как саламандра, как червь* и др.) и лица, мифические (*как эльф, как злой вампир, как призрак, как ангел* и др.) и реальные (*как врага, как друга, как жалкий ребенок* и др.).

Реже объектами сравнений могут выступать образы неживой природы: абстрактные понятия (*как свет, как сон, как миг тоски, как черный грех, как шелест камышей* и др.) и конкретные предметы (*как звезда, как гробница, как светило, как тень, как жернов, как песня* и др.). Особое место в системе сравнительных оборотов у Бальмонта занимают вещества (*как воздух, как нектар, как мертвая сталь* и т.п.).

Поэзия, лирика, в частности, является отражением авторского, индивидуального видения мира, что, безусловно, не может не отразиться на использовании языковых средств: они характеризуются ярко выраженной антропоцентричностью, поэтому в качестве предмета сравнения чаще всего выступает лирический герой (один или вкуче с другими людьми) или его возлюбленная.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАНОНИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО- РЕЧЕВОЕ СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ИРОНИИ В ЭПИСТОЛЯРИИ А.П.ЧЕХОВА

Липатов А.Т.

Йошкар-Ола, Марийский педагогический институт

А.П.Чехов – признанный мастер иронии, которой особенно богат его эпистолярый. Именно здесь, как в тигле, происходило формирование таланта его художественного смеха. Именно в эпистолярый выработались стилевые и структурные особенности текста с включениями в него устойчивых речевых оборотов (фразеологических единиц, крылатых выражений, паремий, максим и пр.).

Из 4200 писем к родным, друзьям и знакомым, составляющих чеховский эпистолярый, в 572-х из них содержится 196 фразеологизмов, и “трудно найти такой высокий процент использования устойчивых образных выражений у кого-нибудь из русских писателей” (Л.И.Ройзензон). Для достижения иронии, юмористического эффекта Чехов активно прибегает к помощи трансформации канонических (узуальных) фразеологизмов путем их обновления и переосмысления. Даже слегка видоизменяя устойчивые образные выражения, Чехов, благодаря использованию иронических приращений, добивается желаемого эффекта: “Деньги улетучиваются, как черт от ладана” (М.В.Киселевой, 25 марта 1888 г.); “Моя голова совсем отбилась от рук и отказывается сочинительствовать” (Н.А.Лейкину, 12 января 1887 г.); “Я так уже засел в московские болота, что меня не вытяните никакими пряниками” (Н.А.Лейкину, 22 марта 1885 г.).

Расподобление и обновление Чеховым узуальных фразеологизмов приводит к появлению очень индивидуальных по своей семантике высоко экспрессивных и выразительных перифразов-конвертивов. Так, в чеховских рассказах и письмах многократно встречается фразеологизм *во все лопатки*. Как известно, его каноническое значение – “очень быстро (“во весь дух” или “что есть духу”, “во всю прыть”, “изо всех сил” или “что есть силы”)” с глаголами *бежать, ехать, мчаться, удирать* и т.п. Но Чехову, мастеру иронии, тесно в прокрустовом ложе канонических фразеологизмов, и он, раздвигая их семантические рамки и создавая вокруг них соответствующий целенаправленный иронический антураж, преобразует их

в удивительно своеобразные перифразы-конвертивы, полные то лукаво-доброто, то едкою смеха. Впервые данный фразеологизм в его трансформированном виде встречается в 1881 г. в одном из ранних рассказов Чехова “В вагоне”: “целуй во все лопатки!” Затем в 1882 г. в рассказе “Скверная история”: “Небрызгалов же, маленький, куценкий поручик, во все лопатки старался поехать на Ивана” и в рассказе “Зеленая коса”: “Она нас отлично кормила, превосходно поила, занимала нам во все лопатки денег...”.

Данный тип перифразов-конвертивов встречается еще дважды – в рассказе “Осколки Москвы” (1883-1885): “Дипломатия работает во все лопатки, но... все это грустно” и в рассказе “Счастливец” (1886-1887): “Настал этот период, ну и любви во все лопатки”.

Активно используется фразеологизм *во все лопатки* и в чеховском эпистолярии: “Пишите во все лопатки и так, как Вам в данную минуту писать хочется” (И.Л.Леонтьеву-Щеглову, 14 июля 1888 г.); “Буду во все лопатки стараться заработать возможно больше денег, чтобы опять провести лето, ничего не делая” (А.Н.Плещееву, 15 сентября 1888 г.); “Рад служить во все лопатки, но ничего с своей толкастикой не поделаю...” (Н.А.Лейкину, 22 марта 1885 г.).

Кроме того, фразеологизм *во все лопатки* по-своему трансформируется также в письмах, адресованных Н.А.Лейкину (“Дождь порет во все лопатки”) и И.Л.Леонтьеву-Щеглову (“Валяйте во все лопатки и повести, и рассказы, и драмы”).

Очень колоритно в своих письмах трансформирует Чехов и фразеологизм *во всю Ивановскую*, традиционно используемый в его вариантах *звонить во всю Ивановскую* и *кричать во всю Ивановскую* в двух значениях: (1) “очень громко” (с глаголами *кричать*, *горланить*, *орать*, *храпеть*, *рассказывать* и т.п.); (2) “очень быстро, со всей силой (делать что-либо)”. Чехов же данный фразеологизм сочетает с такими глаголами, с которыми ранее в речевой практике тот не встречался: “Нового ничего нет, ожидаю нетерпеливо весну и во всю ивановскую трачу те деньги, которые получил за своего “Иванова...” (А.Н.Плещееву, 7 марта 1889 г.); “Солнце блестит во всю ивановскую, и березы распустились” (М.П.Чеховой, 28 мая 1890 г.); “Днем валит снег, а ночью во всю ивановскую светит луна, роскошная, изумительная луна” (А.С.Суворину, 22 ноября 1892 г.); “А на хуторе медицина во всю ивановскую” (А.С.Суворину, 30 ноября 1891 г.); “Во всяком случае во всю ивановскую будем стараться обставить Вашу жизнь возможно комфортабельнее” (А.Н.Плещееву, 17 апреля 1888 г.).

А вот пример того, когда каламбурный эффект текста, насыщенность его иронией достигаются включением в него точно найденного, очень индивидуализированного перифраза *мало-помалу превращаюсь в стрекозиные мощи* и столкновения в словосочетании *положить зубы на полку* его прямого и переносно-фразеологического значения: “Понемножку болею и *мало-помалу обращаюсь в стрекозиные мощи* (= сильно худею. – А.Л.). Если и умру раньше Вас, то шкаф благоволите выдать моим прямым наследникам, которые *на его полки положат свои зубы*” (М.В.Киселевой, 21 сентября 1886 г.).

В своем эпистолярии Чехов использует редко встречающийся в художественной практике прием семантического конденсирования текста – стяжение целого фразеологизма в монолексему. Так, в предложении “На одном из поездов видел Созю Ходаковскую: кажется, *красится во все цвета радуги* и сильно *окошкодохлилась*” (Чеховым, 11 мая 1887 г.) на месте фразеологизма *как дохлая кошка* выступает его обличительный синоним – глагольный окказионализм *окошкодохлиться*. Обличающий эффект всего предложения усиливает трансформация и другого устойчивого словосочетания – *сиять всеми цветами радуги*, на месте которого выступает авторский перифраз-конвертив *краситься во все цвета радуги* с его открытой ярко-ироничной коннотацией.

В своем эпистолярии Чехов нередко цитирует иноязычные афоризмы и крылатые выражения, не раз прибегая при этом к их расподоблению (перифразированию). Так, в письме к А.Н.Плещееву от 23 февраля 1888 г. он пишет: “Правда ли, что Вы хвораете? *Quod licet bovi, non licet Jovi* ... Что к лицу нам, нытикам и дохленьким литераторам, то уж совсем не подобает Вам, обладателю широких плеч”. Латинская фраза, приводимая в письме и означающая “Что позволено быку, то позволено Юпитеру” – это перефразировка Чеховым канонической латинской поговорки *Quod licet Jovi, non licet bovi*, в результате чего та получила прямо противоположный смысл, приобретя не только сильный иронический заряд, но и важный сатирический оттенок – суровое осуждение “нытиков и дохленьких литераторов”, к которым писатель не пощадил открыто причислить и себя.

Еще один выразительный пример чеховского умения сатирического использования латинских фразеологизмов. В письме А.С.Суворину от 8 декабря 1892 г. Чехов пишет: “Вы кончили свое письмо с шиком: *“Morituri te salutant”*. Все мы *morituri*, потому что никто из

нас не может сказать про себя : *natures sum* ”, где обыгрывается возглас римских гладиаторов перед боем, когда они проходили мимо ложи императора: “Идущие на смерть приветствуют тебя !” Писатель преднамеренно сталкивает здесь латинские выражения *morituri* (“идущие на смерть”) и *naturus sum* (“мне предстоит родиться”). Данные латинские вкрапления в текст письма – вовсе не самоцель, а тонкая и очень едкая ирония, адресованная А.С.Суворину, письмо которого носило хотя и не открытый, но назидательно-поучающий характер, что не могло не задеть самолюбия А.П.Чехова и не вызвать его ответной, скрыто саркастической реакции.

Чехов как мастер слова и творец смеха, как писатель-человековед и в области использования фразеологии раскрывает перед читателями все новые и новые грани своего необыкновенно яркого творческого мастерства.

СЕМАНТИКА И КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С РЕЛИГИОЗНЫМ КОМПОНЕНТОМ

*Медведева Н.А.
Курган, Курганский государственный университет*

Исследование религиозной фразеологии славянских языков ведется довольно активно. Однако далеко не все аспекты этой части фразеологического фонда разработаны в одинаковой степени. Но интерес к религиозной фразеологии остается высоким не только у ученых, но и молодых исследователей, а также учащихся образовательных учреждений. Большинство научных работ направлено на сопоставительное изучение библеизмов в разных языках с целью опровергнуть устаревший постулат об идентичности религиозных фразеологических единиц в европейских языках. Существуют также исследования, описывающие процесс становления фразеологического значения этих фразеологизмов, изменение их семантики и формы, вопросы функционирования религиозных фразеологических единиц в художественном тексте. Но при этом подчас отмечается неразграничение лингвистических терминов, лежащих в основе ряда исследований. В ряду синонимов оказываются такие термины, как библеизм (С.Г. Шулержкова), библейский фразеологизм (А.П. Гашева), фразеологизм с религиозной (С.Н. Денисенко) и церков-

но- религиозной тематикой (Л.А. Гараева, Г.А. Лилич), библейское крылатое выражение (С.Г. Шулежкова, С.Л. Андреева, Т.Г. Никитина), идиома с религиозной тематикой (Л.Я. Костючук), эквивалент слова, генетически связанный с религиозными текстами (Р.П. Рогожникова), сакрально-библейский фразеологизм (В. Евсеев).

Не ставя своей задачей разграничение данных терминов, в качестве предмета исследования определяем фразеологизмы с религиозными компонентами, под которыми понимаем фразеологические единицы, имеющие в своем составе лексемы, отражающие религиозные представления, обряды и традиции (бог, душа, крест, дьявол, грех, гроб и др.).

Одним из основных аспектов исследования фразеологизмов с религиозным компонентом является выявление компонентного состава, что позволяет глубже рассмотреть семантические свойства исследуемых фразеологических единиц.

Предметные фразеологизмы с религиозным компонентом, которые обозначают предмет в широком значении этого слова, подразделяются на семантические группы.

Первую семантическую группу составляют фразеологические единицы со значением лица: *чертов сын; проклятый антихрист; раб божий*. Почти во всех фразеологизмах этой группы значение лица создается семантико-грамматическим способом вне или внутри фразеологизма. Грамматически главные компоненты многих единиц этой группы в свободном употреблении (в нефразеологических сочетаниях) являются нарицательными именами существительными и именами, как правило, со значением одушевленности: *Валаамова ослица; окаянный антихрист; Христова невеста*. Кроме того, грамматически главными компонентами фразеологизмов данной семантической группы являются имена собственные, хотя они и единичны: *праведный Авель; кающаяся Магдалина; чертов Иуда*. Таким образом, субкатегория лица создается за счет использования в составе фразеологических единиц в качестве грамматически главных компонентов одушевленных имен существительных.

Субкатегория множества лиц создается за счет использования в качестве главных компонентов имен существительных во множественном числе, что характерно для фразеологического употребления (в свободном же употреблении возможны обе формы числа, единственного и множественного): *чертовы дети; угодники божьи*; а также за счет использования в одном фразеологизме двух имен собствен-

ных (в единственном числе) с союзом *и*: *Адам и Ева; Каин и Авель*.

Вторую семантическую группу составляют фразеологизмы со значением конкретных предметов: *Ноев ковчег; божия светлица; гроб повапленный*; или их совокупности: *адовы врата; чертовы кости*. Грамматически главные компоненты всех единиц этой группы являются именами существительными, обозначающими предметы неживой природы и являющимися, как правило, неодушевленными.

Третья семантическая группа - ФЕ со значением пространства: *рай земной; ад крошечный; свет божий*. Эта немногочисленная группа интересна тем, что грамматически главными компонентами фразеологизмов являются существительные, обозначающие те или иные пространственные параметры, как правило, ирреальные. Встречаются и фразеологизмы со значением локальных параметров, то есть ограниченного пространства: *дьявольское место, чертовское гнездо*. В качестве главного компонента используется имя существительное среднего рода, единственного числа, что также характерно только для фразеологического употребления.

Четвертую семантическую группу составляют фразеологизмы, которые могут обозначать временные отрезки: *Аредовы веки; Мафусаиловы годы*. Значение фразеологизмов этой группы создается семантико-грамматическим способом за счет использования в качестве главных компонентов имен существительных во множественном числе со значением времени.

Фразеологизмы предметного значения могут обозначать отвлеченные понятия, свойства, признаки, состояния как предметы, могут быть именами действия. Они составляют многочисленную пятую семантическую группу: *святая святых; милость божия; вопиющий грех* и т.д. Главным компонентом этих фразеологизмов является отвлеченное имя существительное, которое называет действие или признак в отвлечении от производителя действия или носителя признака. Такие имена не образуют соотносительных форм числа и не сочетаются с количественными числителями: *милость, грех, душа, святая*.

В качестве определяющих компонентов предметных фразеологических единиц выступают имена прилагательные (качественные, относительные и притяжательные; полные и краткие формы; единственного и множественного числа): *нечистая сила; рай земной; Ноев ковчег; чертовы дети; Христова невеста; причастия (полные): кающаяся Магдалина*.

Рассмотрение компонентного состава фразеологизмов с религиозным компонентом показало, что общекатегориальное значение предмета у этих фразеологических единиц формируется за счет обязательного наличия в их составе грамматически главного компонента – имени существительного: собственного или нарицательного, одушевленного или неодушевленного. Значение фразеологизмов более частных семантических групп также зависит от наличия имен существительных соответствующей семантики. Например, фразеологизмы, обозначающие локальные параметры, имеют в своем составе компоненты *храм, дом, ковчег, врата* и др. (*божий храм; дом господень; Ноев ковчег; адовы врата*), обозначающие какие-либо помещения, пространственные объекты. Таким образом, семантика предметных фразеологизмов определяется значением грамматически главного компонента – имени существительного, обладающего общекатегориальным значением предмета (с различными семантическими оттенками).

Фразеологизмы, относящиеся к классу призначных, обозначают признак, свойство предмета, признак состояния лица и т.д. Одним из значений предметных фразеологических единиц с религиозным компонентом является обозначение материальной бедности человека, его неимущества:

беден, как Лазарь; беден, как Иов. Способность передавать этот признак определяется наличием в составе фразеологизмов краткой формы имени прилагательного “беден”, одним из значений которого является “неимущий”; имен собственных, обозначающих библейские персонажи определенной социальной принадлежности (Лазарь – имя нищего, Иов – человек, потерявший семью, имущество). Одним из дополнительных средств в образовании фразеологизмов со значением признака является союз “как”, имеющий изъяснительно - уточняющую семантику.

В классе процессуальных фразеологизмов с религиозным компонентом объединяются единицы, обозначающие любые действия, состояния, изменение состояния как процесс. Первую группу составляют фразеологизмы, обозначающие деятельность человека: *появиться на свет божий; вкушать от пищи святого Антония; отрясти от ног прах* и др. Грамматически главным компонентом таких фразеологических единиц является инфинитив, который называет процесс, но процесс, не отнесенный к какому-либо лицу: *выступать (выступать на свет божий); жить (жить, как в раю)*. Для того, чтобы обозначать процесс, не отнесенный к какому-либо лицу, глагол должен обладать

(и обладает) грамматической категорией непереходности, которая выражается в невозможности глагола иметь при себе прямое дополнение, то есть существительное (или другую часть речи в значении существительного) в форме винительного падежа без предлога.

Вторую семантическую группу процессуальных фразеологизмов составляют единицы со значением деятельности лица, направленной на другое лицо или предмет: *вгонять в гроб (кого-либо); выводить на свет божий (кого-либо); брать на душу (что-либо)*. Как видим, для того, чтобы войти в эту семантическую группу, фразеологизм должен иметь в качестве грамматически главного компонента переходный глагол, имеющий или способный иметь при себе прямое дополнение – имя существительное, местоимение и др. в форме винительного падежа.

Класс количественных фразеологизмов, которые передают значение количественности, немногочислен, но по характеру выражаемого значения фразеологические единицы можно разделить на две субкатегории: 1) фразеологические единицы, которые обозначают неопределенно большое или неопределенно малое количество чего-либо: *до черта*. Сюда же относятся фразеологизмы, приобретающие новое значение, например, *чертова дюжина* в значении “13” и “неопределенно большого количества (чего-либо)”. 2) фразеологические единицы, которые обозначают полное отсутствие какого-либо количества предметов или отсутствие какой-либо степени проявления процесса или признака, например, *ни лысого беса*.

Грамматически главными компонентами таких фразеологизмов являются имена существительные нарицательные: черт, бес, дюжина. Как видим, количественной семантикой обладает только одно из них. Такие же компоненты, как “бог”, “черт” и их синонимы приносят во фразеологизм значение неопределенного количества, например, *бог знает сколько; черт знает сколько*. В качестве зависимых слов могут выступать качественные прилагательные (лысый, чертов), которые вносят не только качественную характеристику во фразеологизм, но и определяют новое значение у фразеологизма. Так, именно компонент “чертова” дает фразеологизму способность обозначать конкретное количество – не 12, которое заложено в семантике существительного “дюжина”, а именно 13. Отрицательная частица “ни” усиливает отрицательное значение всего фразеологизма: *ни черта; ни лысого беса*.

Таким образом, семантика количественных фразеологизмов за-

висит от значения составляющих их компонентов – как главных, так и зависимых.

Класс качественно-обстоятельственных фразеологизмов делится на две субкатегории: качественные и обстоятельственные. Большая часть исследуемых фразеологизмов относится к субкатегории качества. Эта субкатегория образуется за счет того, что главными компонентами фразеологизмов являются предложные и беспредложные формы имен существительных: *без креста; душа в душу*; наречия: *как на духу; как на грех*. При этих компонентах могут быть определяющие слова (например, “божий”): *с помощью божьей*; управляемые формы имен существительных (в основном, в форме родительного падежа): *в костюме Адама; во имя Иисуса Христа; во славу Господа; сродни черту*; союз “как”: *как на исповеди; как у Христа за пазухой; как на божьей ладошке*; союз “ни...ни”: *ни душой, ни телом*.

Часть исследуемых нами фразеологизмов относится к субкатегории обстоятельств, к которым относятся: цель протекания того или иного процесса: *ради (самого) Господа (бога); ради святой Марии*; место действия: *к черту; ко всем чертям собачьим*; время действия: *по гроб жизни; до гробовой доски; до гроба* (все в значении “до смерти”).

Показательно то, что грамматически главными компонентами являются: имена существительные, в свободном употреблении обозначающие предметы неживой природы (гроб, могила и др.), во фразеобразовании получающие более отвлеченное значение, как правило, времени; предложно-падежные формы имен существительных (как собственных, так и нарицательных); особенно активны в образовании фразеологизмов этой субкатегории имена собственные бога и др. божественных лиц (Господь, Бог, Христос, Мария); *ради святой Марии; Христа ради; ради господа бога*; наречия, что наблюдается очень редко, например, *наобум Лазаря*.

Некоторые фразеологизмы имеют при себе определяющие слова, в качестве которых могут выступать качественные (святой и др.) – *ради святой девы Марии*) и притяжательные (собачий, чертов – *ко всем чертям собачьим; к чертовой матери*) прилагательные.

В качестве дополнительных компонентов таких фразеологических единиц активно выступают предлоги, которые привносят во фразеологизмы дополнительные оттенки значения, например, времени (предлоги “от”, “до”), места (предлог “к”), цели (предлог

“ради”).

Таким образом, значение качественно-обстоятельственных фразеологизмов мотивировано семантической природой составляющих компонентов (главных, определяющих слов, дополнительных средств).

Компонентный состав модальных фразеологизмов, выражающих различные субъективно-модальные значения, имеет свои особенности. Для них характерно наличие: глаголов в форме повелительного наклонения (синтетические и аналитические формы): побойся (*побойся бога*); убей (побей) (*убей меня бог*); разрази (*разрази господь*); пусть накажет (*пусть тебя бог накажет*) и др.; глаголов в форме условного наклонения: *хоть бы бог (господь) прибрал*; безличных глаголов, сочетаний инфинитивов и местоимений в безличном значении: *ничего (чего) греха таить*; *одному богу (господу, аллаху, черту) известно*; имен существительных с религиозной семантикой (бог, господь, грех, крест и др.): *как бог свят*; *и смех и грех*; *как на грех*; *вот те крест*; *черта ли кому в ком*; управляемых местоимений (“тебя”, “меня”), обозначающих объекты, на которые потенциально направлено действие.

Подобный компонентный состав имеют и междометные фразеологизмы, выражающие различные эмоции. Но фразеологические единицы, относящиеся к классу междометных, имеют важную семантическую особенность: они обладают диффузным значением, то есть способны выражать различные эмоции в зависимости от контекста. Таким образом, определяющим для семантики междометных фразеологизмов является не их компонентный состав, а описание в тексте сопровождающих их интонации, мимики и жестов.

Рассмотрение компонентного состава исследуемых фразеологизмов показало, что он во многом определяет их семантику. Особенно это касается грамматически главных компонентов, общекатегориальное значение которых переносится на весь фразеологизм. Исключение составляют междометные ФЕ, где определяющим фактором является описание мимики, жеста, интонации персонажей литературных произведений.

О ДИАЛЕКТИКЕ СООТНОШЕНИЯ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СИСТЕМЕ РЕЧИ

Мелерович А.М.

Кострома, Костромской государственный университет

В целом ряде исследований последовательно разграничиваются инвариантное значение слова как элемент системы языка и семантика в контексте, смысл. Отмечается, что значение соотносится со смыслом как потенция с ее реализацией (Выготский, 1956, 369-370), как внутренняя сторона предмета с ее внешним проявлением. Значение соотносится с действительностью только посредством смысла, возникающего в непосредственной связи с актуальной ситуацией (Финкельберг 1974; Комлев 1969; Домбровский 1973). Как показывает А. Н. Леонтьев, хотя значение и его речевая реализация интроспективно представляются слитными в сознании в одно семантическое целое, они все же имеют разную генетическую основу (А. Н. Леонтьев 1972).

Развивая это положение в применении к фразеологии, Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых приходят к заключению, что для носителей языка фразеологическое значение – часть общего смысла, “оно входит в смысловое поле ФЕ как необходимая, но не исчерпывающая его составная часть. Смысл ФЕ – не только форма конкретизации фразеологического значения; скорее смысл ФЕ конкретизируется во фразеологических значениях” (2000, 106). Таким образом, намечается определение диалектики соотношения значения и смысла, семантики и формы ее выражения в применении к ФЕ в системе речи.

В исследованиях последних лет отмечается необходимость разработки психолингвистической трактовки феномена референции с учетом специфики индивидуального знания и ведущих принципов его функционирования (Залевская 1992), рассматриваются пути развития значения слова как достояния индивида (Рогожников 1998). А. А. Залевская подчеркивает, что объяснительная сила психолингвистической теории слова в значительной мере определяется тем, насколько убедительно она сможет обосновать трактовку специфики значения слова как достояния индивида (2000, 133).

С психолингвистических позиций фразеологическое значение

может трактоваться как постоянная часть содержания ФЕ, общая для членов языкового коллектива, социально закрепленная категория языка, а смысл ФЕ – как категория личностная, характеризующаяся подвижностью и изменчивостью в соответствии с адресантом и адресатом речи, с контекстом функционирования ФЕ.

С дифференциацией значения и смысла ФЕ связано разграничение внутренней формы ФЕ в системе языка и речи. Смысловое преобразование ФЕ в контексте сопряжено с контекстуальным преобразованием их внутренней формы. Преобразование внутренней формы ФЕ может быть как имплицитным, так и эксплицитным. Имплицитным оно является в тех случаях, когда изменение семантики ФЕ в контексте не проявляется в структурно-семантических трансформациях ФЕ. См., например, в предложении “**Горючего полный бак и бидон. Слабое место – мотор. Изношенность. Порядочная изношенность**” (К. Федин. Необыкновенное лето). В данном контексте ФЕ **слабое место** получает конкретизированное осмысление: “изношенный мотор как существенный недостаток машины”. Внутренней формой ФЕ слабое место в данном употреблении служит ее узуальное значение в отношении к ее контекстуальному осмыслению.

Эксплицитным является преобразование внутренней формы ФЕ, сопряженное с ее структурно-семантическими трансформациями. Слова и сочетания слов, вводимые в состав ФЕ или замещающие компонент/ часть компонентов/ ФЕ, эксплицируют смысловые трансформации. Такие слова являются одновременно внутрифразовыми фразеологическими актуализаторами (Мелерович “О соотношении фразеологического контекста и фразеологического актуализатора” 2001) и эксплицитными носителями окказиональных элементов внутренней формы и актуального смыслового содержания ФЕ. Пример: “**Другое дело – способен ли Потапов со своей бригадирской колокольни составить себе представление о положении дел в масштабах треста?**” (А. Гельман. Протокол одного заседания). В данной фразеологической конфигурации слово **бригадирская**, введенное в состав ФЕ **смотреть со своей колокольни**, репрезентирует окказиональную денотативную сему, вошедшую в состав фразеологического значения и внутренней формы ФЕ. Словосочетание **составить себе объективное представление**, заменившее глагольный компонент ФЕ **судить** (о чем-либо), включает его в семантику, дополняя ее окказиональным оценочным смыслом, эксплицируемым словоформой **объективное**. Подобные слова (ср.: **бригадирская, объективное**) являются ок-

казиональными фразеологическими актуализаторами, вводимыми в состав ФЕ как особого микротекста. Они репрезентируют окказиональные семантические элементы, принадлежащие одновременно внутренней форме и актуализированному смысловому содержанию ФЕ.

Подобные окказиональные фразеологические актуализаторы изменяют смысловую структуры ФЕ в пределах тождества, порождая определенные семы на уровне внутренней формы и актуального смысла ФЕ. Модели структурно-семантических трансформаций также служат компонентами порождающих моделей по отношению к базирующемуся на них окказиональному смысловому содержанию. Порождающие фразеологические модели определяют иерархическую организацию смысловой структуры ФЕ: выбор слов, их группировку, структурной схемы и ее вариантов как разноаспектных компонентов окказиональной формы ФЕ, в своем единстве репрезентирующих окказиональное содержание ФЕ в контексте.

Могут быть дифференцированы употребления ФЕ, синхронно мотивированные фоном единичной ситуации и сочетающие синхроническую и диахроническую мотивацию. Примерами фоновой синхронной мотивации служат рассмотренные употребления ФЕ, где окказиональные семы эксплицируются посредством расширения компонентного состава или замены одного из компонентов словами, семантика которых в тексте приобретает двойную актуализацию, базирующуюся на эксплицируемом окказиональном элементе внутренней формы. Этот элемент одновременно входит во фразеологическое значение в качестве непосредственно эксплицированного окказионального элемента.

Сочетание синхронической и диахронической мотивации семантики ФЕ и ее окказиональных трансформов наблюдается при совмещении в смысловом содержании оборота элементов, привнесенных ситуативным фоном и генетически исходным образом. Пример: "...Здесь безнаказанно смеются над платьем **голых королей**. ..."

(Е. Евтушенко. О, нашей молодости споры!). В процитированном употреблении оборот **платье голых королей** включает семантику ФЕ **голый король**, сочетающуюся со смысловым содержанием, мотивированным ситуативным фоном и генетическим фоном, восходящим к образному строю и концептуальному смыслу сказки Андерсена.

Смысловая структура ФЕ в динамике, в контекстуальных трансформациях мотивируется в конечном счете спонтанным семантическим анализом, его психолингвистическим механизмом, опреде-

ляющим постоянные изменения состава и соотношения имплицитных и эксплицитных сем фразеологического значения и внутренней формы ФЕ на разных уровнях осознаваемости.

СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ ЦВЕТОВЫХ И СВЕТОВЫХ СЛОВ В КОНТЕКСТЕ ПАРЕМИЙ

Недельчо Е.В.

Кострома, Костромской государственной университет

Функционирование цветовой и световой лексики в пословицах и поговорках связано с актуализацией символических значений и оценочных коннотаций. Прямые цветовые значения слов, переносно-метафорические и символические значения взаимодействуют, нередко создавая диффузность и амбивалентность семантики цветономинаций.

Для целого ряда цветových символов в контексте пословиц и поговорок характерна амбивалентность семантики. Например, в паремиях **Зеленая крыша от жары укрывает**; **Бел лицом, да худ отцом** цветовые компоненты обладают положительной оценочной коннотацией, а в паремиях **Аж в глазах позеленело**; **Горе косицу белит** - отрицательной.

Амбивалентность оценки цветových символов в подавляющем большинстве объясняется лексической сочетаемостью и принадлежностью к части речи. Так, например, отрицательная коннотация компонентов со значением красного цвета связана с определением – характеристикой лица человека (**Рожа красная, хоть онучи суши**), что объясняется традиционным для русских паремий выражением внешней красоты (в том числе лица) наряду с компонентами со значением белого цвета через другую лексему, содержащую значение красного цвета, – “румяный”: Ср.: **Бела, румяна – ровно кровь с молоком**.

Отрицательной оценкой среди компонентов со значением синего цвета обладает глагол “посинел”, передающий физическое состояние человека, и существительное “синева” (в паремии **И чистый хрусталь не без синевы**) со значением недостатка, ущербности, в то время как прилагательное “синий”, сочетаясь с существительными, называющими одежду (*синий кафтан, армяк, однорядочка*), имеет положительный символический смысл `нарядный, богатый, доро-

гой`, указывая дополнительно и на сословную принадлежность (**Враг силен, валяет и в синем; Алый малый – синь кафтан; Не под стать синему кафтану голубой подбой**).

Прилагательное “черный” обладает положительной оценкой в паремии **Черный волос – звонкий голос** при указании на цвет волос молодого, энергичного человека в противоположность седым волосам, связанным со старостью или пережитыми несчастьями, а также в сочетании “черная земля” в паремиях, передающих гармонию окружающего мира (**Красное солнышко на белом свете черную землю греет; Белый снег на черную землю, и то к лицу, но ср.: Земелька черная, а хлебц белый родит**).

В контексте русских паремий наиболее широко представлены отношения противопоставления цветосветовых компонентов, которые выступают как контекстуальные антонимы на уровне символических значений. Традиционны противопоставления белого и черного (**Белое – венчальное, черное – печальное**), а также красного и черного цветов (**И в красне живут, и в черне живут**).

Компоненты со значением белого, красного и черного цветов в русских пословицах и поговорках являются не только наиболее употребительными, но и универсальными обозначениями положительного и отрицательного начал. Их противопоставление происходит как в какой-либо конкретной семе (например: *черный* – “грязный, испачканный“, а *белый* – “чистый, опрятный“), так и на уровне всей совокупности значений (**Рубашка беленькая, да душа черненькая**).

Кроме указанных выше оппозиций *черного* и *белого*, *черного* и *красного*, в русских пословицах и поговорках часты противопоставления цветовых и световых компонентов, не являющиеся традиционными, универсальными: *серый* – *красный* (**Серое утро – красный денек**); *серый* – *белый* (**Смерд, что куколь: сверху сер, а нутром бел**); *серый* – *седой* (**Ты сер, а я сед**); *серый* – *синий* (**У меня хоть кафтан сер, да я за пазухой смел; а у тебя хоть кафтан синь, люди говорят: его скинь**), *зеленый* – *седой* (**Зеленый седому не указ**), *голубой*- *черный* (**Глаза – бирюза, а душа – сажа**) и др. Так, в пословице **Глаза – бирюза, а душа – сажа** противопоставлены голубой цвет глаз как элемент внешней положительной характеристики и имплицитно представленный через дефиницию (“сажа”) черный цвет как отрицательная оценка внутренних качеств человека. *Зеленый* и *седой* противопоставлены друг другу в целом ряде паремий как возрастные характеристики.

Наряду с рассмотренными выше противопоставлениями цвето-

вых и световых слов в составе паремий отмечаются и соположения. Контекстуальная (в том числе межконтекстуальная) синонимия исследуемых компонентов представлена в меньшей степени: *красный* – *цветной* (**Печаль не красит, горе не цветит**); *белый* – *красный* (**Бей сороку и ворону, добьешься и до белого лебедя (красного зверя)**); *белый* – *румяный* (**Бела, румяна – ровно кровь с молоком**), *черный* – *карий* (**Бойся черного да карего глаза**) *красный* – *рыжий* (**Рыжий да красный – человек опасный**), *красный* – *румяный* (**Не будь красна и румяна, а чтобы по двору прошла да кур сочла**) и др. Отношения цветосветовых слов в каждой паре различны. Так, прилагательные *черный* – *карий* по цвету не соотносятся, их соположение возникает вследствие общности их метонимического значения – отрицательной характеристики внутренних качеств кого-либо, связанной с внешностью: **Черный глаз, карий глаз – минуй нас!; Бойся черного, да карего глаза.**

Цветономинации *красный* – *рыжий* – *румяный* по цвету соотносимы, являются членами одной лексико-тематической группы слов со значением красного цвета. Прилагательные *красный* – *рыжий*, указывая соответственно на цвет лица и волос, обладают отрицательной коннотацией (**Рыжий да красный – человек опасный**), а компоненты *красный* – *румяный* отмечены положительной оценкой (**Не будь красна и румяна, а чтобы по двору прошла да кур сочла**), однако если прилагательное “румяна” имеет узкое значение, связанное только с характеристикой внешности – лица человека, то значение компонента “красна” гораздо шире – он имеет общий положительный смысл.

Часто цветковые слова наделены общим положительным или отрицательным смыслом в широком понимании, поэтому в контексте паремий преобладают противопоставления или сопоставления цветковых компонентов в обобщенном значении и нецветковых – в конкретном: **Красна ягодка, да на вкус горька; Палата бела, да дверьми утла (*худая слава* – прим. В.И. Даля); **И серо, да носко; Пуст карман, да синь кафтан; Сверху ясно, снизу грязно.****

Существует ряд паремий, в которых представлены отношения соположения цветковых и нецветковых компонентов: **Человек алеет, пока молодеет; И личиком бела, и с очей весела; Рысь пестра сверху, а человек лукав изнутри.** Данные компоненты паремий соотносятся между собой как общая характеристика – и внешнего вида, и внутренних качеств, – выраженная цветономинациями, и частные, конк-

ретные признаки общей коннотации.

Таким образом, в контексте пословиц и поговорок цветовые и световые слова приобретают широкую валентность и обладают многосторонними системными связями.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ, ОФОРМЛЯЮЩИХ РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ИМЕНИ

Поперина И.М.
Златоуст, Челябинский государственный
педагогический университет

Как известно, форма и значение фразеологизма находятся в тесной связи. Формой фразеологизма является синтаксическая конструкция, по которой образуется фразеологическая единица.

Фразеологические предлоги, оформляющие родительный падеж имени, являются морфологически неизменяемыми единицами и чаще всего представляют объединение знаменательного слова со служебным и имеют синтаксическую модель – аналоги сочетаний; реже организуются по типу подчинительной синтаксической связи и имеют модель – аналоги словосочетания.

Фразеологические предлоги, образованные по модели аналогов сочетаний, в большинстве своем являются сочетанием существительного и препозитивного лексического предлога. Этот синтаксический тип представлен следующими частными моделями.

1) Лексический предлог + существительное в форме родительного падежа

без + сущ. в род. п.: *без доли* (чего), *без помощи* (кого, чего), *без сопровождения* (кого, чего) и др.; **из** + сущ. в род. п.: *из зоны* (чего), *из области* (чего), *из пределов* (чего) и др.; **от** + сущ. в род. п.: *от имени* (кого, чего), *от лица* (кого, чего), *от рук* (кого, чего) и др.; **с(со)** + сущ. в род. п.: *с момента* (чего), *со времени* (кого, чего) и др.

2) Лексический предлог + существительное в форме дательного падежа

к + сущ. в дат.п.: *к довершению* (чего), *к исходу* (чего), *к моменту* (чего) и др.;

по + сущ. в дат.п.: *по вине* (кого, чего), *по воле* (кого, чего), *по вопросам* (чего), *по долгу* (кого, чего) и др..

3) Лексический предлог + существительное в форме винительного падежа

в + сущ. в вин. п.: *в адрес* (кого, чего), *в вопрос* (чего), *в глубь* (чего), *в годы* (чего), *в дни* (чего), *в канун* (чего) и др.; **за** + сущ. в вин. п.: *за время* (чего), *за дело* (чего) и др.; **на** + сущ. в вин. п.: *на благо* (кого, чего), *на время* (чего) и др.; **через** + сущ. в вин. п.: *через посредство* (кого, чего).

4) Лексический предлог + существительное в форме творительного падежа

за + сущ. в твор. п.: *за исключением* (кого, чего), *за неимением* (чего), *за пределами* (чего), *за рамками* (чего) и др.; **перед** + сущ. в твор. п.: *перед глазами* (кого, чего), *перед лицом* (кого, чего) и др.; **под** + сущ. в твор. п.: *под крылом* (кого, чего), *под эгидой* (чего), *под флагом* (чего) и др.

5) Лексический предлог + существительное в форме предложного падежа

в + сущ. в предл. п.: *в атмосфере* (чего), *в зоне* (чего), *в качестве* (кого, чего), *в кругу* (кого, чего) и др.; **на** + сущ. в предл. п.: *на базе* (чего), *на грани* (чего), *на закате* (чего), *на исходе* (чего) и др.; **при** + сущ. в предл. п.: *при условии* (чего), *при участии* (кого, чего), *при посредстве* (кого, чего) и др.

Вторая модель - сочетание существительного и двух лексических предлогов, один из которых находится в препозиции, другой – в постпозиции относительно знаменательного компонента:

без + сущ. в род. п. + **для**: *без ущерба для* (кого, чего); **в** + сущ. в вин. п. + **от**: *в сторону от* (кого, чего); **в** + сущ. в предл. п. + **от**: *в зависимости от* (кого, чего), *в отвлечении от* (кого, чего), *в отдалении от* (кого, чего) и др.; **вне** + сущ. в род. п. + **от**: *вне зависимости от* (кого, чего); **под** + сущ. в твор. п. + **от**: *под впечатлением от* (кого, чего); **по** + сущ. в дат. п. + **от**: *по направлению от* (кого, чего).

Третья модель - сочетание наречия и постпозитивного лексического предлога:

наречие + **от**: *близко от* (кого, чего), *вблизи от* (кого, чего), *влево от* (кого, чего), *вплоть до* (кого, чего), *вправо от* (кого, чего), *впредь до* (чего), *далеко от* (кого, чего), *независимо от* (кого, чего) и др.; наречие + **до**: *зadolго до* (чего), *незadolго до* (чего).

Четвертая модель - сочетание деепричастия и постпозитивного лексического предлога:

деепр. + **до**: *доходя до* (кого, чего); деепр. + **из**: *исходя из* (чего);

деепр. + **от**: *начиная от* (кого, чего); деепр. + **с**: *начиная с* (кого, чего), *считая с* (кого, чего).

Пятая модель - сочетание деепричастия и частицы **не**, занимающей препозитивное положение:

не + деепр.: *не считая* (кого, чего); **не** + деепричастие + **до**: *не доходя до* (кого, чего).

Шестая модель - сочетание деепричастия и двух лексических предлогов: деепр. + лексический предлог + лексический предлог: *начиная от....до* (кого, чего), *начиная сдо* (кого, чего).

Седьмая модель - сочетание деепричастия с лексическим предлогом и наречия с лексическим предлогом: деепр. + лексический предлог + нареч. + лексический предлог: *начиная с ... вплоть до* (кого, чего), *начиная от ... вплоть до* (кого, чего).

Восьмая модель - сочетание сущ. в форме твор. п. и лекс. предлога в препозиции: *силою до* (чего);

Девятая модель представлена сочетанием сущ. в форме твор. п. и двух препозитивных лексических предлогов: *силою от ... до* (чего);

Десятая модель - сочетание прилагательного в краткой форме и лексического постпозитивного предлога - прилаг. в кр.ф. + **до**: *касательно до* (кого, чего), *относительно до* (чего);

По модели аналогов словосочетания образованы фразеологические предлоги следующих конструкций:

1) сочетание существительного с лексическим предлогом и согласуемым компонентом:

с + прилаг. + сущ. в форме род. п.: *с легкой руки* (кого, чего); **по** + прилаг. + сущ. в форме дат. п.: *по доброй воле* (кого, чего), *по горячим следам* (кого, чего), *по свежим следам* (кого, чего); **по** + мест. + сущ. в форме дат. п.: *по всей строгости* (чего), *по всем правилам* (чего);

2) сочетание лексического предлога и двух существительных в форме родительного падежа: **с** + сущ. в род.падеже + сущ. в род.падеже: *с точки зрения* (кого, чего).

Таким образом, исследуемые фразеологические предлоги по формальной организации представляют систему и строятся по 12 структурным моделям.

СПЕЦИФИКА ЗНАЧЕНИЯ ПРИЧАСТНЫХ И ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Радченко Е.В.
Челябинск, Челябинский государственный
педагогический университет

Объектом нашего исследования являются причастные и деепричастные формы процессуальных фразеологизмов. Нами было проанализировано 1269 единиц в 5300 употреблениях. Причастные и деепричастные формы обладают особой семантикой по сравнению с личными формами процессуальных фразеологизмов: причастные формы обозначают действенный признак имени, тяготеющий к статичности, деепричастные формы имеют значение характеристики действия, действенного образа и тоже тяготеют к классу единиц со значением признака действия – к качественно-обстоятельному классу фразеологизмов.

Все исследуемые нами фразеологизмы в качестве грамматически главного имеют глагольный компонент в причастной или деепричастной форме. Как показал наш материал, причастные и деепричастные формы глаголов, став компонентами процессуальных фразеологизмов, утрачивают свое субкатегориальное, групповое и лексическое значение, оставляя самую абстрактную сему, выражающую идею процесса.

Формы **бьющий, бия, ломающий, ломая, режущий, хватающий, хватая** оказались самыми активными во фразеобразовании процессуальных фразеологизмов нашего материала. Вне фразеологизма они выражают действенный признак или действенный образ со значением конкретного, активного физического действия, направленного на какой-либо объект с целью его изменения.

Становясь компонентами процессуальных фразеологизмов, названные формы утрачивают субкатегориальное значение физического действия, групповое значение воздействия на объект, ядерные семы своего лексического значения и сохраняют самую абстрактную сему активного действия.

Так, фразеологизмы **бьющий в колокол (чего), бьющий тревогу (относительно чего)** ‘обращающийся к окружающим с какой-либо проблемой с целью привлечь к ней внимание’ выражают действенный признак со значением целенаправленной социальной деятельности; **бивший баклуши** ‘бездельничавший’, **ломающий дурака** ‘паяс-

начающий, притворяющийся' имеют значение социальной деятельности, отрицательно оцениваемого поступка человека; *хватаящий за душу (кого)* 'волнующий кого-либо', *режущий душу (кому)* 'мучающий кого-либо' – значение приведения лица в какое-либо психическое состояние. В приведенных фразеологизмах глагольный компонент от своего индивидуального значения сохраняет периферийную, самую абстрактную сему активного действия, а ядерную сему физического воздействия на объект утрачивает. Первичный образ физического действия заменяется другим, более сложным образом. Чаще всего это зрительный, эмоционально-оценочный образ – *хватаящий за душу (кого), режущий душу (кому), ломающий дурака* - или акустический – *бьющий в колокол (чего)*.

Таким образом, глагольный компонент играет роль структурного, грамматического центра фразеологизма. Семантическим же центром единицы является именной компонент, выражающий основное содержание всего фразеологизма. В качестве именного компонента в процессуальных фразеологизмах нашего материала выступает, как правило, имя существительное. Абстрактные имена существительные не утрачивают связи со своей семантической группой, внося групповые и индивидуальные семы в значение фразеологизма.

Так, имя существительное **край** вносит во фразеологизм **бивший через край** групповое значение пространства и ядерные семы своего лексического значения: **край** – 'предельная линия, отграничивающая поверхность или протяжение чего-либо'. Имя существительное **цель** относится к группе имен, обозначающих отвлеченное понятие. Во фразеологизм оно вносит субкатегориальную сему отвлеченности и ядерную сему своего лексического значения - 'то, к чему стремятся, чего хотят достичь'. Фразеологизм **бивший мимо цели** 'не достигший требуемого, желаемого результата' обозначает социальную нерезультативную деятельность.

Фразеологизм **бьющий тревогу** 'привлекающий всеобщее внимание к какой-либо проблеме, предупреждающий о приближающейся угрозе, опасности' в качестве именного компонента имеет имя существительное, обозначающее отвлеченное понятие. Именной компонент **тревога** вносит во фразеологизм субкатегориальную сему отвлеченности, групповую сему отвлеченного понятия и ядерную сему своего значения 'оповещение о приближающейся угрозе, опасности...'. Приведенный фразеологизм обозначает целенаправленную

социальную деятельность.

Конкретные имена существительные проходят больше этапов преобразования своей семантики. Они утрачивают субкатегориальное, групповое значения, во фразеологизме реализуют потенциальные семы своих значений, которые являются наиболее отвлеченными. Так, соматизм **очи** во фразеологизме **бьющий в очи** 'выделяющийся, особенно заметный для окружающих' не обозначает конкретную часть тела человека, реализует потенциальные семы своего значения - 'наблюдательность человека, то, с помощью чего он может что-либо заметить, выделить'.

Другой соматизм **грудь** во фразеологизме **бия себя в грудь** тоже реализует потенциальную сему своего значения 'стремление человека выделиться, утвердить свое я'. Возвратное местоимение **себя** вносит во фразеологизм сему обращенности действия на субъект, усиливая значение всего фразеологизма: **бия себя в грудь** - 'делая что-либо напоказ, рисуясь'.

Остальные конкретные имена существительные проходят те же этапы преобразования своей семантики.

Таким образом, как показывает наш материал, лексемы, став компонентами фразеологизма, качественно преобразуют свою семантику: актуализируя отдельные семы своего значения и взаимодействуя друг с другом, они формируют новую единицу, с новым значением. Вышеописанный механизм образования процессуальных фразеологизмов еще раз доказывает, что процессуальные фразеологизмы только соотносительны с глаголами, но не тождественны им. Будучи сверхсловными, процессуальные фразеологизмы всегда обладают более сложным, отвлеченным значением по сравнению с глагольной лексемой.

Судя по нашему материалу, роль глагольного компонента выполняют, главным образом, глаголы, вне фразеологизма обозначающие конкретную физическую деятельность - 64% ФЕ. Ученые свердловской школы считают такие глаголы исконно первичными, поскольку, с точки зрения философского (материалистического) осознания бытия, в основе всей деятельности человека лежит его физиологическое бытие и конкретно-физическое действие, состояние и отношение. Семантика фразеологизмов, напротив, отличается сложностью, отвлеченностью. Все единицы нашей картотеки обозначают деятельность, состояния, отношения, относящиеся к идеально-духовной сфере жизни человека в обществе и природе.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ТИТУЛОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ратушная Е.Р.

Курган, Курганский государственный университет

Титулование - это словесная формула, которой называют человека соответственно его титулу. Под титулом понимается почетное владетельное или родовое название, а также наименование человека (обычно высокое, почетное) по роду занятий, общественному положению или названию какой-либо должности, чина (Словарь русского языка в 4-х т., т. 4, с.368).

Титулы в России имеют давнюю историю, которая подробно излагается в монографии Е.П. Карновича “Родовые прозвания и титулы в России”. На Руси существовали титулы великих князей, различные царские титулования. Московских государей именовали царским или пресветлейшим величеством, царем всея Руси, великим государем. Иногда русские цари довольствовались титулами *благородие, милость*.

Ныне действующие у нас законы признают три дворянских титула: князя, графа и барона. В дополнение к ним существуют в русском языке синонимичные им титулования *светлость* и *сиятельство*.

В русском языке выделяется группа фразеологизмов, называющих лицо соответственно его титулу. Официальные титулования являются почетными владетельными или родовыми званиями. Характерным свойством таких единиц является наличие в их составе местоименного компонента - бывшего притяжательного местоимения *ваше, его, ее, их*. Второй компонент указывает на титул человека: *ваше (его, ее, их) сиятельство, ваша (его, ее, их) светлость* и другие.

Фразеологизмы могут являться наименованиями лиц, стоящих на высшей ступени общественной иерархии - монархов и их жен: *ваше величество, его величество, ее величество, коронованная особа, высочайшая особа, божий помазанник* (устар., высок.) - “монарх, государь”, *первая дама государства* - “императрица”. К ним относятся также официальные титулования членов царствующего дома, принцев и герцогов: *его высочество, ее высочество, ваше высочество, их высочество*. Фразеологизмы могут служить титулованиями младших членов императорской фамилии и светлейших князей: *ваша светлость, его светлость, ее светлость, их светлость*; титулованиями князей,

графов и их жен в царской России: *ваше сиятельство, его сиятельство, ее сиятельство, их сиятельство*. Например:

На его (графа. - Е.Р.) замечание Урбенин ответил, что для надзора за садом нужно иметь человек десять работников, а так как *его сиятельство* не изволит жить у себя в имении, то затраты на сад явдятся роскошью ненужной... (А.Чехов. Драма на охоте). (Домна Пантелеевна): Дома нет, *ваше сиятельство*, уж извините! В гостиный двор пошла. (А.Островский. Таланты и поклонники). - Съездите, *ваше сиятельство!* Уважьте, батюшка! Сделайте такую милость! (А.Чехов. Раз в год). - Ты куда? - спросил Борис. - К *его величеству* с поручением. - Вот он! - сказал Борис, которому послышалось, что Ростову нужно было *его высочество*... И он указал ему на великого князя. (Л. Толстой. Война и мир).

Фразеологизмы могут являться титулованиями лиц, имевших чин генерал-майора, генерал-лейтенанта, а также соответствующих им гражданских чинов и их жен: *ваше превосходительство, его превосходительство, ваше высокопревосходительство, его высокопревосходительство* и другие. В дореволюционной России также широко использовались титулования *ваше благородие, его благородие, ваше высокоблагородие, его высокоблагородие*, которые присваивались офицерам и чиновникам с 14 по 9 класс, согласно существовавшей тогда табели о рангах. Например:

-Любезнейший, добрейший дядюшка и, вместе с тем, *ваше превосходительство!*.. Вы действительный статский советник, вы - директор канцелярии! (А. Гончаров. Обыкновенная история).(Глумов): Если уж хотите вознаградить меня, так осчастливьте, *ваше превосходительство!* (А.Островский. На всякого мудреца довольно простоты).Ведь у *его превосходительства* дамы бывают, портреты рассматривают, а я не желаю себя перед дамами компрометировать. (А.Чехов. Протекция). - Я от графа, *ваше благородие*. Граф изволили вам кланяться и просили вас немедля к себе-с... (А.Чехов. Драма на охоте). - А как же? - удивился и обиделся солдат. - Вместях все едем... Одна компания. Значит, у *их благородия* супруга на манер милосердной сестры, и вот они в том же роде... (М.-Сибиряк. Черны из жизни Пепко).(Градобоев): Сидоренко, бумаги с тобой, постановление писать? (Сидоренко): Со мной, *ваше высокоблагородие*. (А.Островский. Горячее сердце).

Наряду с перечисленными выше светскими титулованиями, в русском языке существуют религиозные титулования: *ваше (его, их) (высоко)превосходительство* – титулование епископа, *ваше (его, их) пре-*

подобие - титулование священника.

Фразеологизмы-титулования в тексте функционируют, как правило, в форме единственного числа, так как в синтаксической структуре данных единиц содержится субстантивный компонент с абстрактной семантикой, которая препятствует образованию формы множественного числа. Лишь в единичных случаях исследуемые фразеологизмы функционируют в форме множественного числа, например:

Постоял, подумал: “Хорошо бы нажалиться на Тимошку-дерзца, начальство, кажись, доброе”. – Вот еще, *ваши благородия*, есть тут портной Тимошка – пропащий человек, дерзец. (Замятин. Уездное).

Фразеологизмы-титулования представляют собой весьма своеобразную в структурно-семантическом плане группу. Субстантивные компоненты, входящие в состав исследуемых единиц, как правило, самостоятельно не функционируют, являются семантически неполнозначными и для своей реализации требуют обязательного присутствия определяемого компонента-местоимения. Последнее вносит в семантическую структуру фразеологизма сему, указывающую на лицо, к которому обращена речь. Эта сема согласуется с семой “признак лица”, актуализируемой из лексического значения субстантивного компонента.

Таким образом, фразеологизмы-титулования представляют собой очень своеобразную в структурно-семантическом отношении группу, которая до настоящего времени является практически неизученной.

АНТРОПОНИМЫ И ТОПОНИМЫ КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Решетнёва У.Н.
Омск, Омский государственный университет

Одним из важных аспектов исследования языка любого этноса является ономастика, объект которой, имя собственное, может стать предметом изучения разных дисциплин: общественных и естественных - языкознания, литературоведения, фольклористики, истории, географии, астрономии и т.д.

Ономастическая лексика быстро реагирует на общественно-политические, социальные и культурные преобразования, что позволяет глубже понять особенности жизни народа в разные исторические периоды.

Китайский язык как один из самых древних языков мира обладает огромным потенциалом для фразеологии и ономастики. Как и фразеология, ономастика “связана с различными обрядами, которые подчас таят черты, раскрывающие много ранее неведомого о былом быте, строе и верованиях народов” (1, с.6). И идиомы, и онимы отражают специфику национальной ментальности, содержат национально-культурный компонент.

Китайская ономастика как часть общей науки включает в себя следующие разделы: антропонимику, топонимику, космонимику, зоонимику и т.д. Круг актуальных проблем, затрагивающих специфику функционирования имени собственного в китайском языке, весьма обширен, но степень их изученности недостаточна.

Обращение к онимам, функционирующим во фразеологизмах, представляется вполне закономерным, поскольку и те, и другие являются наиболее социально значимыми кодами этнокультурной информации.

Из всего многообразия имен собственных, представленных в китайских фразеологизмах, обращает на себя внимание наличие собственно китайских топонимов.

Ментальные константы китайской культуры прежде всего находят свое отражение в топониме ойкумены китайского этноса – Поднебесная: *pǔ tiān tóng qìng* - все жители Поднебесной празднуют, всеобщее ликование; *tān xià dà zhì* - ?олный порядок в Поднебесной, в стране царит мир и спокойствие; *tiān yá hǎi jiǎo* - уголки Поднебесной, самые удаленные уголки мира (*Здесь и далее примеры китайских фразеологизмов цитируются по словарю, указанному в примечаниях под номером 2*).

Значительное влияние на формирование духовной культуры, психического склада и национальных традиций китайского народа оказали различные культы, где культ гор всегда занимал важное место. Горы понимались как обитель духов и отшельников: *bī shàng líáng shān* - вынужден уйти в горы Ляншань, принужден стать на путь сопротивления; *lú shān zhēn miàn mù* - подлинный облик гор Луншань, настоящее положение дела.

Особое значение предавалось культу горы Тайшань, “к вершине которой императоры совершали своеобразное паломничество, связываемое традиционным сознанием с утверждением у власти новой династии” (3, с.124): *an rú tài shān* - прочный, как гора Тайшань, незыблемый как горный хребет; *tài shān yā luǎn* - как гора

Тайшань обрушивается на куриное яйцо, большое неравенство сил; yī yuē zhàng mù, bù jiàn tài shān - за листочком перед глазами не видать горы Тайшань, за малым не видеть большого.

Многие китайские фразеологизмы появились еще до нашей эры, поэтому в них фиксируются названия древних царств, на территории которых происходили описываемые военные действия: dé long wàng shu - только что овладели землями Лунчуани и уже зарятся на земли Шу, неуёмная алчность; jia tú miè guó - пропустите нас, и мы уничтожим Го, вероломный план; wéi wèi jiù zhào - наступая на Вэй, спасти Чжао.

Во многих случаях для адекватного понимания культурных реалий, отраженных в идиомах, требуется комментарий переводчика. В последнем примере дается ссылка на реальное событие, свершившееся в 353 году до нашей эры, и на план знаменитых полководцев, сумевших спасти свое княжество.

Во фразеологизмах русского языка топонимика, как правило, тесно связана с греческой мифологией: провалиться мне в тартарары, геркулесовы столбы, между Сциллой и Харибдой и т.д. *(Здесь и далее примеры русских фразеологизмов цитируются по словарям, указанным в примечаниях под номерами 4, 5).*

В антропонимах отражается разное отношение к верховным божествам. Русские идиомы фиксируют культ Бога: Бог в помощь, Бог даст, Бог миловал, Бог простит, видит Бог, китайские - культ Неба: tian cóng rén yuàn - небо сообразовалось с желанием человека, Небо покровительствует; tian jǐng dì yì - вечный и неизменный закон Неба и Земли, непреложная истина; tian nù rén yuàn - заслужить гнев Неба и недовольство людей, вызвать всеобщее возмущение. В этих выражениях находит свое отражение культ Неба, возникший в Китае еще в период династии Чжоу. Культ Неба в Китае никогда не был культом Бога. “Небо воспринималось в качестве великой абстрактной силы и не имело персонифицированного облика” (6, с.57).

Помимо топонимики, антропонимика китайских фразеологизмов также представлена, как правило, именами собственными китайского этноса: bān mén nòng fu - перед Лу Банем продемонстрировать свое умение орудовать топором, перед мастером хвастать своим искусством; jì sūn zhī yōu - Беда для Цзи Суня, внутренние смуты; jié quǎn fēi yáo - собака тирана Цзе лает на доброго правителя Яо, быть верным приспешником.

Антропонимы в русских идиомах в большинстве состоят из

собственно русских и греческих имен: брат Кондрат, царь Горох, стольпинский галстук, демьянова уха, авгиевы конюшни, муки Танталя, колесо фортуны, стрела Амура, ящик Пандоры, эзопов язык.

Онимы имеют тесную взаимосвязь с фольклором. Антропонимы и топонимы, наиболее часто встречающиеся в пословицах, поговорках, загадках, сказках, несут в себе отражение ментальных констант любого этноса, в том числе и китайского.

Создание фразеологизмов и онимов – это вечно живой языковой процесс, фиксирующий все изменения, которые происходят в этнических культурах. Ономастический материал – это социально значимый культурный код любого языка. Расшифровка этих кодов задача будущих исследований.

Литература

1. Никонов В.А. *Имя и общество*. – М., Главная редакция восточной литературы издательства “Наука”, 1974. – 287 с.
2. *Han e chengyu cidian* (Китайско-русский словарь идиоматических выражений), Шэньси, 1998.
3. Ткаченко Г.А. *Культура Китая: Словарь-справочник*. – М.: ИД “Муравей”, 1999. – 384 с.
4. *Фразеологический словарь русского языка. Под редакцией А.И. Молоткова. Издание второе*. – М.: “Советская энциклопедия”, 1968.
5. *Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т./Сост. А.И. Федоров*. – М.: Цитадель, 1997. – 391 с.
6. Васильев Л.С. *Культы, религии, традиции в Китае*. 2-е изд. – М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 2001. – 488 с.

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОГО СЛОВА В БОЛЬШИНСТВЕ

Сергеева Г.Н.

Владивосток, Дальневосточный государственный университет

На кафедре современного русского языка Дальневосточного государственного университета готовится к печати второй выпуск “Словаря служебных слов русского языка” под ред. д.ф.н. Е.А. Стантискую группу полифункциональных слов с количественно-ограничительным значением, наряду со словами *во многом, в массе, в среднем, без малого*.

Значение. Семантика в *большинстве* представлена двумя оттен-

ками значения: ‘большей частью’; ‘преимущественно, в основном’, объединёнными количественной семантикой, идущей от значения исходного существительного *большинство*: ‘большая часть кого-чего-н.’. Однако лексическое значение *в большинстве* содержит не только количественный компонент (‘большей частью’), но и сравнительно-выделительный, что связано с наличием у слова семы релятивности, противопоставления: ‘большей частью’ означает, что есть и другая часть – меньшая; ‘главным образом’ предполагает существование чего-то менее значимого. Это противопоставление, заложенное в самой семантике слова, даёт возможность для реализации в контексте противительных отношений: *Да, в большинстве это люди – обычные пенсионеры, но свою пенсию они получают не только от государства <...> (газ.)*. Коррелятивные средства способствуют формированию градационных отношений: *Силой обстоятельств он мог сделать это лишь среди чужих людей, в большинстве настроенных враждебно, в лучшем случае равнодушно, – среди тех, кого сам назвал праздничноболтающимися (В. Орлов)*.

Синонимы: преимущественно, по преимуществу, большей частью, по большей части, главным образом, в основном, (всё) больше.
Синтаксис

Сочетаемость

Синтез качественно-характеризующего и выделительного значений сближает *в большинстве* с гибридными типами, которые совмещают признаки наречий и частиц.

При сочетаемости с глаголами и прилагательными количественное значение *в большинстве* характеризуется отчётливостью только в определённых позициях:

1) в препозиции к глаголу-сказуемому: *С прогнозами этими прямо беда подступала: составленные на конец 70-х – начало 80-х годов, они, уже в начале 70-х стало видно, в большинстве не сбудутся (газ.)*;

2) в интерпозиции между определяемым и определением или в препозиции к именной группе: *Решение судьбы Мельчука – это одновременно и решение судьбы этих в большинстве молодых людей (Письмо И.А. Большакова акад. А.П. Александрову)*.

Вынесенное в инициальную позицию, *в большинстве* теряет адвербиальное значение, приближаясь к служебному слову: *Лекарства есть, но в большинстве они дороги (газ.)*. То же при дистантном положении по отношению к акцентуемому компоненту: *Доктору, видимо, было нечего делать. В доме отдыха в большинстве жили здо-*

ровые люди, не нуждающиеся в его помощи (П. Нилин).

Функции

В конструкции

Принимает участие в организации конструкций: 1) пояснительных; 2) с вторичной союзной связью. 1) *Экспонаты, в большинстве фотографии, <...> уже передали Гос. музею Литвы (газ.);* 2) *Американец был белый, длинный, скучный. Он привёз туристов, в большинстве пожилых (К. Паустовский).*

В предложении / высказывании

• Акцентирующая функция: 1) в именных предложениях структурной схемы N1–N1 в интерпозиции между подлежащим и сказуемым: *Среди приславших анкеты мужчины составляют две трети, одну треть – женщины, 48 процентов служащих и ИТР <...>. Как мы и ожидали, это в большинстве люди с высшим и средним образованием <...> (газ.);* 2) в составе обособленных полупредикативных оборотов: *Выносливость этих людей, в большинстве крестьян-аджарцев, была неслыханна (К. Паустовский).*

• Употребление в позиции вставки: *Там ведь судили не только убийцу Ивана Ивановича <...>, судили – в большинстве! – тех, кто решительно был чужд и нечаевскому “катехизису”, и нечавской вседозволенности <...> (журн.).*

В тексте

Занимая инициальную позицию, вводит абзац или высказывание и выполняет связующую функцию: *Поток уезжающих сдерживали мостки с перилами, натянутые через залы, на каменных полах которых лежали люди в серых шинелях. / В большинстве это были люди, перенёсшие тиф (Б. Пастернак).*

Фразеологизм: В большинстве случаев; в большинстве своём; в подавляющем большинстве; в абсолютном большинстве.

Стилистические возможности. Употребляется в основном в публицистическом стиле, главным образом в языке газеты, и в художественной литературе – в произведениях М. Шолохова, К. Паустовского, А. Фадеева, Д. Гранина, П. Нилина и других. Для научного стиля нехарактерно.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ИМЕННЫМ КОМПОНЕНТОМ ОТНОШЕНИЕ

Соколова А.А.

Курган, Курганский государственный университет

Процессуальные фразеологизмы с именным компонентом *отношение* являются ядром субкатегории отношения. В нашей картотеке насчитывается 16 таких фразеологизмов в 155 употреблениях: *вступать/ вступить в отношения с кем-л.*, *входить/ войти в отношения с кем-л.*, *выяснять/ выяснить отношения с кем-л.*, *выстраивать/ выстроить отношения с кем-л.*, *завязать/ завязывать отношения с кем-л.*, *иметь отношение к кому-чему-л.*, *иметь отношения с кем-л.*, *наладить/ налаживать отношения с кем-л.*, *оформлять/ оформить отношения с кем-л.*, *поддерживать/ поддержать отношения с кем-л.*, *прекращать/ прекратить отношения с кем-л.*, *разорвать/ разрывать отношения с кем-л.*, *регистрировать/ зарегистрировать отношения с кем-л.*, *сводить/ свести отношения с кем-л.*, *строить/ построить отношения с кем-л.*, *устанавливать/ установить отношения с кем-л.* Процессуальные фразеологизмы с именным компонентом *отношение* – это знаки языка с определенным компонентным составом, которые имеют свою семантическую структуру, складывающуюся из категориальной семы процессуальности, субкатегориальной семы отношения и сем, привносимых левой и правой сочетаемостью с фразеологизмом.

По компонентному составу исследуемые фразеологизмы делятся на двухкомпонентные (14 единиц) и трехкомпонентные (2 единицы). Двухкомпонентные фразеологизмы строятся по модели “глагол + сущ. в вин. падеже”: **выяснять отношения, иметь отношение, оформлять отношения** и др. Трехкомпонентные фразеологизмы строятся по модели “глагол + предлог + сущ. в вин. падеже”: **вступать в отношения, входить в отношения.**

Глагольные компоненты интегрируют процессуальные фразеологизмы с компонентом *отношение*, создавая у них значение процессуальности, которое выражается морфологическими категориями вида, залога, лица, склонения, времени, рода и числа (**вступаю в отношения, вступаем в отношения, вступаешь в отношения, вступаете в отношения, вступает в отношения, вступают в отношения, вступят в отношения, вступил в отношения, вступил бы в отношения**

и др.). Но в то же время глагольные компоненты дифференцируют исследуемые фразеологизмы, так как приносят свои семантические элементы и создают разницу в значениях единиц. За счет этого формируются системные связи фразеологизмов: синонимические (**вступить/ вступить в отношения, входит/ войти в отношения, завязывать/ завязать отношения**) и антонимические (**завязать/ завязывать отношения - прекращать/ прекратить отношения**).

Именной компонент во всех рассматриваемых фразеологизмах выражен нарицательным неличным неодушевленным абстрактным существительным *отношение*. В 15 единицах существительное *отношение* имеет форму мн. числа (**завязать отношения с кем-л., прекратить отношения с кем-л.** и др.), а фразеологизмы имеют правую сочетаемость в форме тв. падежа. Только в одном случае именной компонент имеет форму ед. числа, а фразеологизм управляет дополнением в форме дат. падежа (**иметь отношение к кому-чему-л.**). Именной компонент *отношение* приносит во фразеологизмы сему “взаимная связь разных предметов, действий явлений, людей, касательство между кем-чем-н.”, следовательно, является семантически стержневым и создает субкатегориальное значение фразеологизмов. Абстрактность значения существительного *отношение* соответствует обобщенному характеру процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения.

Процессуальные фразеологизмы с именным компонентом *отношение* как языковые знаки имеют определенную синтаксическую позицию, для которой характерно наличие левой и правой синтаксической связи. Левая и правая синтаксические связи – это левая и правая сочетаемости, между которыми складываются разнообразные отношения, выражаемые исследуемыми фразеологизмами. В большинстве случаев данные фразеологизмы выполняют функцию сказуемого в двусоставном предложении. В полной синтаксической конструкции наличествует подлежащее – левая сочетаемость, и дополнение – правая сочетаемость.

Левая синтаксическая сочетаемость – это подлежащее, которое может быть выражено разными частями речи: существительными (96 употреблений), местоимениями (43 употребления). Существительные используются как собственные (**Быков, Суворов, Лайма**), так и нарицательные, одушевленные и неодушевленные. Одушевленные могут обозначать названия лиц по степени родства (**супруга, бабушка, папа**), названия лиц по половой принадлежности (**дамы, мужчины**) и по социальному статусу, профессии (**студенты, железнодорожники**). Неодушевленные могут обозначать конкретные предметы быта

(*книга, китель*), различные бумаги (*документ, статьи*), словесное творчество (*легенды, анекдоты, рассказ*), чувства, мысли, состояние человека (*ревность, мысли, состояние*). Исследуемые фразеологизмы могут сочетаться как с субъектом-лицом (78 употреблений), так и с субъектом-предметом (61 употреблений). Субъект-предмет используется только при фразеологизме *иметь отношение*.

Правая синтаксическая сочетаемость также имеет свое семантическое наполнение. Это может быть либо объект-лицо (33 употребления), либо объект-предмет (90 употреблений). Дополнение может быть выражено именем существительным (109 употреблений), местоимением (11 употреблений), субстантивированным прилагательным (3 употребления). Объекты могут быть выражены собственными существительными, обозначающими имена, фамилии людей и географические наименования (*Светлана, Белбулатов; Африка, Новороссийский край, Оренбургская область*). Наричательные существительные используются как одушевленные, так и неодушевленные. Одушевленные обозначают названия лиц по степени родства (*жена, сын*), названия лиц по профессии, роду занятий (*поэт, модельер*), названия лиц по другим признакам (возрастному, национальному, производимому действию и т. д.) (*ребенок, индейцы, проезжий*). Неодушевленные обозначают сферы деятельности, области знаний (*бизнес, наука, кино*), дело, занятие, мероприятие (*похождения, служба, заваруха*), конкретные предметы быта (*подарок, трамвай*), коллективы людей, организации (*община, партия*)

Семантические связи грамматического субъекта и грамматического объекта могут быть по-разному выражены на синтаксическом уровне. В большинстве случаев это двусоставные предложения с подлежащим и дополнением. Синтаксически неразложимое подлежащее часто используется для выражения семантического субъекта и объекта. Субъект синтаксически может быть не выражен (определенно-личные предложения, неопределенно-личные предложения, обобщенно-личные предложения, неполные предложения).

ОЦЕНОЧНОСТЬ КАК ПРИЗНАК ЗНАЧЕНИЯ КАЧЕСТВЕННО – ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

*Соловьёва А.Д.
Челябинск, Челябинский государственный
педагогический университет*

Фразеологизм как номинативная единица языка не только выражает понятие о предмете действительности, но одновременно и характеризует его. Это свойство фразеологизмов позволило им выдержать многовековую конкуренцию со словом, так как фразеологизм всегда богаче по содержанию, чем синонимичное ему слово.

Качественно–обстоятельственные фразеологизмы, как и наречия, характеризуют действие. Категориальное значение наречия – призначность действия (или признака) – свойственно и фразеологизмам качественно–обстоятельственной семантики. Призначность качественно–обстоятельственных фразеологизмов формируется в процессе фразеологизации. В этом процессе основная роль принадлежит субъекту, воспринимающему какое-либо действие (признак). Сравните: **быстро** – **стремглав** – **во все лопатки**. Наречия обозначают признак передвижения: **быстро** – “с большой скоростью”, **стремглав** (заимствовано из старо-славянского – “вниз головою”) – “очень быстро”. Во фразеологизме **во все лопатки** – “очень быстро, насколько это возможно” - выражено понятие о предельно доступной скорости передвижения субъекта; максимальная интенсивность передвижения кого-либо характеризуется со стороны – другим субъектом, наблюдающим это движение: он может оценить интенсивность по спине, движению лопаток бегущего. Первичное употребление, начало формирования фразеологизма как языковой единицы всегда связано с оценкой действия (состояния) объекта, воспринимаемого каким-либо субъектом (частный случай: субъект воспринимающий своё действие, состояние). Субъект, воспринимающий действие, всегда оценивает это действие, его оценка номинируется в внешних признаках, качествах, свойствах, закреплённых за воспринимаемым действием.

В процесс фразеологизации качественно–обстоятельственных фразеологизмов вовлекаются те свободные словосочетания и сочетания слов, которые включают лексемы, обозначающие предметы,

связанные с определённым действием и ограниченные первоначальной сочетаемостью с глаголом – действием.

Фразеологизмы со структурой словосочетания грамматически формируются на основе лексем, тематически связанных с конкретным действием: **кричать** – а) производитель действия: горло, глотка, лёгкие; б) содержание и цель действия: голос. Формирование целостного фразеологического значения завершается благодаря компоненту атрибуту. Зависимый компонент – местоимение, прилагательное, числительное – вносит во фразеологическое значение сему оценки предмета. Оценочные семы создают характеристику предмета, воспринимаемого со стороны, извне: **во всё горло, во всю глотку, во все лёгкие, во весь голос, в полный голос; в две руки, на семи ветрах, на все четыре стороны**. Наиболее активные в роли атрибута определительные местоимения обнаруживают свойство, не присущее им в свободном употреблении: они выделяют и оценивают признак предмета.

Двухкомпонентные фразеологизмы со структурой предложно-падежных сочетаний образуются преимущественно на основе отглагольных лексем: **в обтяжку/ обтяжечку, в обнимку/ обнимочку** и другие. Фразеологическое значение формируется на основе переносного значения существительного – производного, опредмеченного действия. Оценочность обнаруживается в ядерных семах существительного – компонента, обозначающего не предмет, а признак.

Оценочность во фразеологизмах с субкатегорией качества может быть представлена в большей или меньшей степени, в значении таких единиц наличествует сема экспрессивности: в том же оценочном компоненте, в его морфемном варианте: **во весь голос – во всё голосище, на минуту – на минутку – на минуточку, на глаз – на глазок, в дым – в дымину;** в количественном варианте: **в шею – в три шеи, в первую очередь – в самую первую очередь, на каплю – на одну каплю, на мгновенье – на одно мгновенье**.

Во фразеологизмах с субкатегорией обстоятельственной характеристики действия оценочная сема вносится во фразеологическое значение также зависимым компонентом (компонентами): **на сон грядущий, под самый занавес, на все четыре стороны** (поэтому в последней единице может эллиптироваться фразообразующий компонент, но не оценочно-экспрессивные компоненты).

В двухкомпонентах фразеологизмах с субкатегорией обстоятельства оценочность формируется у знаменательного компонента на основе его переносного значения, экспрессивность – морфемным

варьированием: **на дорогу – на дорожку**.

Оценочная сема во фразеологическом значении обуславливает совмещение значений качества и обстоятельственной характеристики: **в первую голову** “сначала” (мера и время), **в своё время** “своевременно” (образ действия, время и условие), **на век** “навсегда” (мера и время) и другие.

На основе анализа качественно–обстоятельственных фразеологизмов мы делаем вывод, что все данные фразеологизмы обладают оценочностью: они содержат характеристику действия, сложившуюся на основе восприятия этого действия субъектом и закрепившуюся в языковой единице. Не содержащие оценочности единицы не относятся к области фразеологии

ПРЕДИКАТИВНЫЕ И НЕПРЕДИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СУБКТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

Туркина Б.В.

Курган, Курганский государственный университет

Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния имеют свои особенности в построении системы форм и их функционировании в речи.

Форма процессуального фразеологизма представляет собой одну из ее морфологических модификаций в пределах присущих ей морфологических категорий.

Следует различать внешнюю и внутреннюю форму процессуального фразеологизма.

Понятие внутренней формы слова получило лингвистическое толкование в трудах А.А. Потебни, который отмечал, что слово как творческий акт речи и мысли включает в себя, кроме звучания и значения, еще представление (или внутреннюю форму), “представление – необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия”, “способ объективации мысли в слове” [Потебня 1958:12].

В.В. Виноградов под внутренней формой слова понимает “образ, лежащий в основе значения или употребления слова, который может уясниться лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобра-

зовалось данное слово или сочетание слов” [Виноградов 1972:20].

Понятие “внутренняя форма” вслед за В.В. Виноградовым изучалось В.П. Жуковым, первым применившим понятие внутренней формы к фразеологическим единицам языка, А.И. Ройзензоном, который соотносил понятие внутренней формы с целостным значением фразеологизма, В.Н. Телией.

Изучению внутренней формы посвящены работы А.М. Мелерович, которая трактует внутреннюю форму фразеологизма как “смысловое содержание, положенное в основу фразеологического значения и объективированное по отношению к нему в звуковой форме ФЕ” [Мелерович 1979:30].

Внешняя и внутренняя формы фразеологизма находятся в гармоничном взаимодействии: изменение внешней формы языкового знака вызывают изменения его внутренней формы.

Традиционно форма фразеологизма понимается как грамматическая форма, одна из грамматических модификаций, несущих то или иное грамматическое значение, то есть как внешняя форма фразеологической единицы языка.

Термин “внешняя форма” фразеологизма используется в работах В.А. Лебединской. Она отмечает, что “процессуальные фразеологизмы имеют особенно много проявлений изменчивости внешней формы, начиная от преобразований синтаксической структуры и компонентного состава и кончая формальными метаморфозами каждого компонента” [Лебединская 1999:42].

Грамматические формы фразеологизмов представлены системой предикативных и непредикативных форм.

Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния подчиняются грамматическому строю русского языка и имеют тот же набор форм, что и глаголы-слова – парадигмы предикативных и непредикативных форм. Система предикативных и непредикативных форм представляет собой расширенную парадигму процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния. Функционируют эти формы у фразеологизмов и глаголов по-разному, подчиняясь лексической и фразеологической семантике.

В картотеке, состоящей из 1722 процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния в 6200 употреблениях, насчитывается 1494 непредикативных и 4706 предикативных форм, то есть частотность употребления предикативных форм в три раза выше, чем непредикативных.

Представление о функционировании непредикативных форм процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния в речи дает следующая статистическая таблица (формы даны в порядке убывания количества употреблений).

Виды непредикативных форм	Примеры	Кол-во употр.	% употр.
1. Инфинитивные формы	обрести покой впасть в ребячество схватиться за голову утолять жажду мести	920	61,6
2. Деепричастные формы	осознав горечь приходя в память поджав(ши) хвост не чуя земли	344	23
3. Причастные формы	перепуганный насмерть выживший из ума охвачен азартом	230	15,4
	Итого:	1494	100

Самыми частотными по речевому употреблению из непредикативных являются инфинитивные.

Инфинитивные формы разнообразны по синтаксическому употреблению: в конкретных речевых условиях они могут функционировать в качестве самостоятельного (главного) или зависимого (второстепенного) члена предложения.

Будучи самостоятельными членами предложения, инфинитивные формы выполняют разнообразные синтаксические функции – подлежащего, сказуемого, второстепенных членов.

Прямо **глаз не оторвать** – до того глянется. Хорошо-то как здесь, господи! Рай. *В. Шукшин Печки-лавочки.* – главный член односоставного предложения. Хорошая моя, ну что без толку **заламывать руки**? *Л. Агеев В том краю.* – сказуемое безличного предложения. [Лена] стояла неподвижно до самых сумерек, не в силах **оторвать глаз** от золотистого моря колосьев. *С. Антонов Лена.* – инфинитивная часть составного сказуемого.

В качестве зависимых инфинитивные формы активно выступают как часть составного сказуемого с лексическими и фразеологическими связками.

В то лето Анна **не могла найти себе места**, обезумела от той суматохи, криков и причитаний каких-то женщин во время похорон.

А. Иванов Вечный зов. Если б я умела плакать, да и **в истериках метаться**, мне, наверно, было бы гораздо легче. *А. Сазонова Записки заложницы.* Волнение дурака (шута), не утихающее ни на минуту во все время третьего действия, наконец достигает высшего пункта тогда, когда Лир **начинает мешаться в рассудке**. *А. Дружинин Король Лир.* С чего ты взял? Из чего я **стану себе портить кровь**? И не думал сердиться. *И.А. Гончаров Обыкновенная история.* Я полюбил другую женщину, поэтому и княгиня, если пожелает того, может отдать свое сердце другому; желаю только в этом случае, чтобы этот другой был человек порядочный. *Писемский В водовороте.* Так и **не смог пережить своей отставки**. *А. Ананьев Годы без войны.* Я **не успевал рта разинуть**, да и что я мог сказать? *А.П. Чехов Сильные ощущения.*

Наша картотека зафиксировала употребление инфинитивной формы процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния с фразеологическими связками.

Я **имею** полное **основание рассчитывать** на такое повышение *М.Е. Салтыков-Щедрин Благонамеренные речи.*

Также типичным для выражения субкатегориального значения состояния является употребление инфинитивных форм фразеологизмов в сочетании со словами категории состояния в безличных предложениях.

Все вместе и преждем. **Нельзя** же так **падать духом**. *А.Н. Толстой Приключения Растегина.* Казалось, что **можно облегчить душу**. *Б. Козлов Плачь, Россия!* Все-таки **трудно** интеллигенту **обломать себя**, тщательно очиститься от всякой скверны и **идти в ногу** с лучшими партийцами. *В. Вересаев Сестры.* Для войны с французским королем австрийскому царю **надобно** руки себе **развязать**. *А.Н. Толстой Петр Первый.* Голое отчаяние, **невозможно собрать себя в единое целое**: лишь насладившись отчаянием, я могу успокоиться. *С. Князев Гроза жизни.*

Достаточно частотным является употребление анализируемых форм в предложении в функции целевого обстоятельства.

Просто, чтобы перевести дух, приостановился у афиши. *Г. Семенихин Новочеркасск – Москва.* Как он пришел к выводу, что он должен делать это, чтобы не остаться в дуручках, он только этим и жил. *А. Фадеев Молодая гвардия.* Он нарочно пошевелился и что-то погромче пробормотал, чтоб и виду не подать, что прячется. *Ф.М. Достоевский Преступление и наказание.*

Очень редки в употреблении причастные и деепричастные фор-

мы ПФ субкатегории состояния. Это связано с тем, что не каждый фразеологизм имеет такие формы и они меньше востребованы в речи, поскольку имеют специфически книжный характер. Деепричастные формы, ПФ субкатегории состояния могут быть образованы от процессуальных фразеологизмов как совершенного, так и несовершенного вида:

Тетя Маруся, не помня себя, сбросила шлепанцы, сунула ноги в туфли, и даже не накинув платка, нечесанная, побежала к соседке *А. Фадеев Молодая гвардия*. Да говори нам, что делается, собачий сын! – закричал один из толпы, как видно потеряв терпение *Н.В. Гоголь Тарас Бульба*. Добралась до кровати, легла, но не заснула, а просто лежала, отдыхая и приходя в память *Б. Екимов Возвращение*. И только тогда, не веря еще своим глазам, он понял – вспомнил, - кто этот добродушно улыбающийся репортер *Ю. Слепухин Южный крест*. Именно они, рискуя жизнями, в 1972-73 годах разминировали порт Читтагонг в Бангладеш, а в конце 80-х неоднократно подвергались обстрелам *В.С. Новиков На театре Черного моря*. Однажды Степке удалось поймать чечетку, он и сейчас еще помнит, как, не чуя под собой ног, нес клетку, в которой смертно трепетала птица *И. Акулов Седой*.

Среди деепричастных форм встречаем ФЕ с грамматическими архаизмами, которые характеризуются отрывом данных форм от других, потерей соотнесенности с ними в свободных словосочетаниях, например: Мне нужна такая, чтобы в огонь и в воду шла, а эта так всю жизнь и простоит возле калитки **рот разиня** *В. Горбачев За далью непогоды*. Он ахнет этому мерзавцу коленом в солнечное сплетение и, когда тот, по-рыбьи **разинув рот**, начнет оседать на землю... *А. Молчанов Новый год в октябре*.

Грамматический архаизм *разиня рот* имеет архаичный суффикс деепричастия несов. вида – *я*, в современном русском языке деепричастие совершенного вида образуется только суффиксом – *в* -.

Фразеологизмы *разиня рот* и *разинув рот* создают морфологические варианты деепричастных форм. Причастные формы стоят на 3 месте по употребительности.

Как и глаголы, процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния имеют две морфологические разновидности причастных форм – действительного и страдательного залога. Полная парадигма причастных форм связана с видом как морфологической категорией ФЕ и составляет 6 парадигматических форм: но далеко не каждый фразеологизм имеет полную парадигму.

Наиболее часто процессуальные фразеологизмы субкатегории

состояния употребляются в форме действительного залога настоящего времени:

Перед вами старец, убеленный сединами, **стоящий одной ногой в могиле А.П. Чехов Юбилей**. Евгений Иванович, в **раздирающих его душу противоречиях**, зачем-то повернулся и поехал обратно *А. Сечень Страшный пассажир*. Я, прискакав, нашел ее **утопающею в слезах** и оплакивающую судьбину своего мужа *А. Болотов Записки*. Ну что, господа, новенького? Нет ли чего-нибудь такого особенного, в **нос шибящего А.П. Чехов Иванов**.

Встречаются в речевом употреблении ПФ субкатегория состояния в форме причастий действительного залога прошедшего времени:

Даже страх перед Федором Богданычем не мог остановить это **через край бившее** и пенящееся сознание счастья жизни *Л. Толстой Анна Каренина*. Репризу “Таинственное яйцо” мы долго исполняли с моим другом, недавно **ушедшим из жизни**, Михаилом Шундиным *Ю. Никулин талант быть клоуном*. Не знаю почему, но охота за **обезумевшими от страха** и безысходности птахами превращалась в негаданный и греховный праздник, отличный от чинного Первомая и царственно-холодного Великого Октября *Г. Карпович Продавец снов*. Она шла рядом, **онемевшая от счастья**, еще не проснувшаяся от волшебного сна *Ю. Конец вечной мерзлоты НМ 1977 № 11*. На Белорусском вокзале, куда привела Ивана Александровича полная, совершенная свобода ситуации, у каждой кассы толпились жуткие очереди, и он, прежде чем пристроиться к одной из них и, выстояв положенное время, назвать кассирше первый **пришедший в голову** населенный пункт, вышел на перрон. На ближнем пути стоял, готовый к отходу, поезд “Москва – Берлин” *Е. Козловский Киносценарий и повести*.

Совсем редко ПФ субкатегории состояния используются в форме причастия страдательного залога прошедшего времени:

Когда милиция вместе с **перепуганной насмерть** Наташей явилась на ту улицу, где было куплено мясо, никакой палатки там не оказалось *Г. Успенская Дора*. Он лежал, заботясь лишь о том, чтобы не намочить повязку, **отрешенный от всего** остального лежал, вслушиваясь в собственную боль, и боль эта и была сейчас его существом *Б. Васильев Были и небыли*. ... потому что в ее **разинутый рот** в этот момент упало что-то *А. Ким Рыба simplicitas*.

Иная ситуация возникла при образовании форм страдательного залога процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния,

включающими компонент – имя в форме В. п. без предлога:

И тем не менее вся игра английской сборной зависела от него, она с ним согласовывалась, **заданный им тон** держала *Л. Филатов* *Обо всем по порядку*.

В приведенном примере глагольный компонент, приобретая форму страдательного причастия, перестает быть грамматически главным компонентом, становится определением именного компонента. В процессе такого преобразования процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния утрачивают процессуальное значение и переходят в класс предметных, развивая предметное значение и функционируя в предложении в роли подлежащего или дополнения.

Формы страдательных причастий прошедшего времени могут быть краткими:

Вы оба были тогда **охвачены азартом** *В. Кожевников* *Полюшкополе*. Федор был **сбит с толку**, и агрессия его пошла на убыль *Б. Васильев* *Были и небыли*.

Очень редко встречаются процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния в форме страдательного причастия настоящего времени.

Ядром полной, расширенной парадигмы процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния являются предикативные формы.

Так, процессуальный фразеологизм субкатегории состояния *считать ворон*, имеющий значение “ротозейничать, быть рассеянный, невнимательным”, представлен в языке совокупностями следующих форм:

1) предикативных:

а) лица и числа (считаю ворон, считаешь ворон, считает ворон, считаем ворон, считаете ворон, считают ворон);

б) времени (формы наст. вр. см. выше, формы прош. вр. (считал ворон, считала ворон, считали ворон; будущего: буду, будешь, будет, будем, будете, будут считать ворон);

в) наклонения (изъявительное – см. формы времени, условное: считал бы ворон, считала бы ворон, считали бы ворон; повелительное: считай ворон, считайте ворон);

2) непредикативных, находящихся на периферии парадигмы:

а) инфинитива (считать ворон);

б) причастий действительного залога настоящего и прошедше-

го времени (считающий ворон, считавший ворон);

в) деепричастия несовершенного вида (считая ворон).

У анализируемого фразеологизма нет видовой коррелятивной пары (словосочетание “считать ворон” обозначает конкретное действие) и не встречается в формах страдательного залога.

Все предикативные формы в предложении играют роль сказуемого, в двусоставном предложении обозначающего признак субъекта подлежащего:

Возвращаясь в лоно семьи, часто к бедным труженикам, девица сразу **падала с неба на землю** и проклинала день и час своего рождения *А. Алтаев Памятные встречи*. Ты действительно подзазнался. Мне еще директор школы говорил, что ты **нос задираешь** *В. Логинов Гости*. А я вижу, что мальчишка **катится по наклонной плоскости** все ближе, ближе к преступлению, а спасти его не могу *В. Елисеева Так оно было*. Огромное большинство состоит из людей посредственных, которые, с одной стороны, **пороху не выдумают**, но с другой стороны, по выражению г. Щедрина, сальных свечей не едят, стеклом не утираются *Д. Писарев Роман кисейной девушки*. Что бы я делал без Филиппа Ивановича? **Разорвался бы на две части Троепольский Здравствуй** *смысл*. Так сочиняй, брат, сочиняй поскорее! **Не засыпай на лаврах!** Чего глядеть-то? *Ф. Достоевский Униженные и оскорбленные*.

Все формы процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния следует разделить на классификационные и фразоизменяемые.

Литература

1. Виноградов В.В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
2. Лебединская В.А. *Динамизм внешней формы процессуальных фразеологизмов // Динамика фразеологического состава языка: Тез. докл. междунар. науч. конф.* – Курган, 1999. – С. 42.
3. Мелерович А.М. *Проблемы семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка*. – Ярославль, 1979. – 79 с.
4. Потехня А.А. *Из записок по русской грамматике: Т. I-II*. – М.: Учпедгиз, 1958. – С. 12.

ЗНАКОВАЯ ПРИРОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗОК

Усачева Н.Б.

Курган, Курганский государственный университет

Билатеральность, то есть наличие плана содержания и плана выражения является неотъемлемым свойством значимых единиц языка. Исследования последних лет убедительно показали, что знаками являются не только единицы, принадлежащие к самостоятельным частям речи, но и служебные слова и фразеологизмы. Двусторонняя сущность – основной признак лексических и фразеологических предлогов, союзов, частиц, связок, включающих в себя две составляющих – означающее и означаемое. Дискуссионным в лингвистике был вопрос о наличии у служебных единиц языка плана содержания – собственного значения. Наличие разных точек зрения породила специфика значения служебных единиц языка: они имеют не номинативные, а релятивные значения, выражают отношения между предметами, признаками, процессами и т.д., существующими в реальной действительности. Как и единицы остальных служебных семантико-грамматических классов, фразеологические связки относятся к реальной действительности через посредство номинативных единиц языка, выражают связи и отношения между ними, что и составляет семантическое содержание единиц данного класса.

В современном русском языке функционируют лексические связки (*хотеть, стать, начать, мочь, забыть, попытаться, уметь, желать, продолжать, любить, поручить, становиться* и др. под.) и многочисленные фразеологические связки (*дать слово, иметь желание, иметь удовольствие, ждать удобного случая, дать обещание, иметь талант, внести предложение, испытывать потребность, изъявлять желание, иметь возможность, лелеять надежду* и мн. др.). Их употребление обусловлено столкновением двух противоположных тенденций: стремления к экономии языковых средств и роста аналитизма в современном русском языке.

В отличие от других грамматических фразеологизмов фразеологизмы-связки имеют парадигмы изменения, обладая грамматическими категориями наклонения, времени, лица, числа и рода. Эти категории связочных фразеологизмов имеют несамостоятельный, заимствованный у номинативных процессуальных единиц характер.

Категориальным значением связок является значение копулятивно-

сти (от лат. *corula* – связка). Связочные фразеологизмы обслуживают грамматическую сферу процессуальности – глаголы и процессуальные фразеологизмы в инфинитивной форме. Так, связочный фразеологизм *гореть желанием* обозначает, что действие, выраженное инфинитивом составного сказуемого, расценивается субъектом как желательное. Грамматические категории, присущие этому фразеологизму, обслуживают не фразеологизм, а инфинитивную форму составного глагольного сказуемого, обозначающего основное действие, желательность осуществления которого выражает фразеологизм-связка, например:

Я не строил себе никаких тематических планов, а **горел** только единственным **желанием** самому узнать и понять, как люди жили под властью немцев. *Б. Горбатов. О семье Тараса.* Казалось, все **горят желанием** сражаться до последней капли крови. *А. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха.* Но граф Рауль **горел нетерпением** узнать, что происходило в дальнейшем на поле сражения. *А. Ладинский. Ярославна – королева Франции.* Григорий, искоса наблюдавший за Петром, видел, что тот **горит желанием** поговорить о чем-то серьезном. *М.А. Шолохов. Тихий Дон.*

Не обладая самостоятельной номинативностью, фразеологические связки имеют разнообразные индивидуальные значения, позволяющие им образовать семантико-грамматические разряды, группы, подгруппы, синонимические ряды, антонимические пары, что дает возможность их квалифицировать как полужнаменательные релятивные средства языка.

Фразеологизмы-связки разделяются на две субкатегории: рациональные и эмоциональные. Внутри первой субкатегории представляется необходимым разграничить семь групп.

Первая группа объединяет фразеологизмы-связки, выражающие возможность осуществления действия. Это такие единицы, как *дать возможность, иметь возможность, получить возможность, иметь причины, иметь основание, иметь время, дать время, иметь случай, лишить возможности, иметь шанс, использовать шанс* и др.

Во вторую группу мы включили фразеологизмы, которые обозначают необходимость совершения действия, например, *иметь необходимость, испытывать необходимость, иметь необходимость, счесть долгом, иметь нужду, иметь потребность, почувствовать необходимость, иметь смысл* и др.

В третью группу объединены связочные фразеологизмы, которые обозначают желательность совершения действия: *иметь жела-*

ние, испытывать желание, проявлять желание, иметь охоту, иметь прихоть, иметь соблазн, проявлять тягу, демонстрировать стремление и т.п.

Обозначение готовности к совершению действия объединяет фразеологизмы в четвертую группу. Это такие фразеологизмы-связки, как *иметь готовность, проявить мужество, иметь мужество, обладать умением, иметь рвение, иметь решимость, иметь решительность, набраться мужества, набраться смелости, иметь храбрость* и др. под.

Пятая группа включает в себя фразеологические единицы, обозначающие намерение совершить действие. В эту группу мы отнесли фразеологизмы типа *показать намерение, иметь замысел, найти способ, иметь задумку, иметь затею, найти путь, набраться смелости, иметь намерение, сделать попытку, иметь попытку, иметь предложение, иметь план* и нек. др.

В шестую группу включены фразеологические единицы, которые обозначают привычность совершения какого-либо действия: *иметь манеру, сделать правилом, иметь моду, взять моду, войти в привычку, иметь манию, завести привычку, иметь обыкновение, войти в обыкновение, иметь привычку.*

Седьмая группа вычленена по способности фразеологизмов, входящих в нее, обозначать побуждение к выполнению действия. В эту группу мы отнесли такие фразеологизмы, как *получить задание, иметь задание, исполнить инструкцию, иметь инструкцию, дать указание, иметь наказ, получить приказ, иметь приказ, дать приказ, иметь указание, выполнить поручение, иметь поручение* и др. под.

Эмоциональные фразеологизмы-связки распределились на две группы - выражающие положительную оценку совершаемого действия (*иметь любезность, испытывать радость, иметь вежливость, обрадоваться случаю, иметь счастье, проявить тактичность, иметь такт, предвкушать удовольствие, иметь предусмотрительность, иметь удовольствие* и др.) и выражающие отрицательную оценку действия (*иметь бесстыдство, совершить глупость, проявить жестокость, иметь жестокость, иметь нахальство, иметь наглость, иметь несчастье, иметь хамство, иметь невежество* и др. под.).

РЕАЛИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ ПИСЕМ А.С. ПУШКИНА СИСТЕМНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фесенко О.П.

Абакан, Хакасский государственный университет

В системе языка фразеологизмы вступают в парадигматические отношения. Семантическую парадигму в сфере фразеологии составляет синонимия ФЕ, антонимия ФЕ (омонимия не входит в рамки нашего исследования). Предметом нашего анализа является описание этих отношений и выявление их своеобразия в эпистолярных текстах А.С. Пушкина.

Синонимия ФЕ. Фразеологическая синонимия в настоящее время является предметом пристального внимания ученых. Под фразеологическими синонимами в нашей работе понимается “два (или больше) фразеологизма, обозначающих одно понятие, принадлежащих к одному классу, субкатегории и группе и отличающихся друг от друга семантически или/и стилистически” (А.М. Чепасова, 1978). Синонимичные ФЕ характеризуются рядом существенных признаков: 1) обозначают одно понятие, 2) принадлежат к одному классу, субкатегории и группе, 3) наличие семантических и/или стилистических различий между членами ряда, 4) близкая и частично тождественная лексико-семантическая сочетаемость. Фразеологизмы, как отмечается в ряде работ отечественных фразеологов, вступают в синонимические отношения не только друг с другом (внутренняя синонимия), но и со словами и сочетаниями слов (внешняя синонимия). Компоненты синонимичных ФЕ находятся между собой: 1) в синонимичных отношениях; 2) могут быть семантически сближены; 3) являются совершенно разными.

Из 265 ФЕ, функционирующих в письмах А.С. Пушкина, 28 вступают во внутренние синонимические отношения, образуя 14 синонимических рядов (синонимических пар). При этом, как отмечают лингвисты, одной из основных функций употребления синонимов в речи является функция замещения, которая связана со стремлением говорящего избежать неоправданного повторения одних и тех же языковых единиц и поэтому неотделима от проблемы благозвучия речи. Среди фразеологизмов-синонимов выделяются группы единиц, компоненты которых и в свободном употреблении являются: 1) сино-

ними: **ради бога - ради Христа (Христа ради), бог весть - бог (господь) его (ее, их) знает (ведает), сбить с ног - свалить с ног, в руках - в лапах** и др. 2) семантически близкими понятиями: **день ото дня - час от часу; ни строчки - ни слова**; 3) совершенно разными понятиями: **на один покрой - на одно лицо**.

Фразеологические синонимы, функционирующие в письмах А.С. Пушкина, имеют отличия либо только в семантике, либо только в стилистике. Семантические синонимы различаются оттенками значений: **день ото дня** («постепенно, с каждым днем») - **час от часу** («постепенно, с каждым часом»). Употребляя данные ФЕ, А.С. Пушкин достигает определенной коммуникативно-прагматической цели, усиливая эмотивную сторону текста. Дополнительная экспрессия создается за счет актуализации дифференциальной семы в структуре фразеологического значения ФЕ **ни слова** («полное отсутствие чего-либо») при сопоставлении ее в пределах одного контекста с ФЕ **ни строчки**: *Два года и шесть месяцев не имею от них никакого известия, никто **ни строчки, ни слова***. Я.Н. Толстому, 26 сентября 1822 г. В данном контексте употребление фразеологических синонимов выполняет функцию выражения исчерпывающей полноты в характеристике описываемого явления.

Стилистические синонимы различаются стилистической окраской: **ради бога (разг.)- ради Христа (Христа ради), бог весть (прост., устар.) - бог (господь) его (ее, их) знает (ведает) (разг.), сбить с ног - свалить с ног (разг.)** и др. Использование А.С. Пушкиным фразеологических синонимов с разговорной и просторечной окраской помогает создать более доверительную, дружескую атмосферу общения. Разговорные и просторечные ФЕ более экспрессивны, что усиливает их образность, тем самым реализуя прагматическую функцию эпистолярного текста. Кроме того, в письмах А.С. Пушкина есть примеры употребления ФЕ с синонимичным словом и словосочетанием (примеры внешней синонимии): **лениво работать - валить через пень колоду, прямо - без обиняков, бояться - душа в пятки уходит, сидеть смирно - не показывать носу**. Употребление в пределах одного контекста фразеологического и лексического синонимов выполняет функцию передачи тончайших оттенков в характеристике предмета, явления, понятия и усиливает, акцентирует основное значение языковой единицы. Кроме того, удачно найденные синонимы передают гаммы чувств и настроений, создавая тем самым мелодику повествования, например: *О себе тебе скажу, что я работую лениво, через пень колоду валю*. Н.Н. Пушкиной, 21 октября 1833

г. *По крайней мере говорю прямо, без обиняков.* Н.Н. Пушкиной, 21 октября 1833 г. Использование синонимичных ФЕ в эпистолярных текстах А.С. Пушкина в каждом случае является не случайным фактом версификации, а объясняется авторским замыслом: ФЕ на фоне контекста выполняют характеризующую роль, выражают позитивное или негативное отношение автора к референту, выражают разнообразные оценки (от патетики до иронии и сарказма), передают особенности взаимоотношения автора и адресата письма. Подчеркнем, что выбор синонимов в каждом определенном письме А.С. Пушкина определяется позицией автора и общей тональностью текста (ироничный, шутливый, пренебрежительный, пародийный).

Антонимия ФЕ. Антонимические отношения ФЕ во фразеологическом массиве эпистолярных текстов А.С. Пушкина представлены в гораздо меньшей степени, нежели синонимия, что, впрочем, характерно для фразеологии в целом. Антонимы служат отражением, закрепленным в речевой практике, тех реальных противоположностей, которые существуют в природе и в жизни общества. Как отмечает А.М. Чепасова, “фразеологические антонимы обозначают противоположные разнонаправленные или противоположные градуальные свойства, признаки, действия и т.д.” (А.М. Чепасова, блин, 1978). В текстах писем А.С. Пушкина употребляется 8 фразеологических антонимов: **не трогать / тронуть сердца - трогать / тронуть**, **на словах - на деле** и др. Интересно, что фразеологизмы-антонимы в письмах А.С. Пушкина могут функционировать в пределах одного контекста: *Дай бог, чтоб я его перехитрил на деле, а на словах, кажется, я перехитрил.* Н.Н. Пушкиной, сентябрь 1834 г. Кроме того, нами отмечены примеры внешней антонимии, при которой фразеологизм вступает в антонимические отношения со словами: **подражать - идти / пойти своей дорожкой**, **много - ни капли**: *В нем [Деларю] не вижу ни капли творчества, а много искусства.* П.А. Плетневу, ок. 14 апреля 1831 г. Отметим, что употребление в эпистолярных текстах А.С. Пушкина антонимичных ФЕ всегда подчинено авторскому замыслу и выделяет наиболее важные для автора фрагменты действительности.

Фразеологические единицы наиболее полно проявляют свой потенциал, вступая в различного рода парадигматические отношения, проявляя тем самым эмотивно-оценочный смысл, заключенный во фразеологическом значении, актуализирующийся средствами контекста и реализующийся при функционировании ФЕ в тексте.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ И АНТОНИМЫ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Фокина М.А.

Кострома, Костромской государственный университет

Одним из проявлений речевой системности художественного текста служит использование фразеологических синонимов и антонимов, которые образуют текстовые парадигмы, представляющие собой часть общей смысловой структуры произведения. Синонимико-антонимические фразеологические средства являются важными элементами текстовой организации, они обеспечивают структурно-смысловую целостность произведения на уровне макроконтекста и микроконтекстов, располагаются дистантно или контактно относительно друг друга в пределах одной фразеологической конфигурации, блока высказываний или целого текста, используются писателями в разных композиционно-речевых структурах (в авторском монологическом слове, художественных диалогах, внутренних монологах и несобственно-прямой речи персонажей).

На микроуровне в контактном взаимодействии фразеологических синонимов, образующих однородные конструкции, происходит их смысловое усиление, наблюдается актуализация сем, приобретающих дополнительные приращения в контекстном окружении. Например: “Вам хорошо, у вас, милый друг, нет разгрузочной среды, а у меня этот яблочный день *сидит в печенках и поет оскоминой на зубах*. Так вот выручайте ... в ресторане “Арагви” ... такие шашлыки на ребрышках, что вы *пальчики оближете*” (И.Лазутин. Песни гор). Фразеологические синонимы *сидит в печенках* (прост. ‘очень досаждаёт, раздражает, надоедает до крайности’) и *поет оскоминой на зубах* (*набивать оскомину* ‘очень сильно надоедать, приесться’; *навязнуть в зубы* прост. ‘предельно надоесть, наскучить’) связаны соединительным союзом *и*, содержат общие семы и в данной конфигурации антонимичны устойчивому обороту *пальчики оближете* (разг.экспрес. ‘очень вкусен’). Смысловые оппозиции, конкретизирующие и дополняющие семантику полярных фразеологических единиц (ФЕ), выражены группой контекстных коррелятов: *разгрузочная среда, этот яблочный день – такие шашлыки на ребрышках*. Фразеологизмы, образующие синонимико-антонимические отношения, являются ярким средством речевой характеристики персонажа, передающего собеседнику свои негативно-позитивные вкусовые ощущения от разной пищи – диетических продуктов и ресторанной еды.

Использование контактно расположенных фразеологических синонимов и антонимов, способствующих концентрации смысла эпизодов, является отличительной чертой идиостиля писателей XIX-XX веков. Синонимико-антонимические фразеологические средства широко употребляет Владимир Максимов в речи персонажей романов “Заглянуть в бездну” и “Ковчег для незваных”: “живут они *не за тридевять земель, а в двух шагах* от губернаторской резиденции”; “Туда-сюда сунулись, *хоть шаром покати, ни единой живой души* нетути”; “Я двадцать лет на кадрах сижу, *собаку ... на этом деле съел, меня на мякине не проведешь*, я про свой контингент знаю больше”; “Мы за тебя горой, Иван, *один за всех, все – за одного, куда иголка – туда и нитка*”; “На весь эшелон людей – *раз, два и обчелся, ты да я, да мы с тобой*”; “чехам теперь *сам черт не брат и море по колено*”. Как правило, контекстуальная синонимия создается в пределах фразеологической конфигурации в результате тесного взаимодействия ФЕ и их коррелятов, являющихся актуализаторами смысла устойчивых оборотов.

Глагольные ФЕ-синонимы занимают центральное место в повествовательной структуре художественного текста, являясь своеобразными зачинами и концовками в монологическом слове рассказчика. Такой эпизод произведения можно условно разделить на три фрагмента: вступление (определение микротемы или микроидеи предстоящего высказывания), основная часть (экспликация содержания эпизода), заключение (подведение итога высказывания, возвращение к микроидее). Лейтмотивность основной мысли высказывания, выраженной в начале и в конце эпизода, часто передается фразеологическими синонимами. Например, в рассказе И.С. Тургенева “Тамлет Щигровского уезда” рефлектирующий герой поведал повествователю историю своего жизненного разочарования. Он пересказал события, которые заставили его избавиться от сознания собственной исключительности, понять свою личностную несостоятельность: “...наконец в одно прекрасное утро я *открыл глаза*. Вот как это случилось. Ко мне заехал исправник <...> и до самого отъезда он не переставал глумиться надо мною, изредка подталкивая меня локтем под бок и говоря мне уже “ты”... *Этой капли только не доставало; чаша перелилась...* *Завеса спала с глаз моих*: я увидел ясно, яснее, чем лицо свое в зеркале, какой я был пустой, ничтожный и ненужный, неоригинальный человек!”. Препозитивно-постпозитивный текстовый повтор осуществляется фразеологическими синонимами *открыл глаза* (*открыть глаза* разг.экспрес. ‘вывести из заблуждения или из состояния неведения, помогая правильно понять истинное положение вещей’), *завеса спала с глаз моих*

(словно пелена спала с глаз разг.экспрес. ‘стало ясным, понятным то, что раньше было или представлялось неясным’), которые имеют общий компонент (*глаза – с глаз*) и содержат в своем значении близкие семы ‘правильно понять истинное положение вещей’, ‘стало ясным, понятным’. Синонимическими средствами осуществляется межфразовая когезия фрагментов, объединенных в относительно завершённый эпизод, обладающий структурно-смысловой целостностью.

Обращаясь к традиционной проблеме человека и общества, героя и среды, Тургенев использует фразеологические антонимы для передачи различного отношения окружающих людей к поступкам юноши в “Дневнике лишнего человека”. Молодой рассказчик говорит о неожиданных обстоятельствах, значительно повлиявших на изменение оценок его поведения: сначала он был осуждаем и чувствовал себя униженным, а затем общество заметило его благородство и восхищалось им. Организуя повествование в двух эпизодах текста, относящихся к разным дневниковым записям, дистантно удаленные ФЕ-антонимы характеризуют кульминационные события, произошедшие в течение нескольких дней: “Этот человек своим великодушием окончательно **втоптал меня в грязь**, зарезал меня. Я хотел было противиться, хотел было потребовать, чтобы он выстрелил в меня; но он подошел ко мне и протянул мне руку” (запись 27 марта); “Внезапно по городу разнеслась весть, что князь уехал ... не сделавши никакого предложения ... Лизе остается до конца дней своих оплакивать его вероломство. <...> общественное мнение преследовало его и Лизу, а меня, напротив, **превозносило до небес**” (запись 30 марта). Фразеологические антонимы **втоптал в грязь** (*втоптать в грязь* разг.экспрес. ‘жестоко унижить, очернить’) и **превозносило до небес** (*превозносить до небес* экспрес. ‘чрезмерно расхваливать’) являются сходномодельными по структуре (глагол + существительное с предлогом), имеют антонимически соотносимые компоненты (*втоптал – превозносить, небеса – грязь*), содержат полярные семы ‘очернить’ – ‘расхваливать’. Анализируемые глагольные ФЕ передают динамику поведения героев, способствуют смысловому объединению двух эпизодов в одну сюжетную линию, создают психологизм нарратива первого лица.

Исследование системных отношений фразеологических единиц в художественном тексте является важным этапом экспликации смысловой структуры произведения в процессе его глубинного понимания и адекватной интерпретации.

АНТОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ПОСТРОЕННЫХ ПО МОДЕЛИ “ГЛАГОЛ + ЗАВИСИМЫЙ СУБСТАНТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРЯМОГО ОБЪЕКТА”

Харлова Н.М.
Шадринск, Шадринский государственный
педагогический институт

Проблемы фразеологической антонимии в последнее время неоднократно привлекали внимание исследователей (И.Н. Горелов, 1986; В.А. Михайлова, 1987; Е.Н. Миллер, 1990; М.Л. Кусова, 1991).

Фразеологическая антонимия – это явление более редкое и сложное, чем фразеологическая синонимия. Фразеологическая антонимия опирается на лексическую. Но “в связи с особым значением ФЕ, представляющим не сумму, а специфический фразеологический синтез значений компонентов, антонимические противопоставления в сфере фразеологии строятся не так “прозрачно”, как в лексике” (А.М. Эмирова, 1971, с. 174). Как отмечает Е.Н. Миллер, “установление антонимичности ФЕ сложно, так как непосредственное противопоставление фразеологических антонимов – явление редкое. Поэтому критерий обнаружения их во взаимном противопоставлении может быть использован частично. Фразеологические антонимы – это пары фразеологизмов, противоположных, но соотносимых по значению: **мутить воду** (“1. Запутывать, вносить неразбериху” (ФСРЯ, с. 256) – **проливать свет** (“делать ясным, понятным, разъяснять, раскрывать” (ФСРЯ, с. 363), **не покладая рук** (“не переставая, без усталости (делать что-либо)” (ФСРЯ, с. 336) – **сложь руки** (ничего не делая, бездельничая) (ФСРЯ, 433). Фразеологические антонимы могут иметь тождественный (за исключением компонента, являющегося словом-антонимом) или нетождественный (включающий другие компоненты) компонентный состав. Различают следующие типы фразеологических антонимов:

1. Компонентный состав различный, в составе ФЕ нет антонимов. Такие ФЕ различаются своим лексическим составом, имеют противоположную, но соотносимую семантику: **собаку съел** (“опытный”) – **звезд с неба не хватает** (“недалекий, неумный”), **бить баклуши** (“бездельничать”) – **гнуть горб** (“работать усердно”), **держат ухо востро** (“быть начеку”) – **ворон считать** (“ротозейничать”). В этом случае антоними-

ческие отношения возникают за счет противоположной семантики фразеологизмов. “Структура их может быть одинаковой (**лить пули – резать правду-матку**) или разной (**тянуть канитель – в пожарном порядке**)”. (Е.И. Диброва и др. 1995, с. 158-159).

2. Противопоставление ФЕ основывается на семантическом противопоставлении компонентов. Противоположное значение компонентов может быть выражено приставкой (однокоренные глагольные компоненты) или заключено в корне (разнокоренные глагольные компоненты). Например, **закрыть глаза – открыть глаза** (противоположная семантика основана на противопоставлении компонентов **закрыть – открыть**, которое заключено в префиксе), **закрыть двери – открыть двери**, **связать руки – развязать руки**. **Заварить кашу – расхлебывать кашу** (противоположное значение заключено в корне глагольного компонента **заваривать – расхлебывать**), **поднимать нос – вешать нос**, **сбрасывать маску – надевать маску**.

Антонимические отношения могут быть выражены отрицательной формой того же фразеологизма: **знать свое место – не знать своего места**, **повесить нос – не вешать носа**, **играть роль – не играть роли**.

Антонимические отношения чаще возникают у фразеологизмов модели “глагол + имя со значением прямого объекта”, имеющих глагольную и качественно-оценочную семантику: **воды не замутит; мухи не обидит** (“тихий, скромный”) – **прошел огонь, воду и медные трубы; пальца в рот не клади** (“бывалый, уверенный в себе”); **поджать хвост** (“чувствовать себя неуверенно”) – **распушить хвост** (“хвастаться, куражиться”). Это явление возникает на семном уровне. Абстрактные семы полярны по признаку: “скромный – уверенный в себе”, “неуверенно – дерзко, нагло”. Не отмечается явление антонимии во фразеологизмах с различными оттенками модальных значений (**чего греха таить, бойтесь бога**), редко отмечается у фразеологизмов, выполняющих функцию наречия (**хоть топор вешай, хоть глаз выколи**). Следует отметить также, что фразеологизмы, имеющие закрепленную грамматическую форму (определенную форму лица, числа, наклонения, времени глагольного компонента), редко вступают в антонимические отношения с фразеологизмами подобной грамматической структуры (**пальчики оближешь – в рот не возьмешь**). При анализе фразеологической антонимии, как и при анализе фразеологической синонимии, разграничивают системные связи сходноструктурных и разноструктурных единиц (Е.Н. Миллер, 1990; М.И. Сидоренко,

1969; А.М. Эмирова, 1971 и др.). К одноструктурным можно отнести следующую пару антонимических фразеологизмов рассматриваемой модели: **дать поблажку – накрутить хвост, дать зеленую улицу – вставлять палки в колеса, иметь зуб – души не чаять. Иметь зуб** – “испытывать недовольство кем-либо, неприязнь к кому-либо за что-либо, желание причинить вред, неприятность кому-либо” (ФСРЯ, с. 185). **Души не чаять** – “очень сильно, безгранично любить кого-либо” (ФСРЯ, с. 517).

Значительно многочисленнее случаи, когда фразеологизмы модели “V + N₄/N₂” имеют фразеологические антонимы, построенные по другой структурной схеме, то есть пара является разноструктурной. К этой группе относим фразеологизмы: **тянуть канитель – в пожарном порядке** (“медлить – быстро делать”), **связать по рукам и ногам – развязать руки** (нет свободы действовать – свобода действий), **выбиваться из сил – набираться сил** (“изнемогать – крепнуть”), **вставлять палки в колеса – брать на буксир** (“мешать – помогать”), **заморить червячка – насытиться от пуза** (“слегка утолить голод – объесться”), **дать волю – взять в шоры** (“предоставить свободу – ограничить свободу”), **сломя голову – как черепаха** (“стремительно – медленно”), **петь дифирамбы – разделить под орех** (“хвалить – ругать”).

Следует отметить, что синтагматические связи одноструктурных антонимов совпадают (**дать поблажку кому – накрутить хвост кому**), а разноструктурные антонимы имеют различные синтагматические связи (**вставлять палки в колеса кому – брать на буксир кого, дать волю кому – взять в шоры кого**). Действительно, “антонимичность зависит от лексической сочетаемости (валентности). Если она одинакова, то это антонимы” (М.И. Сидоренко, 1969, с. 94.). А.И. Молотков отмечает: “Очевидно, что если бы фразеологизмы **кот заплакал** и **куры не клюют** были фразеологическими антонимами, они могли бы, имея по одному значению, быть употреблены в любом однотипном контексте”. (1977, С. 163). Однако **кот заплакал** – “мало” – денег, друзей, продуктов, а **куры не клюют** – “много” – только денег.

Итак, фразеологизмы, построенные по модели “глагол + зависимый субстантивный компонент со значением прямого объекта”, достаточно часто вступают в антонимические связи с фразеологизмами, построенными по другим моделям, а также со словами (и особенно со словами с грамматическим значением наречия, прилагательного).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ “ЧЕРТ”

Шведова Н. В.

Курган, Курганский государственный университет

Предметные фразеологизмы составляют большую часть фразеологического фонда русского языка. В этом классе объединяются фразеологические единицы, которые обозначают предмет в широком смысле этого слова. В формировании этих фразеологизмов принимают участие существительные, которые обладают категорией одушевленности (Р. п. = В. п.), хотя не принадлежат к наименованиям человека. К ним относятся названия сверхъестественных существ, наделенных, по религиозным представлениям, определенными свойствами, признаками, качествами, функциями: бог, черт (бес, дьявол), ангел.

Цель нашего исследования – описание семантической структуры предметных фразеологизмов с компонентом “черт”. Наша картотека включает 28 таких единиц. Высокая фразообразовательная активность существительного “черт” обусловлена следующими экстралингвистическими и внутрилингвистическими факторами: необходимость обозначаемых понятий в религии и повседневной жизни, высокая частотность употребления, давность существования в языке, простота морфологического строения (односложное) и простота структуры (2- 3 компонента).

Лексема “черт” в русском языке имеет следующие значения: 1. В язычестве: нечистая сила, водяной, леший. 2. В христианстве: олицетворение зла, враг рода человеческого, искуситель человеческих душ. 3. Перен. Отрицательная оценка человека (разг. фам.). 4. Перен. Положительная оценка ловкого, удачливого человека (разг. фам.). 5. Тв. п. чертом в знач. нареч. - лихо, залихватски, молодецкато (разг. фам.). 6. Им. п. ед. ч. черт употребляется как междометие для выражения сильной досады, неудовольствия (разг. фам.). Из лексического значения слова “черт” видно, что эта языковая единица может обозначать как нечистую силу, врага рода человеческого, так и человека. Компонент “черт” играет очень важную, определяющую роль в формировании семантической структуры фразеологизма. В подавляющем большинстве этих единиц (25) компонент “черт”, выступая в роли грамматического центра фразеологизма, сохраняет свое категориальное значение и распространяет его на всю фразеологическую единицу в целом,

формируя у последней предметную семантику: *проклятый черт, полосатый черт, дохлый черт, коротколапый черт, хромой черт, серый черт*. Субкатегориальное значение одушевленности и лица, присущее существительному “черт”, обозначающему как нечистую силу, так и человека, при образовании фразеологизма также сохраняется. Таким образом, исследуемые фразеологические единицы с компонентом “черт” можно разделить на две семантические группы: 1) фразеологизмы, обозначающие сверхъестественные существа, нечистую силу, 2) фразеологизмы, обозначающие человека.

Первая группа включает 12 фразеологических единиц. Такое количество фразеологизмов свидетельствует или о древней языческой мифологии славян, или о влиянии суеверий народа, в представлениях которого множество различных чертей, бесов и других разновидностей нечистой силы населяло все области повседневной жизни. Эту группу образуют фразеологизмы, называющие 1) черта (сам черт), 2) черта по его внешнему виду (черт с рогами, голый черт, коротколапый черт, серый черт), 3) черта по месту его пребывания (черт из преисподней, черти в аду), 4) черта по морально-нравственным признакам (черт проклятый, бедный черт). Массовому появлению чертей в народном представлении соответствует чрезвычайное богатство и многообразие фразеологизмов, содержащих название черта.

Вторая группа предметных фразеологических единиц с компонентом “черт” называет человека как носителя разнообразных признаков, качеств, свойств: возрастных, профессиональных, внешнего облика и др. Соответственно выделяются различные семантические подгруппы исследуемых единиц: 1) по внешним признакам (*двурукий черт, лысый черт, хромой черт, одноглазый черт, крашенные черти, драный черт, дохлый черт, полосатый черт, черт чертом*), 2) по возрастным признакам (*седой черт, старый черт*), 3) по профессии (*флотские черти*), 4) по свойствам характера (*черт на правду*), 5) по национальности (*желтокожий черт*), 6) по временному признаку (*полуночный черт*), 7) по половому признаку (*черт в юбке*). Существительное “черт” сохраняет свое лексическое значение, является семантически полнозначным, совмещая функции как грамматического, так и семантического центра фразеологизма. Атрибутивные или субстантивные компоненты вносят указание на конкретный, индивидуализирующий признак обозначаемого человека. В роли атрибутивных и субстантивных компонентов используются имена прилагательные (*лысый черт, старый черт, дохлый черт, драный черт, хромой черт*) и имена

существительные (*черт в юбке, черт на правду, черт чертом*), выступающие во фразеологически связанном значении: Заходи, заходи! - помахала рукой Марья. - Вот гад-то подколодный! Я думала, у меня счас разрыв сердца будет. Вот *черт-то полуночный!* Василий Шукшин. Рассказы. Беда, если *старый черт*, а молодой весь наверху. Н. В. Гоголь. Ревизор. Я вас всех уважаю, *черти драные!* Я сильно без вас соскучился. Василий Шукшин. Рассказы. *Я на правду черт*, и хоть ты сердись, хоть нет, а я всегда скажу, что гораздо лучше смотреть побольше за собой, а поменьше за другими. Катенков. Студент. Существительное “черт” связано с представлением о злом начале, поэтому почти все фразеологизмы с этим компонентом имеют резко негативную семантику, характеризуют человека как носителя отрицательных свойств, качеств и являются бранными выражениями: *старый черт, черти полосатые, драный черт, хромой черт и т. п.*

Особую группу составляют предметно-местоименные фразеологические единицы с компонентом “черт”: *черт знает что, черт те что, черт знает кто, черт те кто*. Дейктическая семантика обусловлена обязательностью компонентов “кто” и “что” в составе фразеологизма, и эти же компоненты обеспечивают фразеологической единице морфологическую изменяемость (падежную парадигму). Эти фразеологизмы могут обозначать как одушевленный, так и неодушевленный предмет: Его отчислили с тренировочных сборов и, кажется выгнали с работы. В доме творилось *черт знает что*, и Рагозин опять начал пить. Вл. Кунин. Повести. Николайчик поднимался, шел к коробке, вытаскивал очередную партию его записок, нес к столику и, прежде чем отдать Шубину, прочитывал их, раскладывая на две стопки, - та, что поближе к Шубину, предназначалась для ответов, а та, что оставалась под рукой Николайчика, предназначалась *черт знает для чего*. К. Булычев. Смерть этажом ниже. Да и перед людьми неудобно доставать из портфеля *черт-те что*. Е. Козловский. Мы встретились в раю. Я уж не считаю, что я *черт знает кто*, успокойся! А. Мелихов. Горбатые Атланты, или новый Дон Кишот.

Предметные фразеологизмы с компонентом “черт” принадлежат к разговорному стилю: они используются в живой разговорной речи, в устном общении. Поскольку в устном общении с наибольшей полнотой выявляются не только мысли человека, но и его эмоции, разговорная окрашенность, как правило, сопровождается яркой эмоционально-оценочной коннотацией. Исследуемые фразеологизмы выражают крайне негативную оценочность, дают резко отрицательную характеристику нечистой силе и человеку.

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗНОСТИ: ФРАКЦИОНИРОВАННЫЕ ЗНАКИ

Шестак Л.А.

Волгоград, Волгоградский государственный университет

Языковой образ как несинонимическое отождествление (род – род), будучи выражаем разными структурами языковых знаков и их сочетаний, имеет разветвленную **структурную типологию**. “Предобраз”, дополнительные коннотированные семы рождаются уже при паронимическом сближении знаков: оклеветан клеветами (Саша Соколов) с усилительной или диссонирующей функцией. Осмысление фрагментов знака (*куй железо, пока Горбачев; сигареты “Язва” и “Астма”*) дает возможность коннотировать паронимическую пару **в** структуру слова. Одновременное видение двух картин рождает образ: ‘свобода при Горбачеве’, ‘сигареты, способствующие язве (астме)’. Частичное апплицирование знаков (*скупулянт, чубаучер, прихватизация*), образует словообразовательную, **инкорпорирующую метафору** [Николина 1996: 309–318]. Полное наложение одной из двух форм представляет крайний случай контаминации, поддерживаемый синтагматикой и фоновыми значениями: дуристическая фирма, дуристы, дуристика (*Дуристическая фирма ... – флагман дуристики в России. Дуристы валят валом. Дуризм крепнет год от года...* – ТВ 2003. 1 янв. (Е.Петросян).

Центральной единицей образной системы является **лексическая метафора**, языковая, создаваемая заменой архисемы при сохранении дифференциатора (*ветка ‘боковой побег дерева’ – ‘боковая железнодорожная линия’*) и образная, фольклорная, создаваемая актуализацией потенциальной семы (*лиса ‘хитрый человек’*) [Способы номинации в русском языке 1982: 7–8].

Актуализируемые потенциальные семы могут **распределяться полексемно** в рамках словосочетания или фразы, создавая **синтаксическую метафору** двух и более компонентной структуры – **фразеологизм и фразовый образ** индивидуального характера, не приобретший узуальной устойчивости (*Все победы – пирровы победы, и на свете нет других побед. Пожалел себя – не лезь в поэты. Запросивший скидку – не поэт* – Е.Евтушенко; *Мы уйдем. Мы уже не вернемся. Этой горькой землей захлебнемся. А она лишь на миг всколыхнется. И, как море, над нами сомкнется* – Р. Рождественский).

Синтаксическая метафора охватывает соответствующие **структур-**

ные “объемы”: словосочетание, фраза, ССЦ – сложное синтаксическое целое, текст. Суммируя смыслы, синтаксически расчлененные сравнения обеспечивают взаимодействие разных метафорических оснований: *Гольдберг выставил сразу четыре фотографии бывшего российского Президента. Снимал в упор, безжалостно и хладнокровно. Получился измученный, несчастный мальчик с чертами пьяного удава и больной обезьянки* – День за днем. 2002. №187: 4) – зоометафора и антропометафора; *КУЗНЕЧИК в КАНИФОЛИ* (заголовок статьи о В. Путине – Завтра 2001. №15: 2) – зоометафора, предметная и, одновременно, культурметафора (канифолью натирают смычки скрипок для уменьшения силы звука). Этой полиассоциативностью синтаксические метафоры, созданные взаимодействием разных метафорических оснований, отличаются от собственно зооморфных сравнений типа *Генерал прибыл из отпуска загорелый, как ТАКСА* – ТВ 2003. 1 янв. (канал ОРТ, фильм “ДМБ”).

Абзацная, так называемая **корневая метафора**, являя собой воздействие варьированием, широко применяется в ораторской речи, публицистике, художественном стиле: *“Говорят, есть русский храм, не в Москве, а поодаль... ХРАМ РАСПИСАН НЕИЗВЕСТНЫМ ХУДОЖНИКОМ... ИСТОВОЙ ВЕРУЮЩЕЙ КИСТЬЮ... Мы увидим баррикады у беломраморных стен... Узнаем зал депутатских заседаний, где в темноте при свечах депутаты с озаренными лицами напоминают монахов, собравшихся на веЧЕРЮ. На столпах храма, в рост, как святые и воины, изображены – дружинник “Трудовой России”, ополченец “Союза офицеров”, активист ФНС, баркашовец, казак. Не обошел вниманием безвестный художник и палачей, изобразив их на западной стене храма, где обычно помещают сцены СТРАШНОГО СУДА и ГРЕШНИКОВ, ВВЕРГНУТЫХ в ГЕЕННУ ОГНЕННУЮ... И главный палач, помещенный в КОТЕЛ КИПЯЩЕЙ СМОЛЫ, куда его вилами и копьями заталкивают Рыжий Черт и похожий на бровастого филина ВЕЛЬЗЕВУЛ... ПРЕСТУПИ ПОРОГ ХРАМА и ЗАЖГИ ЗОЛОТУЮ СВЕЧУ, помолись об убиенных героях. А если глубоки в тебе ХРИСТИАНСКИЕ СМирЕНИЕ и ЛЮБОВЬ, то помолись и о ГРЕШНИКАХ...”* – Завтра. 1996. № 40. С. 1.

Текстовой метафорой приходится признать текст в целом, в информационно–первичной функции и **цитату** – прецедентный текст во вторичной функции экфории – восстановления целого по части, детали [Рубакин 1977], а также дополнительного воздействия фоном и историей создания (*В волчьих глазах ночи, в сполохах пламени, как эхо, клокотал и бился неподвластный времени и законам русский*

БУНТ – Век XX и мир. 1990. № 8. С. 25; Если вернуться к политическим играм, к ярмарке тщеславия, то сравнения уместны... – Сегодня. 1998. 4 марта С. 3). Часто тексты представляют собой **контаминированный тип** прямого и метафорического значения, или прямого, метафорического и прецедентного текста одной темы: *Ах, РЕЛЬСЫ, РЕЛЬСЫ... Первыми пали снова СТРЕЛОЧНИКИ. Все... Алло, — прорывается сквозь треск и голоса чей-то сдавленный крик, — пособи простому человеку хоть раз, СТРЕЛОЧНИК я ... Звонили из Новосибирска. Там подсуетились и к отчету правительства сняли с работы директора Новосибирского СТРЕЛОЧНОГО завода... На место снятого директора посадили бывшего директора РЕЛЬСОПРОКАТНОГО завода. Этот, я так думаю, сумеет СПРЯМИТЬ. Но, с другой стороны, без СТРЕЛОК лишний раз НА РЕЛЬСЫ НЕ ЛЯЖЕШЬ — **МОЖЕТ И НЕ ОБЪЕХАТЬ** – Независ. газ. 1998. 4 марта С. 1.*

С **когнитивной** точки зрения образ есть **сближение форм** имен **фреймов** или **слотов** при **паронимическом** сближении (*На всякий звук своей отклик в воздухе пустом родишь ты вдруг –А.Пушкин “Эхо”*); **частичное наложение слотов** (их “наползание”) при **инкорпорирующей метафоре** (апофигей, катастрофика); **наложение фреймов** в случае базовой **метафорической модели** (прекращение функционирования человеческого организма и уход (в другой мир); **“омонимичных” имен слотов** разных фреймов в случае языковой игры (“*Слушай, Гиви, вчера наш отец полез на яблоню и упал. В общем, Гиви, мы ПОТЕРЯЛИ отца... – А под деревом искать не пробовали?*” — анекдот); а также **дотраивание слота до фрейма** в случае **прецедентного теста**: *Каждый должен СЖАТЬ свою ПОЛОСУ* – В.Маканин.

Так, **рождаясь** в синтаксисе, **синтагматической цепи** (паронимическое сближение), образ являет собой **градации полного и частичного наложения, контактного и дистантного сближения, линейной и линейной аранжировки знаков**, распространяясь до метафорического **текста** и сворачивая затем текст в силу прегнантности информации в **имя** (*говорун с человеческим лицом, пухлощекий, холодноглазый мальчиш-плохиш*) – строевое номинативное средство следующего, **усложненного порядка**. **Синтетически и аналитически** (с рассеянием сем и несущих их строевых языковых фрагментов) **понимаемый образ**, языковой и речевой, объемлет в этом случае статику и динамику, систему и функционирование, узус и творчество, обыденное и эстетическое – информацию и игру, синхронию и диахронию (обыгрывание внутренней формы).

Литература

1. Николина Н.А. "Скорнение" в современной речи // *Язык как творчество: К 70-летию В.П. Григорьева.* / РАН; Ин-т рус. яз. М., 1996. – С. 303-318.
2. *Способы номинации в русском языке* / Отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1982. – 296 с.
3. Рубакин Н.А. *Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию* / Н.А.Рубакин; Вступ. ст. Ю.А.Сорокина. – М.: Книга, 1977. – 264 с.

ОМОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ

*Шиганова Г.А.
Челябинск, Челябинский государственный
педагогический университет*

Фразеологические предлоги проявляют способность вступать в омонимические отношения с нефразеологическими сочетаниями (внешняя омонимия) и с фразеологизмами других семантико-грамматических классов (внутренняя омонимия). Если вопрос об омонимии и транспозиции лексических производных предлогов затрагивался и находил то или иное решение во многих лингвистических исследованиях, то о фразеологической омонимии и транспозиции грамматических единиц, в частности предлогов, можно встретить лишь отдельные замечания в работах ученых Челябинской фразеологической школы, имеем в виду прежде всего работы А.М.Чепасовой и Н.А.Павловой. Проблема критериев отграничения фразеологических предлогов от нефразеологических сочетаний слов в лингвистической литературе до сих пор остается малоисследованной.

Фразеологические предлоги, относящиеся к морфологически неизменяемым единицам языка, являются застывшими, фиксированными формами. Большинство фразеологизмов-предлогов представляют собой модель сочетания слов с фразеобразующим компонентом именем в какой-либо падежной форме. Происходит фиксация высокочастотной падежной формы: она утрачивает противопоставленность другим падежным формам данной языковой единицы, происходит ее выпадение из парадигмы. Категория падежа при этом утрачивает функцию реализации предметного значения через совокуп-

ность противопоставленных падежных форм. Функциональное падежное значение становится категориальным, а данная падежная форма – материальной оболочкой неизменяемого служебного фразеологизма. Компоненты-существительные в составе новой фразеологической единицы утрачивают предметное значение и, соответственно, грамматические категории рода, числа и падежа, его оформляющие. Сохраняются лишь формы тех грамматических категорий, которые были у слова до того, как оно стало компонентом предлога. Компоненты-лексические предлоги приносят в новое значение свою категориальную сему и отдельные групповые, подгрупповые и дифференциальные семы. Фразеобразующими являются как знаменательные, так и служебные компоненты. При фиксации предложно-падежной формы и утрате компонентами прежних значений и грамматических категорий формируется новая, служебная семантика. Все это приводит к коренным изменениям в синтаксической и лексико-семантической сочетаемости, в характере выполняемой фразеологическими предлогами функции в предложении.

Сопоставление фразеологических предлогов и свободных предложно-падежных сочетаний слов говорит о том, что существительные в свободном употреблении сохраняют морфологическую связь с падежной парадигмой, падежные формы не являются фиксированными, слова свободного сочетания в указанной грамматической форме имеют функциональное значение. Во фразеологических предлогах, имеющих неизменяемую форму, функциональное грамматическое падежное значение становится категориальным и постоянным.

Таким образом, в составе релятивных фразеологизмов имена существительные утрачивают: 1) предметное значение, 2) лексико-грамматические категориальные семы: абстрактность, вещественность, собирательность, одушевленность/неодушевленность и др., 3) групповые семы: термины родства, части тела, пространства, времени и др., 4) грамматические родовые, числовые и падежные семы, 5) формы изменения, 6) способность иметь при себе определение, 7) способность выполнять разные функции в предложении. Лексические предлоги утрачивают субкатегориальные, групповые и индивидуальные семы. Новая релятивная фразеологическая единица обладает такими свойствами, как: 1) непредметное релятивное категориальное значение, 2) субкатегориальные значения обстоятельства, объекта, признака, 3) групповые значения времени, пространства, причины, цели, объекта речи и т.п., 4) морфологическая неизменяемость, что говорит об отсутствии грамматических категорий, 5) от-

существование самостоятельной функции в предложении. Например: **В зависимости от** (чего) – предлог. Употребляется при указании на отношения обусловленности, соответствия. **В зависимости от степени закаленности** выбирается холодовая нагрузка (Наука и жизнь. 1987. № 11). **Последний крик моды среди японских горнолыжников – лыжные костюмы, изменяющие свой цвет в зависимости от температуры** (Наука и жизнь. 1988. № 6). **В (какой-либо) зависимости от** – сущ. в предл. п. + предлог от. Свободное предложно-падежное сочетание обозначает состояние, положение субъекта. Предлог **от** указывает на объект, который обуславливает это состояние. *Он (Пугачев – Г.Ш.) весь теперь в зависимости от Чики и Мясникова* (В.Шишков. Е.Пугачев). *Он был в полной зависимости от родных.*

Необходимо заметить, что фразеологические предлоги с компонентом-существительным употребляются гораздо продуктивнее, чем их омонимические соответствия. По данным нашей картотеки, некоторые из изучаемых нами релятивных единиц уже стали функционировать в языке только в роли предлогов и не имеют омонимических предложно-падежных соответствий, то есть наблюдается явление транспозиции. Имеем в виду прежде всего такие единицы, как: **в довершение** (чего), **в дополнение к** (чему), **в ипостаси** (кого, чего), **в комбинации с** (чем), **в координации с** (кем, чем), **вне сравнения с** (кем, чем), **в ногу с** (кем, чем), **во главе** (кого, чего), **во главе с** (кем, чем), **в ознаменование** (чего), **во избежание** (чего), **во имя** (кого, чего), **во славу** (кого, чего), **в ответ на** (что), **в отличие от** (кого, чего), **в преддверии** (чего), **в соответствии с** (чем), **по силе** (чего), **на грани** (чего), **на исходе** (чего), **не в пример** (кому, чему) и некоторые другие.

Некоторые фразеологические предлоги способны вступать в омонимические отношения с фразеологизмами других семантико-грамматических классов (внутренняя омонимия).

Релятивные фразеологизмы чаще всего омонимичны фразеологическим единицам качественно-обстоятельственного класса: Например: **В противовес¹** (чему) – предлог. Употребляется при указании на отношения противопоставления, противоположности. *Деятельность – не психологическая, а общественно-историческая категория. Этот тезис необходимо резко подчеркнуть в противовес попыткам психологизировать научное творчество* (М.Г.Ярошевский. На путях к общей теории творчества). **В противовес²** – кач.-обст. Против, вопреки. **В противовес** *господин Миркин провел подписную кампанию на акции КамАЗа* (Нов. мир. 1995. № 6).

Релятивные фразеологизмы образуют омонимические соответствия с призначными фразеологизмами. **На уровне¹** (чего) – предлог. Многозн.

1. Употребляется при указании на объект в пространстве, на одной линии с которым что-либо находится. ...*Но полюбила подходить к дому именно тогда, когда закат горел **на уровне** ее этажа* (Н.Головина. На следующий день). 2. Употребляется при указании на что-либо, соответственно чему осуществляется действие. *На этот раз все произошло **на уровне** лучших европейских стандартов* (Ф.Несеров. Связь времен). **На уровне²**– признач. Удовлетворяющий всем требованиям. *Его воспитывали, да и сам он поработал над собой, чтоб быть, как говорится, на уровне* (В.Панова. Времена года). *Лиза рассматривала поджарого, во всем **“на уровне”** собеседника с пестрой бородкой, похожего на взвинченного и хваткого снабженца* (Н.Головина. На следующий день).

Некоторые релятивные фразеологизмы имеют омонимические соответствия с единицами нескольких семантико-грамматических классов. Чаще всего с качественно-обстоятельственными и призначными. Например: **за кулисами¹** (чего) – “употребляется при указании на объект, прикрываясь которым совершаются какие-либо неблаговидные действия, поступки”, **за кулисами²** – кач.-обст. “тайно, негласно, вне официальной обстановки”, **за кулисами³**– призн. “тайный, негласный”.

Омонимов внутри фразеологических предлогов мы не обнаружили. Это свидетельствует о том, что фразеологические предлоги, являясь вторичными по образованию и, как правило, однозначными, не образуют омонимов внутри своего класса в отличие от фразеологизмов других семантико-грамматических классов фразеологизмов, которые в большинстве своем образуют одноструктурные омонимы в результате распада многозначной фразеологической единицы на два (или более) самостоятельных фразеологизма. И наоборот, внешняя, межкатегориальная омонимия фразеологических предлогов со свободными сочетаниями слов и с фразеологизмами других классов является достаточно продуктивной.

КАТЕГОРИЯ КВАЛИТАТИВНОСТИ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КАЧЕСТВЕННО-ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ КВАЛИТАТИВНОСТИ)

Юздова А.П.
Челябинск, Челябинский государственный
педагогический университет

В процессе научного изучения мира человек осознал такое важнейшее свойство материи, как качественность (качество). Качественность является основным атрибутом материи, формой бытия, одной из первых реальных, которые воспринимаются и дифференцируются человеком.

Первые попытки проанализировать категорию качественности были сделаны ещё в 4 веке до н. э. Аристотелем. Именно он дал одно из первых определений качества, в котором обратил внимание на многоаспектность этой категории. Позже изучением качественности занимались Кант, Гегель, Фейербах, Декарт, Локк, Гоббс и другие. Однако попытки изучить категорию как систему были предприняты лишь в марксистской философии. В настоящее время существует достаточно большое количество определений категории качественности. Под *качественностью* как философской категорией мы понимаем совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающую предмет, явление, действие, признак от других и придающую им определённую. Один из основоположников отечественной теории качественности А.В.Гличев исследовал более ста различных толкований понятия. Сегодня получили активное развитие науки квалиметрия и квалитология. Учёные пришли к выводу, что категория качественности не только многоаспектна, но и системно выстроена, она характеризуется рядом сущностных признаков.

Категория качественности входит в число главных категорий бытия, при помощи которой объект (предмет, признак, действие и т.д.) характеризуется как целостный, обладающий определённой совокупностью свойств и характеристик. Качество изменчиво, оно обладает свойством различного индивидуального восприятия, определяется возможностью удовлетворять определённым потребностям. Изменение качества может происходить стихийно или целенаправленно. Все эти признаки подтверждают сложность анализируемой категории. Первостепен-

ной задачей, на наш взгляд, является выявление структуры категории квалитативности.

Категория квалитативности широко представлена в языке и речи.

Сложная иерархическая структура этой категории может быть рассмотрена на примере анализа качественно-обстоятельственных фразеологизмов со значением квалитативности (душа в душу, засучив рукава, на живую нитку, непробудным сном, что есть силы).

Предпринимая попытку исследовать структуру понятия квалитативности, мы выделили семы различной степени обобщённости: *категориальные, субкатегориальные, групповые*.

Категориальными семами качественно-обстоятельственных фразеологизмов со значением квалитативности являются семы качества и обстоятельства. В свою очередь, категориальная сема представлена *субкатегориальными семами*: собственно качественными и качественно-количественными. Субкатегория собственно качественных фразеологизмов обозначает внутренний признак действия или другого признака (с грехом пополам, с открытым сердцем, как баран на новые ворота). Качественно-количественная субкатегория одновременно обозначает и качество действия или признака, и количество (до кончиков ногтей, как заведенная машина, со всех ног).

Исследуя фразеологизмы, мы обнаружили структурность субкатегориальных сем. Например, собственно качественная субкатегория представлена *группами*, среди которых – группа со значением уподобления, сравнения (как каменная, как кошка с собакой), группа со значением собственно образа действия (постыдным образом, обыкновенным образом). Группа со значением “своеобразно, специфично” (с замиранием сердца, на словах), группа со значением “своеобразно, тайно или уединённо” (с глазу на глаз, за спиной), группа со значением “своеобразно, насильно, пересиливая себя” (из-под палки, через силу), группа со значением “столкнувшись вплотную” (нос к носу, лоб в лоб) и другие. Другая субкатегория, качественно-количественная, представлена, например, такими *группами*: группой со значением “в полной мере, степени, до предела” (до копейки, до отказа), группой со значением “быстро” (как на дрожжах), группой со значением “медленно” (черепашьим шагом), группой со значением “быстро и своеобразно” (по горячим следам, одним махом) и другими.

По нашим данным, более 30% исследуемых фразеологизмов многозначны. Следует учитывать, что разными значениями фразеологизм входит в различные семантические группы.

Например, фразеологизм “как бешеный” имеет три значения: 1)

быстро 2) сильно 3) суетливо, беспокойно. Всеми тремя значениями фразеологизм входит в разные субкатегории: первыми двумя значениями – в качественно-количественную субкатегорию, третьим значением – в собственно качественную категорию. Кроме этого, всеми тремя значениями фразеологизм входит в разные группы.

На основе проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1. Категория квалитативности имеет иерархичный характер.

2. Несмотря на иерархичность строения категории квалитативности, очевидно, в силу многоаспектности, сложности данной категории не удаётся выстроить её структуру, чётко обозначив ядерные и периферийные семы.

3. В силу разветвлённости значения ряда фразеологизмов одна и та же единица характеризует различные субкатегории и группы.

Семантический анализ качественно-обстоятельственных фразеологизмов со значением квалитативности позволит смоделировать семантическую структуру категории квалитативности и предоставит широкие возможности для изучения картины мира, а в конечном итоге даст новые подходы к изучению менталитета.

Учёные пришли к выводу, что одним из путей познания “сложности и высоты духовных идеалов, тонкости и многообразия чувств, эмоций русского человека” является изучение семантики языковых единиц (А.М.Чепасова // Итоги и задачи челябинской фразеологической лаборатории на ближайшие 40 лет // тезисы докладов Международной научно-практической конференции “Фразеология в аспекте науки, культуры и образования”, 2001 г.). Ключ к пониманию мыслительных категорий, особенностей мышления человека, его ментальности – в анализе основополагающей категории бытия, категории квалитативности.

ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОМСКОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ)

Юнаковская А.А.

Омск, Омский государственный университет

Фразеологический словарь, созданный на основе данных омского городского просторечия даст возможность систематизировать материал определенным образом.

Анализ записей живой речи жителей г. Омска позволил выделить типичные черты омского городского просторечия (ОмГПр). Под ОмГПр понимается частное проявление общерусского просторечия, т.е. наблюдается использование языковых средств общерусского просторечия не в полном объеме в границах определенного города, расположенного в Среднем Прииртышье, который является также представителем определенного региона. Общерусское просторечие - это относительно устойчивая наддиалектная коммуникативная система с рядом “собственных” показателей на всех языковых уровнях, имеющая собственную социальную базу, обладающая рядом общих языковых черт с литературной разговорной речью и диалектами (А.А. Юнаковская).

Во фразеологическом фонде современного ГПр выделяются следующие единицы: а) общерусские (употребляемые в КЛЯ, ЛРР, городском просторечии (ГПр), диалектах); б) разговорно-просторечные (имеют ярко выраженный разговорный характер и функционируют на границе ЛРР и ГПр), в) собственно просторечные (бытуют только в ГПр), г) диалектно-просторечные (входят в систему диалекта и ГПр), д) жаргонно-просторечные (используются в ГПр, интержаргоне или тех или иных жаргонах) (Подробнее см. работы О.И. Блиновой, Т.Б. Банковой, А.А. Юнаковской и др.).

Во фразеологическом словаре ОмГПр словарные статьи написаны на единицы различной структуры. Это сложные слова (типа **ЕЛЫПАЛЫ, КАКОЙ-НИКАКОЙ, ПОДОБРУ – ПОЗДОРОВУ** и т.п.), фразеологические единицы семантического типа (**БРОВЬ ♦ НА БРОВЯХ (быть)**). О пьяном человеке, который еле-еле может добраться домой, **РАСШИБИТЬСЯ ♦ РАСШИБИТЬСЯ В ЛЕПЕШКУ**. Употребить все силы для достижения цели и т.п.), тавтологические ФЕ (**БАЛАМУТ БАЛАМУТОМ**. Шутл. Беспокойный человек, **ЛЕЖМЯ ЛЕЖАТЬ**. Лежать долго, не вставая и т.п.), звуковые ФЕ (содержащие звукоподражание или звукоизображение) (**ЛЯ-ЛЯ ТРИ РУБЛЯ**. И так далее, **БРАТЬ НА ФУ-ФУ**. Пугать., **ТРЕНЬ – БРЕНЬ ЭТО ВСЕ**. Что-л. незначительное и т.п.), ФЕ с аллитерацией (**НАПИТЬСЯ В ДРАБАДАН**. Очень сильно опьянеть, **КАК ШЕРОЧКА С МАШЕРОЧКОЙ (ХОДИТЬ)**. Быть всегда вместе и т.п.) Предложения с фразеологизированным значением (**ДЕРЖАТЬ ХВОСТ ПИСТОЛЕТОМ**. Пожелание не отчаиваться, **ПИШИТЕ ПИСЬМА МЕЛКИМ ПОЧЕРКОМ**. Пожелание при прощании, чтобы не забывали, **СИЖУ(ЛЕЖУ) КАК ГОЛЫЙ ВАНЯ НА ДИВАНЕ**. О ситуации, в которой человек ощущает себя не очень уверенно, **У КАЖДОГО СВОИ ГВОЗДИ**

(ТАРАКАНЫ) В ГОЛОВЕ. О человеке со странностями, и т.п.). Фиксацию имеют деепричастия со “свернутым фразеологическим значением” (**ВЫПИВШИ** ♦(быть) **ВЫПИВШИ**, **ВЫСПАМШИ** ♦**НЕ ВЫСПАМШИ**, **ДЕЛАТЬ** ~ **ДЕЛАВШИ** ♦**НЕ ДЕЛАВШИ**, **ЖРАТЬ** ~ **ЖРАМШИ** ♦ (быть)**НЕ ЖРАМШИ**, **СПАТЬ** ~ **СПАМШИ** ♦(быть) **НЕ СПАМШИ** и т.п.). Анализ собранного материала определил предложенный выбор единиц.

При создании словаря подобного типа возможно представление единиц, отражающее системные отношения, что не является традиционным для русской лексикографии.

Словарная статья строится следующим образом: 1) заглавное слово с указанием ударения, при наличии акцентного варианта то указываются оба варианта и т.п. (**АЖУР** (♦**В АЖУРЕ**), **ГЛОТКА** (♦**ДРАТЬ ГЛОТКУ**), ****БАБИЗМ** (**♦**ОДИН БАБИЗМ**), **** ПЕСНЯК**(**♦**ПЕСНЯКА ДАВИТЬ**) и т.п.) (знак ** используется для обозначения единиц, отсутствующих в толковых словарях современного русского языка и словарях новых слов); фонетические лексикализованные варианты, различающиеся фонемным составом, даются как разные единицы; 2) стилистические и иные пометы (перен., экспр., ласк., иронич., шутол., неодобр., груб., нов., устар. и т.п.); 3) толкование значения (значений) единиц; 4) иллюстрации, сопровождаемые пометами, указывающими возраст и пол информанта (м. или ж., 35-40 л., 40-45 л., 45-50 л., 50-55 л., 55-60 л., 60-65 л., 65-70 л., 70-75 л. и т.п.).

С абзаца приводятся единицы с тождественным или близким значением (ФЕ - синонимы), что позволяет расширить границы отображаемого материала. Порядок расположения синонимов алфавитный. Синонимы следует отграничивать от варианта ФЕ (или синонимической формы, по терминологии А.И. Молоткова). Вариант имеет одну структуру и идентичное значение, при замене компонента или компонентов сохраняются формы остальных компонентов (**ГОНЯТЬ ЛОДЫРЯ** (**БАЛАНДУ**, **ВОЛЫНДУ**, **ШАЛУШКИ**). Бездельничать). ФЕ – синонимы могут иметь как одинаковую структуру, так и разную, при этом замена компонентов исключается. Главным признаком является отсутствие одинаковых компонентов. Для указанной ФЕ синонимами являются просторечные единицы **ВАЛЯТЬ ДУРАКА**, **САЧКА ДАВИТЬ**.

Существуют определенные проблемы при отборе и подаче синонимических единиц. Прежде всего, могут ли быть синонимами ФЕ, относящиеся к разным разрядам (глагольному, именному, адъективному, адвербиальному). Так, для ФЕ **ГУСЬ ЛАПЧАТЫЙ**. Хитрый, ловкий че-

ловек в качестве синонима приводится ФЕ **ВО РТУ РАЗУЕТСЯ И ОБУЕТСЯ** с таким же значением, для ФЕ ** **ЖАБА КОНТУЖЕННАЯ**. Бран. О человеке, который плохо соображает (помимо ФЕ **ДУРИЛКА КАРТОННАЯ, ПОЛНЫЙ ТОРМОЗ, ТОВАРНЯК ПУСТОЙ**) в качестве синонима выделяется ФЕ **ФЕВРАЛЬ В ГОЛОВЕ** и т.п.

Также можно выделить ФЕ, которые имеют внешне общую структуру, но не обладают идентичным значением. Это ФЕ типа **ДАТЬ ПО ШАПКЕ**. Прогнать кого-л., выгнать, **ДАТЬ В ТАРЕЦ (ТОРЕЦ)**. Ударить по лицу, **ДАТЬ ПО ЧАВКЕ**. Ударить в челюсть, **ДАТЬ ПО СОПАТКЕ**. Ударить по носу и т.п.

В составе словаря можно выделить и омонимичные ФЕ: ♦ **МАРАФЕТ НАВОДИТЬ**. Заниматься тщательной уборкой (чаще всего квартиры) (с синонимом **ДАТЬ РАХУНОК**), **МАРАФЕТ НАВОДИТЬ**. Употреблять косметику, краситься (с синонимами **МОРДУ РИСОВАТЬ (ДЕЛАТЬ), ШТУКАТУРКУ НАКЛАДЫВАТЬ**) и т.п.

Антонимические отношения также представлены в данном словаре, хотя слабо. Можно выделить ФЕ, имеющие “вербально выраженную оппозицию” (**ВЕШАТЬ ЛАПШУ НА УШИ**. Обманывать, **ПРИНИМАТЬ ЛАПШУ**. Верить, **СНИМАТЬ ЛАПШУ (С УШЕЙ)**. Не верить, **БАШКА ВАРИТ** у кого-л. Кто-л. хорошо соображает, **БАШКА НЕ ВАРИТ** у кого-л. Кто-л. плохо соображает и т.п.)

Наиболее представлены ФЕ, имеющие “вербально не выраженную оппозицию” (**БЕЛЕНЫ ОБЪЕСТЬСЯ, С ГЛУЗДУ СЪЕХАТЬ, С УМА СБРЕНДИТЬ (СПРЫГНУТЬ)**. Сделать что-л. несуразное, глупое. - ?, **НАДРАТЬСЯ В ДРАБАДАН, НАЖРАТЬСЯ КАК ЗЮЗЯ, НАЛИЗАТЬСЯ В СОСИСКУ** и т.п. Напиться пьяным - ? и т.п.)

Таким образом, на материале фразеологического словаря городского просторечия можно как выделить корпус ФЕ и показать их функционирование, так и отразить системные отношения. Подобный подход требует глубокого теоретического осмысления в дальнейшем.

ВНЕШНИЕ СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЕДИНИЦ ФРАЗЕОЛОГИИ: К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛИСЕМАНТИЧЕСКИХ И ПАРОНИМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Авдеева О.И.

Волгоград, Волгоградский государственный педагогический университет

1. Синтагматические отношения единиц языка, наряду с парадигматическими, а также ассоциативными, иерархическими и другими, формируют как отдельные языковые уровни, так и язык в целом как системно-структурное образование.

2. В рамках теории информации понятие системы определяется через понятие среды: “множество образует систему, если связи определенного типа между элементами этого множества (внутренние связи) преобладают над аналогичного вида связями между элементами этого множества и окружающей средой (внешние связи)” (И.В. Арнольд). Согласно этому определению, под системой в лингвистике может пониматься как языковая система в целом, так и частные ее проявления: уровни, категории, поля, группы и даже единицы. Следовательно, фразеологическая единица (ФЕ) как система выступает как единое целое по отношению к окружающему контексту (т.е. к среде).

3. Взаимоотношения ФЕ и контекста образуют внешнюю синтагматику ФЕ, в то время как взаимоотношения компонентов внутри ФЕ (семантические, лексические, грамматические) образуют внутреннюю синтагматику ФЕ.

4. Проблема внешних синтагматических связей единиц фразеологии тесно связана с проблемой границ ФЕ: введение слова-сопроводителя в обязательный состав ФЕ может привести к образованию паронимической ФЕ, характеризующейся новыми семантическими и грамматическими признаками, что закономерно приводит к изменению внешних синтагматических связей единицы.

5. Подобные отношения характерны для паронимических фразеологических групп, одна из которых обозначает состояние неопределенности, а другая, производная от нее, передает конкретные значения субстантивного, адъективного или адвербиального характера.

6. Первая группа (со значением состояния) зафиксирована во “Фразеологическом словаре русского языка” под ред. А.И. Молоткова в следующих границах: *бог (господь, аллах, черт, бес, леший, нёс) знает...* (что, кто, какой, как, где, когда и т.п.) с двумя значениями: 1) ‘неизвестно, никто не знает...’; 2) ‘выражение возмущения, негодования, вообще отрицательного отношения к чему-либо или по поводу чего-либо’ [с. 39]. Наличие сменного компонента со значением деятеля порождает богатые вариативные возможности рассматриваемой ФЕ. При чем использование компонентов со сниженной коннотацией (*чёрт, бес, леший, нёс*) приводит к возникновению отрицательно коннотированных ФЕ (*нёс знает*).

7. Сочетание ФЕ данной группы со словами-сопроводителями чаще всего приводит к актуализации значения “неизвестно, никто не знает”: *бог знает что* – ‘неизвестно, что’; *бог знает какой* – ‘неизвестно, какой’. Данные ФЕ соотносятся с категорией состояния и достаточно часто разворачиваются в полипредикативную конструкцию по типу сложноподчиненного предложения фразеологизированной модели.

8. Включение слова-сопроводителя в обязательный корпус ФЕ порождает паронимические ФЕ со следующими значениями: *бог знает что* – ‘что попало, что-то плохое, неподходящее’; *бог знает кто* – ‘кто попало, случайный человек’; *бог знает какой* – ‘какой попало, плохого качества, неподходящий’; *бог знает как* – ‘плохо, как попало’; *бог знает где* – ‘очень далеко’; *бог знает когда* – ‘очень давно’; *бог знает куда* – ‘очень далеко’; *бог знает откуда* – ‘из очень далекого места’ и т.д. Причем отмечено ограничение в использовании сменного компонента со значением деятеля. Чаще всего в этом случае используются только три компонента: *бог, чёрт, хрен*.

9. Следствием изменения границ ФЕ являются изменения не только семантических, но и грамматических характеристик единицы: рассматриваемые ФЕ соотносятся либо с существительными (*бог знает кто, бог знает что*), либо с прилагательными (*бог знает какой*), либо с наречиями (*бог знает как, бог знает когда, бог знает откуда*).

10. Грамматическая отнесенность данных ФЕ формирует особенности их внешней синтагматики. ФЕ, соотносимые с существительными, имеют субстантивную семантику и чаще всего либо управляются глаголом, либо находятся с ним в предикативных отношениях. ФЕ, соотносимые с прилагательными, имеют адъективную семантику и обычно согласуются с существительным, находясь с ним в атрибутивных отношениях. Соотносимые с наречиями ФЕ имеют также адъективную се-

мантику и примыкают к глаголу, вступая с ним в обстоятельственные отношения.

11. Таким образом, изменение границ ФЕ может привести к возникновению паронимических ФЕ с новыми внешними синтагматическими связями.

12. Следовательно, представленное во “Фразеологическом словаре русского языка” второе значение данных ФЕ (‘выражение возмущения, негодования, вообще отрицательного отношения к чему-либо или по поводу чего-либо’) лишь частично приближается к отмеченным нами значениям паронимических ФЕ. Это связано в первую очередь с тем, что данное в словаре значение больше обращено к коннотативному аспекту полисемантических единиц, чем к номинативному. Но, на наш взгляд, здесь имеют место не многозначные единицы, а паронимические, так как они отличаются целым комплексом структурно-семантических характеристик: 1)компонентным составом, 2)семантическим наполнением, 3)грамматическими свойствами, 4)внешними синтагматическими связями.

РУССКИЕ ПАРЕМИИ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Байрамова А.К.

Казань, Казанский государственный университет

Исследователи паремий и фразеологизмов, включающих субстантивы жизнь и смерть, указывают на такие их смысловые структуры.

ЖИЗНЬ: А. Путь, совершаемый личностью в земном пространстве, а момент его завершения есть начало новой жизни, переход к которой осуществляется через мост. Время жизни земной линейно в противоположность цикличности вечной жизни. При жизни человек готовится к смерти, заботясь о душе, а о теле умершего заботятся другие. В целом паремии отражают невнимание человека к материальным ценностям жизни и значимость для него духовного. Б. Вещь, легкая или тяжелая, достаточно однотонная (темная или светлая), иногда полосатая. В. Созидательница (женщина). Этот гештальт выводится из суждений типа Хорошая жизнь ум рождает, плохая и последний теряет. В более широком плане этот смысл можно трактовать как причину психофизического состояния человека: хорошая жизнь определяет хорошее состояние, пло-

хая плохое. СМЕРТЬ: Женщина, имеющая свое лицо и агрессивный характер, способная турнуть со двора, наглая, не любящая живота и равнодушная к нарядам (Смерть саваном не ублажишь). Злодейка, но она же и избавительница от трудной жизни. Разлучница тела и души, стремится, как женщина, создать уют, а душе - простор. Последний факт позволяет языковому сознанию оценивать ее положительно. Однако в целом преобладают паремии, отражающие пессимистическое отношение к жизни и принятие смерти как данности, но с некоторой насмешкой над ней (Чернейко Л.О., Хо Сон Тэ, 2001).

Действительно, собранный нами материал также подтверждает эти идеи. Правда, мы бы не согласились с авторами при определении смерти как наглой, хотя известна поговорка *Избави бог от наглой смерти*. Здесь слово *наглая* является семантическим архаизмом и означает: внезапная, быстрая, неожиданная. Отражение этой характеристики (внезапности) смерти находим и в других поговорках: Смерть берет расплохом. Смерть нахрапом берет.

При внезапной смерти человек не успевает покаяться, поэтому она и хуже всего: Смерть без покаяния собачья смерть. Дай бог умереть, да дай бог покаяться. В то же время внезапная смерть считается легкой: Легче всех нечаянная смерть. Нежданная смерть находка. Не оспаривая более приведенные выше паремиологические оценки содержательной структуры понятий жизни и смерти, дополним их.

Необходимо, на наш взгляд, отметить, что в паремиях указываются общие для жизни и смерти черты. Это:

1) Жизнь и смерть зависят от Бога: Кто вложил душу, тот и вынет. Не своя воля, сам собой не помрешь. Бог душу вынет, сама душа не выйдет. Плакать станешь, бог больше жить заставит. Бога прогневишь, и смерти не даст.

2) В паремиях указывается и на единство, взаимосвязь жизни и смерти: Кто не родится, тот не умирает. Это единство проявляется и в единственности жизни и смерти: Один раз мать родила, один раз и умирают.

3) Тем не менее жизнь и смерть несовместимы, они и не любят друг друга: Смерть живота не любит. Живот смерть не любит.

4) И жизнь, и смерть - это искусство, умение, и оно не из легких: Умел жить, умей и умереть. Не умел жить, так хоть сумей умереть. Жизнь прожить - не поле перейти. Жизнь прожить что море переплыть. Жизнь изжить - не лапоть сплести. Век изжить - не мех сшить. Век

изжить - не рукой махнуть, не рукавицей тряхнуть. Умирать - не лапти ковырять: лег под образа да выпучил глаза, и дело с концом. Умирать не в помирушки играть.

5) Страх сопутствует как жизни, так и смерти: Всякий живот смерти боится. Бойся жить, а умирать не бойся. Жить страшнее, чем умирать. Хотя перед смертью страха у людей больше. Об этом и написал А.Н.Афанасьев: Живому неестественно не страшиться смерти, потому что жизнь уже сама по себе есть и высочайшее благо, и высочайшее наслаждение, об исходе которого нельзя думать без особенного тревожного чувства. У всех народов ходит много примет и совершается много обрядов, указывающих на тот страх и то опасение, с которыми смотрят все на все, что напоминает о последнем конце (Древо жизни. М.,1983.- С. 326). Но поскольку никто не знает, когда придет смерть, то именно этим обстоятельством и нейтрализуется страх перед смертью: Умереть сегодня страшно, а когда-нибудь - ничего.

Паремиологическая и фразеологическая дифференциация жизни и смерти выражается по признакам, раскрывающим следующее ее содержание:

1) Неизбежность смерти: Смерть не свой брат: разговаривать не станет. Смерть ни на что не глядит. От всякой смерти не набережешься. Не в гору живешь, а под гору. День и ночь - сутки прочь, а все к смерти ближе. Сколько ни быть, а смерти не отбыть.

2) Справедливость смерти, ибо она всех уравнивает: Смерть всех сравнивает. На всех одна смерть. Одна смерть правда.

3) Несмотря на разнообразие жизни, тем не менее именно во фразеологизмах о смерти отражены ее виды. Так, дифференцируются: ушел в Ершову слободу (утонул); пожаловать (кого) двумя столбами с перекладиною (повесить); подсыпать белого перца; напоить крепким чаем (отравить); сложить (буйную) голову (головушку) (погибнуть, быть убитым (на войне)).

4) Выигрывает от смерти только лекарь: Усопшему мир, а лекарю пир.

5) Жизнь человека очень короткая: Собираемся жить с локоть, а живем с ноготь. Жили с сажень, а доживать с пядень.

6) Какой бы жизнь ни была, она лучше, чем смерть; Жить грустно, а умирать тошно. Как жить ни тошно, а умирать тошней. Лучше век терпеть, чем вдруг умереть. Жить мучиться, а умереть не хочется.

7) Материальные блага - ничто по сравнению с таким благом, как жизнь: Тони моя котомка, да будь я на берегу! Поэтому жизнь и смерть рассматриваются в космосе бытия как: жизнь - сказка, смерть - развязка. Гроб - коляска не тряска, садись да катись.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аверина М.А.</i> Межкатегориальная внутрифразеологическая омонимия фразеологизмов – союзов
<i>Белозерова Ф.М.</i> О введении гендерного компонента в толкование фразеологизмов в словаре
<i>Белозерова Ф.М., Талашова Э.М.</i> Репрезентация женских имен во фразеологии английского, немецкого и русского языков
<i>Блинова Е.В.</i> Особенности функционирования окказиональных слов и фразеологизмов-дериватов узуальных фразеологических единиц в художественном тексте
<i>Бурмистрович Ю.Я.</i> Об омонимии и полисемии в лексемике и фраземике
<i>Бурмистрович Ю.Я.</i> О структуре значения фразем
<i>Великанова Е.В.</i> Семантическая структура предметных фразеологизмов – дериватов с отвлечённым значением
<i>Габрик Е.Ф.</i> Новые фразеологические значения в современном русском литературном языке (на примере ФЕ “новые русские”)
<i>Гольдберг А.И.</i> К проблеме англицизмов в современном немецком языке
<i>Гончарова Н.В.</i> Процессуальный фразеологический мир О.Мандельштама
<i>Григорьева Е.А.</i> Количественная семантика фразеологизма как языкового знака
<i>Доронина Е.Г.</i> Семантическая структура фразеологической единицы в художественном тексте (на материале произведений А.Платонова)

- Жакина Ю.С.* Семантическая структура процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности как языковых знаков
- Ильина Л.Н.* Качественно-обстоятельственные фразеологизмы в романе Набокова “Дар”
- Кабыш В.И.* Варьирование компонентов процессуальных фразеологизмов с глаголами брать/взять
- Казачук И.Г.* Семантические категории многозначных объектных процессуальных фразеологизмов
- Козлова Р.М.* Семантика и структурно-семантическое моделирование фразеологизмов
- Корнилова Л.Н.* Семантические свойства и отношения процессуальных фразеологизмов со значением становления
- Ксенофонтова Л.В.* Семантико-синтаксические особенности фразеологических единиц в изолированном употреблении
- Кудрина Н.В.* Фразеология в “Поэме без героя” Анны Ахматовой
- Кузьмина В., Медведева Н.А.* Семантика фразеологизмов в поэтической речи Н. Глазкова
- Куныгина О.В.* Фразеологические частицы: опыт составления словаря
- Лебединская М.И.* Компаративная фразеология в поэзии К.Бальмонта
- Липатов А.Т.* Трансформация канонических фразеологизмов как изобразительно-речевое средство создания иронии в эпистолярной А.П.Чехова
- Медведева Н.А.* Семантика и компонентный состав

- фразеологизмов с религиозным компонентом
- Мелерович А.М.* О диалектике соотношения смыслового содержания и формы фразеологических единиц в системе речи.....
- Недельчо Е.В.* Системные связи цветовых и световых слов в контексте паремий
- Поперина И.М.* Синтаксическая организация фразеологических предлогов, оформляющих родительный падеж имени
- Радченко Е.В.* Специфика значения причастных и деепричастных форм процессуальных фразеологизмов
- Ратушная Е.Р.* Фразеологизмы-титулования человека в русском языке
- Решетнёва У.Н.* Антропонимы и топонимы китайских фразеологизмов
- Сергеева Г.Н.* Словарная статья полифункционального слова в большинстве
- Соколова А.А.* Процессуальные фразеологизмы с именным компонентом *отношение*
- Соловьёва А.Д.* Оценочность как признак значения качественно-обстоятельственных фразеологизмов
- Туркина Б.В.* Предикативные и непредикативные формы процессуальных фразеологизмов субкатегории состояния
- Усачева Н.Б.* Знаковая природа фразеологических связок
- Фесенко О.П.* Реализация в текстах писем А.С. Пушкина системных семантических отношений фразеологизмов.....
- Фокина М.А.* Фразеологические синонимы и антонимы

в повествовательном дискурсе

Харлова Н.М. Антонимические связи фразеологизмов, построенных по модели “глагол + зависимый субстантивный компонент со значением прямого объекта”

Шведова Н.В. Семантическая структура предметных фразеологизмов с компонентом “черт”

Шестак Л.А. Типология языковой образности: фракционированные знаки

Шиганова Г.А. Омонимические отношения фразеологических предлогов

Юздова Л.П. Категория качественности во фразеологии (на примере анализа качественно-обстоятельных фразеологизмов со значением качественности)

Юнаковская А.А. Отражение системных отношений во фразеологическом словаре (на материале омского городского просторечия)

Авдеева О.И.

Внешние синтагматические связи единиц фразеологии: к проблеме разграничения полисемантических и паронимических фразеологических единиц

Байрамова Л.К.

Русские паремии и фразеологизмы о жизни и смерти

**СЕМАНТИКА И ФОРМА
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАКОВ ЯЗЫКА**

Тезисы докладов
Всероссийской научной конференции
(Курган, 19-20 мая 2003 года)

Редактор Л. Глазкова

Подписано к печати	Бумага тип № 1	
Формат 60*84 1/16	Усл.-печ. л. 10	Уч.-изд. л. 10
Заказ	Тираж 150	

Издательство Курганского государственного университета
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет, ризограф.